

С. АУСЛЕНДЕРЪ

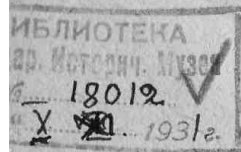
СЕРДЦЕ ВОИНА

ПЕТРОГРАДЪ
1916

11047/5

К 95 33

Петроградъ, дозволено военной цензурой 28 апрѣля 1916 г.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Надеждѣ Александровнѣ

ЗБОРОВСКОЙ

СЕРДЦЕ ВОИНА.

I.

Уже три дня, какъ прапорщикъ Батурина выписанъ изъ лазарета и живетъ у старинныхъ своихъ знакомыхъ Петровыхъ.

Будто привѣтствуя героя и стараясь опровергнуть давнюю клевету о мрачной сумрачности сѣверной столицы нашей, всё эти три дня яркое, уже по-весеннему яркое, солнце, ни на минуту не утомляясь, свѣтитъ, дѣлая такимъ празднично-наряднымъ Петроградъ.

У Батурина много знакомыхъ, кромѣ того много еще, какъ кажется, неотложно-спѣшныхъ дѣлъ, и цѣлые дни ѣздитъ онъ по улицамъ, улыбается, тщательно отковыриваетъ во всѣ стороны, поправляя на сѣрой шинели бѣленькій крестикъ, выходитъ изъ экипажа, слегка опираясь на черную тросточку, входитъ въ магазины или квартиры, и снова ѣдетъ, такъ до самаго вечера.

Часто сопровождаетъ Батурина Варя Петрова, его сверстница, нѣжная подруга съ дѣтскихъ

лѣтъ; не то томная влюбленность, не то братская дружба соединяетъ ихъ, сладкая неясность отношеній кажется особенно прельщаетъ обоихъ.

Варя училась въ школѣ живописи, подавала большія надежды. Сейчасъ же, какъ тысячи другихъ русскихъ дѣвушекъ, надѣла бѣлый платочекъ сестры милосердія, усердно посѣщала свою общину, готовясь черезъ три недѣли выдержать послѣдній экзамень и уѣхать съ земскимъ отрядомъ.

Батуричь надъ ней подшучиваетъ:

— Ну, куда тебѣ, Варенька. Сестра должна быть сильна и вынослива, какъ буйволъ. Это—главное. Вотъ какъ съ нами было: остановился санитарный поѣздъ—путь испорченъ. Нѣмцы налѣзаютъ, обстрѣливаютъ, а нужно раненыхъ въ другой поѣздъ пересаживать, такъ шаговъ сто пройти, да подъ огнемъ. Санитаровъ мало, носилокъ на всѣхъ не хватаетъ. Я думалъ: ну, конецъ, не выбраться изъ каши. Ногой пошевелить не могу. А сестра у насъ была, изъ эстанокъ, что ли, молоденькая, да такая сильная и рѣшительная. Схватила меня въ охапку, я не успѣлъ слова сказать, какъ ребенка малаго, да бѣгомъ къ поѣзду. Послѣ меня десять офицеровъ, даже одного полковника, перетаскала, и хоть бы что. Ну, а тебѣ, Варенька, хоть одного, самага худенькаго прапорщика, и то не поднять. Ты будешь только ходить ангеломъ-хранителемъ: «Солдатику, хочешь письмо на родину

напишу?»—«Никакъ нѣтъ, самъ грамотный».—«Гдѣ жъ ты учился?»—«Въ московскомъ университетѣ!»

Батуричь смѣялся, повторяя этотъ извѣстный анекдотъ.

«Въ московскомъ университетѣ». Но Варя не обижалась, только улыбалась, слегка смущенно, такая худенькая она была, блѣдненькая петроградская барышня, гдѣ ей исполнить трудный подвигъ, и только упорно сдвинутыя брови говорили, что все исполнить, все перенесеть.

II.

Въехали они по Невскому; солнце прямо ослѣпляло. Гремятъ трамваи, несутся автомобили, нарядная, веселая, и по виду такая безпечная толпа на широкомъ тротуарѣ около Пассажа.

— Какъ хорошо!—говоритъ Батуричь.—Какъ хорошо, что радостная и красивая жизнь такая; какъ хорошо. Вотъ вернулся въ Петроградъ, и все здѣсь неизмѣннымъ осталось то, что любилъ прежде. А съ другой стороны, какъ хорошо, что многое, многое уже измѣнилось, но измѣнилось-то къ лучшему, а все, что было прекраснаго и Невскій, и шпигъ Адмиралтейскій, и солнце, это-то все осталось и навсегда останется.

Говорилъ Батуричь восторженно и не совсемъ вразумительно, но Варя привыкла принимать его всякимъ, и печальнымъ, раздражи-

тельнымъ, и равнодушно-вялымъ, и сейчасъ принимала и понимала этотъ неясный восторгъ, съ которымъ ко всему еще въ лазаретѣ относился Батуриный. Все-то его радовало, все поражало, все казалось необычайно прекраснымъ.

Сейчасъ оци ѣхали на выставку картинъ.

— Представь, Варенька,—говорилъ Батуриный,—я шесть мѣсяцевъ не читалъ стиховъ, не видѣлъ ни одной картины, и, представь, я даже не замѣчалъ этого совершенно. За то теперь какая жадность, какое нетерпѣніе, если бы ты только знала! Да ну же, братецъ мой, погоняй, вѣдь, мы торопимся!—покрикивалъ онъ на извозчика.

— Успѣемъ, баринъ. Ишь, какой прыткій!—отвѣчалъ извозчикъ, совсѣмъ сѣдой сухенькій старичокъ, и, не оборачиваясь, причмокивая на лошадь, спрашивалъ:

— А что я васъ спрошу, баринъ. Внуку у меня тамъ Иванъ Захаровъ. Не встрѣчали ли? А то не знаю, и живъ ли?

— Живъ, конечно, живъ!—такъ радостно, такъ увѣренно закричалъ Батуриный, что старичокъ только головой замоталъ съ благодарностью.

III.

Батуриный такъ торопился, что на лѣстницу во второй этажъ поднялся чуть не бѣгомъ, зато въ передней, когда снималъ шинель, почувство-

валъ, что опять заныла нога. Въ первой же комнатѣ сѣлъ Батуриный на стулъ и сталъ такой тихій, задумчивый, молчаливый, смотрѣлъ на картины внимательно, и будто слегка удивленно. Послѣ долгаго молчанія тихо, почти шопотомъ, промолвилъ:

— А, вѣдь, это совсѣмъ, Варенька, какъ у насъ въ дѣтствѣ на Волгѣ у тети Кати.

На картинѣ была площадь маленькаго уѣзднаго города, съ красной низенькой церковью, за высокимъ заборомъ большой яблочный садъ, посреди площади свинья въ лужѣ, у дверей лавки лавочникъ съ околоточнымъ въ шапки играютъ, по деревянной панели идетъ мальчикъ въ матроскѣ, а въ открытомъ окнѣ за слегка раздувающейся тюлевой занавѣской барышня въ косахъ вокругъ головы играетъ на роялѣ, а старая дама читаетъ книгу у круглаго стола.

Совсѣмъ не было все это похоже на тотъ маленькій волжскій городокъ, гдѣ по лѣтамъ жили семейства и Батуриныхъ и Петровыхъ у тети Кати, которая кому собственно теткой приходилась какъ-то не помнилось, общая была «тетя Катя». Не была картина похожа на все знакомое и милое, но Варя поняла, почему Батуриный сказалъ ей:—«Совсѣмъ, какъ у тети Кати». Будто легкимъ вѣтеркомъ съ Волги подуло на нее, такимъ свѣжимъ и напоеннымъ запахами сѣна съ заволжскихъ луговъ и поспѣвшихъ яблоковъ. Сидятъ она и Миша Батуриный на самомъ

вѣнцѣ горы. Внизу Волга, желтая отмель и безконечная синева заманчивыхъ и жуткихъ лѣсовъ заволжскихъ, которые тянутся до Сибири, и даже до самой Вятки, какъ завѣряетъ яблочный дѣдъ Антипка. Заходитъ солнце, зажигая золотомъ окна домовъ и главы церквей. На далекомъ плесѣ стройный бѣлоснѣжный бѣжитъ «Самолетъ», въ саду гдѣ-то внизу поютъ дѣвушки скитскую жалобную пѣсню. Миша Батуриный въ коломянковой гимназической блузѣ въ желтыхъ сандаляхъ на босую ногу, веснучатый, грызетъ яблоко и говорить:

— Это, вѣдь, я вчера вечеромъ стрѣлялъ. Дѣдка Антипка далъ мнѣ пальнуть, чтобы яблоковъ не крали. Мы костеръ развели, картошку пекли. Звѣздно вчера было и пожаръ за Сурой. Дѣдка такую исторію завелъ, всю ночь бы слушаль. Вотъ ты, Варя, вылѣзай въ окно, и приходи къ шалашу. Право! Вѣдь такъ ничего интереснаго не увидишь, если того нельзя, да этого нельзя!

Страшно и весело Варѣ, знаетъ, что послушаетъ Мишу и придетъ ночью въ садъ слушать исторію дѣдкину, на звѣзды смотрѣть.

— Ну, Варенька, пойдемъ дальше, отдохнулъ я, нога не ноетъ больше. Да ты на картины и не смотришь, мечтаешь, сестричка-мечтательница.

Варя даже вздрогнула, услышавъ голосъ Батурина, и будто не узнала этой тихой, залитой

солнцемъ комнаты, увѣшанной яркими полотнами, и высокаго офицера съ палочкой, смотрящаго на нее насмѣшливо и нѣжно,—его, Мишу Батурина.

IV.

Въ этотъ день на выставкѣ народу очень мало, комнаты небольшія, нѣтъ суеты, безтолковыхъ разговоровъ и восклицаній за спиной. Можно смотрѣть долго и сосредоточенно. Даже другъ съ другомъ Батуриный и Варя почти не говорили.

Все-таки ходить и стоять долго Батуриному трудно, и они опять сидѣли въ сосѣдней комнатѣ. Вся стѣна была увѣшана небольшими картинами одного, достаточно извѣстнаго художника. На изумрудной водѣ венеціанской лагуны вся бархатомъ одѣтая гондола съ золотымъ львомъ на остромъ носу. Опираясь на руку блестящаго синьора, дама въ лиловомъ плащѣ съ лицомъ, усталымъ и томнымъ, спускается по ступенямъ къ гондолѣ, слушая съ улыбкой, что говоритъ ей старый безобразный монахъ. Гондолеры уже стоятъ на своихъ мѣстахъ. Зловѣщимъ пурпуромъ пламенѣетъ небо надъ будто траурными дворцами и башнями, а въ глубинѣ темной улицы юноша съ блѣднымъ лицомъ, ставъ на колѣно, поднялъ голубоватую розу, небрежно оброненную дамой, и прижалъ ея пѣжные лепестки къ губамъ. И въ позахъ, и въ линіяхъ, въ выраже-

ніяхъ лицъ, въ самихъ краскахъ была вся изощренная изысканность нашего вѣка, столь жадно влекушагося къ утопченной красотѣ всѣхъ временъ и народовъ.

— Это будто иллюстрація къ венеціанскимъ сонетамъ Чугунова,—заговорилъ тихо Батуричь.—Ты помнишь, весной мы были у него. Неужели только три года прошло, а, кажется, какъ давно, какъ давно это было! Онъ жилъ на восемнадцатой линіи Васильевского острова. Какъ было все странно тогда! Вся комната обита парчей, на полкахъ книги въ пергаментѣ. Такъ приторно-сладко благоухали гіацинты въ длинныхъ узкихъ вазахъ. Въ сумеркахъ такъ же зловѣще пылало закатное небо, какъ здѣсь на картинѣ, и голосъ Чугунова, такой глухой и усталый, повторяющій звучныя строфы о прекрасной и жестокой синьорѣ Біанкѣ, что живетъ въ своемъ мрачномъ палаццо, выходящемъ на узкій каналъ. Она ѣздитъ въ траурной гондолѣ со спущеннымъ полотномъ, медленно проходитъ къ своему мѣсту у праваго алтаря, а ночью при свѣтѣ желтыхъ свѣчей творить свои чары.

Батуричь говорилъ тихо, какъ бы вспоминая про себя, самъ не слыша своихъ словъ, а Варя уже видѣла узкую комнату, открытое окно, Чугунова въ бархатной коричневой курточкѣ. Какія странныя грезы владѣли тогда ими всѣми. Поздней, уже по-весеннему свѣтлой, ночью возвращались они по безконечной линіи, и какимъ

странно-незнакомымъ, вдохновеннымъ было лицо Батурина, шедшаго рядомъ. Будто загишотизированный, мѣрно выстукивалъ онъ своей тростью по плитамъ тротуара и потомъ, когда лодочникъ перевозилъ ихъ черезъ Неву (мосты были разведены) и какой-то незнакомецъ мрачно кутался на кормѣ, а съ моря свѣжимъ соленымъ вѣтромъ несло,—какъ сказочно ненастоящими были всѣ мысли, ощущенія, поблѣднѣвшія усталыя лица, четкія линіи зданій.

— Какое странное было время,—заговорилъ Батуричь, будто тѣ же картины прошлаго возникли и передъ нимъ.—Какое странное время. Мы жили въ высокой бѣлой башнѣ изъ слоновой кости, мы были отдѣлены отъ всего міра нашими изысканными мечтами, и жизнь... какой грубой и безвкусной казалась намъ эта далекая, чужая намъ жизнь. Какъ это смѣшно вспомнить, особенно сейчасъ. Но хорошо, что было когда-то и такъ.

V.

Они долго ходили по небольшимъ комнатамъ выставки, сажались, возвращались назадъ, по долгу смотрѣли своихъ любимцевъ.

Наконецъ, осмотрѣвъ все, они сѣли на маленькомъ диванчикѣ рядомъ, оба нѣсколько усталые и задумчивые. Напротивъ диванчика висѣло небольшое полотно незнакомаго имъ художника. Вѣроятно, это былъ какой-нибудь

парижскій кабачокъ. Сквозь синія тяжелыя сторы уже пробивалось тусклое холодное утро. Столы сдвинуты такъ, какъ будто были танцы, или можетъ быть, крупная свалка. На полу смятые цвѣты и грязное конфетти. Старый бритый лакей, прислонившись къ стѣнѣ, туго дремлетъ; у пианино таперъ съ пышными кудрями, спустивъ руки до полу, откинувшись на спинку стула въ какомъ-то послѣднемъ изнеможеніи. Посѣтителей только трое; они сидятъ за однимъ столикомъ, уставленномъ бутылками ликера и шампанскаго. Старикъ въ смокингѣ и лакированныхъ туфляхъ блаженно спитъ, слегка похрапывая. Молодой человѣкъ, почти мальчикъ, съ развязавшимся галстукомъ и спутавшимися волосами, спустившимися на лобъ, опрокинулъ рюмку густого темно-краснаго ликера и смотритъ съ какимъ-то ужасомъ на алыя пятна, медленно растекающіяся по скатерти. Въ его помутившихся глазахъ дикое отчаяніе и предсмертная тоска опустошенной души.

Женщина, немолодая, сильно до синевы на-румяненная, въ роскошномъ платьѣ, рыжеволосая съ безстыдно-жаднымъ ртомъ, слѣдитъ за мальчикомъ съ страстной тревогой, будто предчувствуя страшную развязку.

Можетъ быть, собственно говоря, и не заключалось всего этого въ этой картинѣ, написанной въ сильно импрессионистической и не совсѣмъ опредѣленной манерѣ; можетъ быть, только по-

казалось Варенькѣ въ ней что-то страшное и такое незабываемо-знакомое.

Въ ту зиму нѣчто непонятное владѣло многими, какое-то темное смятеніе, но за то такъ бурно веселились, такъ много пили, такъ громко смѣялись, будто стараясь заглушить въ себѣ что-то.

Давали вечеръ въ честь знаменитой иностранной актрисы, пріѣхавшей на гастроли. Все помѣщеніе небольшого полуинтимнаго кабачка было убрано цвѣтами и увѣшано китайскими фонариками и раскрашенными тряпками. Было душно, шумно и почему-то скандально. Возникли какіе-то громкіе споры, едва заглушаемые музыкой и сладкимъ голосомъ итальянца.

Знаменитая актриса съ совершенно блѣднымъ лицомъ и черными, по мальчишески короткими, волосами, окруженная блестящимъ кругомъ почитателей, невозможно много пила и хрипло смѣялась, не понимая того, что говорилось, декламировалось и пѣлось въ ея честь.

Батуринъ былъ особенно оживленнымъ. Онъ, вставъ на столъ, говорилъ тостъ, читалъ стихи, запустилъ пробкой въ лысину какого-то совершенно незнакомаго господина, на плохомъ французскомъ языкѣ писалъ мадригалы знаменитой актрисѣ и только, когда Варя его спрашивала или просто смотрѣла на него, безпокойно отворачивался, какъ бы скрывая что-то.

А она сидѣла съ нимъ рядомъ, пыталась тоже быть веселой и беззаботной, необычно мно-

го пила, но знала, чувствовала, что съ Мишей происходит что-то нехорошее, только спросить она не могла, не смѣла.

Актриса въ отвѣтъ на мадригаль дотронулась своими тонкими, злыми губами до бѣлой гвоздики и послала цвѣтокъ съ лакеемъ Батури-ну. Тотъ низко поклонился, и Варя замѣтила, какъ у него дрожали руки, онъ даже не могъ самъ вдѣть гвоздику въ петлицу. Варя помогла ему.

— Спасибо, милая, спасибо. Прости...—пробормоталъ онъ, и въ его голосѣ была такая растерянность. Онъ сталъ тихъ и задумчивъ, только пилъ за стаканомъ стаканъ.

Становилось все душнѣе и угарнѣе.

Актриса уѣхала со своей свитой. Кто-то танцевалъ танго, гдѣ-то спорили все возбужденнѣе.

Батуринъ отошелъ отъ Вари. Она видѣла нѣсколько разъ въ толпѣ его лицо, но вдругъ, будто острая игла, вонзилось въ сердце внезапное безпокойство, и она вышла изъ шумной залы въ полутемную переднюю и потомъ на холодную лѣстницу, едва освѣщенную изъ высокаго окна блѣднымъ туманнымъ разсвѣтомъ.

Батуринъ стоялъ около самой двери, прислонившись головой къ стѣнѣ. Лицо его было въ этихъ сѣрыхъ сумеркахъ бѣлѣй гвоздики, подаренной знаменитой актрисой.

— Миша!—крикнула Варя,—Миша!

И сама, еще не зная, не понимая, схватила крѣпко его руку, въ которой поблескивалъ какой-то маленькій странный предметъ.

— Что съ тобой, Варенька?—услышала она голосъ Батурина и, очнувшись, увидѣла, что сидитъ рядомъ съ нимъ на диванчикѣ и крѣпко держать его за руку.

Какая-то сѣдая дама удивленно перевела лорнетку съ картины на Варю.

VI.

— Ты ужасно нервная, Варенька. Развѣ это хорошо? Особенно для сестрицы!—говорилъ Батуринъ, нѣжно и успокаивающе поглаживая Варину руку.

— А какое солнце-то сегодня. Весна. Какъ хорошо!

Онъ подвелъ Варю къ окну и, все еще держа за руки, они присѣли на низкій подоконникъ.

Будто рѣдкая гравюра, нарисованная геніальнымъ рисовальщикомъ, открылась имъ. Величественно прекрасное Марсово поле, окаймленное строгими аллеями Лѣтняго сада; сѣроватый фонъ еще оголенныхъ деревьевъ былъ оживленъ яркими пятнами дѣтскихъ пальто. Сумрачно великолѣпный Михайловскій замокъ, каналъ, и за нимъ стройная бѣлая колоннада мраморной

бесѣдки—все это вырисовывалось на яркомъ солнцѣ съ четкостью поразительной.

Все Марсово поле кипѣло жизнью. Сѣрые ряды солдатъ клонились къ самой землѣ, вздымались грознымъ приливомъ, и опять падали. Солдаты дѣлали перебѣжку, зарывались, подкрадывались ползкомъ и потомъ, всколыхнувшись, бѣжали въ атаку.

Столько бодрой, веселой отваги было въ каждомъ движеніи. Молодой офицеръ, командовавшій ими, былъ такъ увлеченъ, что невольно хотѣлось улыбнуться, или заплакать. И когда онъ вдругъ обернулся, Варя чуть не вскрикнула. Она ясно увидѣла, что это Миша Батурина. То же безусое загорѣлое почти дѣтски восторженное лицо, та же сіяющая улыбка и гордый блескъ глазъ.

Переводя взглядъ съ офицера тамъ, за окномъ, на Мишу, жадно вытянувшася, всего загорѣвшася, Варя не узнавала, гдѣ же онъ, настоящій? Въ этомъ миломъ лицѣ, такомъ измѣнившемся, узнавала она и задорнаго гимназиста, и вдохновеннаго мечтателя, только того, искривленнаго мучительной гримасой, не было въ этихъ ясныхъ и простыхъ чертахъ.

— Какъ хорошо, Варя,—заговорилъ Батурина.—Это солнце, этотъ волшебный городъ, и они, эти дорогіе... Я уже былъ съ ними, и буду опять. Вотъ такъ и я бѣжалъ впередъ, и они рядомъ со мной, и впереди, и сзади, и я чувствовалъ

себя такимъ же сильнымъ, простымъ и радостнымъ. Понимаешь, вотъ сейчасъ сердце бьется восторгомъ, что скоро я опять буду съ ними. Послушай, какъ стучитъ сердце.

Онъ потянулъ руку Вари и прижалъ къ своей жесткой походной рубашкѣ. И она слышала, какъ сжималось и расширялось его сердце, сердце новаго милаго Миши Батурина, сердце воина...

Петроградъ
Апрѣль 1915 г.

НАТАША.

Повѣсть въ 2-хъ частяхъ.

Она еще ни разу алыхъ губъ
Въ любовномъ поцѣлуѣ не сближала—
Но взглядъ ея порой такъ странно грубъ...
Иль поцѣлуя было бы ей малъ?

(Валерій Брюсовъ).

АШТАН

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Свистнувъ собакъ Жулика и Балдая, мальчики прошли по скошенному лугу къ купальнѣ, выстроенной въ этомъ году на узкой, но быстрой и холодной Злынкѣ.

Прежде купались прямо съ берега, но строго это было запрещено послѣ того, какъ въ прошломъ году проѣзжавшая мимо предводительша пожелала остановиться и погулять по отличному, дѣйствительно, зеленому лугу и, по близорукости не замѣтивъ купающагося Андрея Оедоровича, подошла къ самому берегу, чѣмъ поставила извѣстнаго во всемъ уѣздѣ за галантнаго кавалера Андрея Оедоровича въ положеніе весьма затруднительное. Правда, предводительша недаромъ слыла дамой тактичной и потому, подойдя вплотную къ купальному мѣсту и разглядѣвъ, наконецъ, голову старательно присѣдающаго въ обмелѣвшей рѣкѣ Андрея Ое-

доровича, она кивнула привѣтливо и спросила, ничуть не растерявшись: «Не холодно развѣ купаться еще, Андрей Ѳедоровичъ? Дивныя мѣста у васъ», возвратилась затѣмъ къ экипажу, будто ничего необычайнаго не произошло.

Андрея же Ѳедоровича это приключеніе очень разстроило; долго еще брюзжалъ онъ и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не построилъ маленькой купаленки съ трехъ-аршиннымъ ящикомъ, на стѣнѣ которой вывѣсилъ собственноручно написанныя правила, запрещающія выплывать въ открытую рѣку, выходить неодѣтымъ на берегъ, забрызгивать водой скамейки и многое другое.

Съ тѣхъ поръ купальня получила названіе «предводительской», а нарушеніе купальныхъ законовъ подъ зоркимъ взглядомъ неугомоннаго Андрея Ѳедоровича считалось однимъ изъ подвиговъ молодечества, однимъ изъ «подвиговъ Геркулеса», которыми именовались всѣ выступления обитателей усадьбы Тулузовыхъ противъ общаго тирана и притѣснителя Андрея Ѳедоровича.

Идя къ купальнѣ, мальчики, т. е. юнкера Коля Тулузовъ и товарищъ его Дмитрій Лазутинъ, обсуждали послѣднее звѣрство Андрея Ѳедоровича.

— Отецъ становится невыносимымъ!—воскликнулъ Коля, обижавшійся больше всѣхъ и за всѣхъ.—Я серьезно думаю, что онъ не со-

всѣмъ нормаленъ. Какая низость! Митя, голубчикъ, ты не обращай вниманія на него. Я знаю, что это—пустая сплетня. И главное, при всѣхъ такія пошлости: волочиться за дѣвцами. Хоть бы Наташи постыдился.

Коля размахивалъ полотенцемъ и чуть не плакалъ отъ огорченія.

— Не волнуйся такъ,—лѣниво и нѣсколько надменно усмѣхаясь, промолвилъ Дмитрій.— Я не первый день знаю старика, и мнѣ не привыкать стать къ его выходкамъ, но все же я думаю, что лучше будетъ мнѣ уѣхать. Его придирки становятся слишкомъ систематическими.

— Ну, вотъ, Митя, ты и обидѣлся. Но вѣдь не для него же ты живешь здѣсь!—съ жаромъ перебилъ Коля.—Я понимаю, что это несносно, нестерпимо, но вѣдь ты, какъ братъ родной намъ, такъ и терпи вмѣстѣ съ нами. Каково же будетъ намъ безъ тебя—мнѣ, мамѣ, да и Наташѣ!

Коля былъ слишкомъ увлеченъ, чтобы замѣтить, какъ вспыхнулъ при послѣднемъ имени Дмитрій и, сейчасъ же разсердившись самъ на себя и на Колю, сказалъ рѣзко:

— Ну, полно, Николай. Оставь эти сантименты. Ни капли я вамъ не родной. Черезъ полгода выйдемъ въ полкъ и думать забудемъ другъ о другѣ. Да и теперь все это преувеличено. Кому такъ нужно мое присутствіе здѣсь? Тебѣ еще, можетъ быть, по старой привычкѣ

я приятель, но Александра Львовна и Наташа вряд ли будут грустить.

— Какой ты злой и недовѣрчивый, Митя,— только и нашелся отвѣтить Коля, почти со слезами въ голосѣ.

Они вошли въ купальню и стали молча раздѣваться.

— Я не смѣю тебѣ совѣтовать, но очень бы просилъ подождать еще,—сказалъ Коля.

— Довольно объ этомъ,—недовольно дернулъ плечами Лазутинъ и, легко взобравшись по столбу на крышу купальни, бросился съ нея въ открытую рѣчку.

Коля остался барахтаться въ купальнѣ. Дмитрій, нырнувъ до самаго дна въ холодную, зашнвившуюся отъ его движеній воду, поплылъ вверхъ по рѣкѣ. Солнце свѣтило прямо въ глаза; отъ напряженія всѣхъ мускуловъ въ борьбѣ съ быстрымъ теченіемъ онъ чувствовалъ свое тѣло особенно сильнымъ, молодымъ, радостнымъ. Недавнее раздраженіе, еще болѣе сильное отъ того, что онъ старался скрыть его, проходило.

Почувствовавъ усталось, Дмитрій подплылъ къ берегу и сѣлъ на горячій песокъ, охвативъ руками колѣни. Дмитрій осматривалъ знакомыя мѣста, будто прощаясь съ ними.

Зеленѣли луга, темнѣлъ лѣсъ, бѣлыя крупныя облака медленно проплывали по синему, будто вылинявшему въ яркости своей, небу. Желтая дорога, обсаженная березами, подыма-

лась на пригорокъ къ усадьбѣ. Деревья сада скрывали домъ, и только зеленый край крыши и верхній балкончикъ мезонина выглядывали, маня проѣзжающаго по большой дорогѣ путешественника какимъ-то тихимъ уютомъ.

Падало сердце въ сладкой печали, когда осматривалъ все это, такое знакомое и милое, Лазутинъ. Не поднималось болѣе злое раздраженіе, но тихая грусть охватывала. «Но уѣхать необходимо,—сказалъ самъ себѣ Дмитрій, вставая,—необходимо; терпѣть болѣе этого невозможно. Какъ погляжу я въ глаза Наташи послѣ этой сцены? Она стала бы презирать меня и, пожалуй, еще повѣрила бы этой сплетнѣ».

Онъ поднялъ камень и сердито швырнулъ его въ воду. Потомъ бросился въ рѣчку, легъ на спину и, почти не работая руками, отдался теченію. Было сладко и грустно почти до слезъ плыть такъ ласково баюкиваемымъ теченіемъ, солнцемъ, тишиной знойнаго июльскаго полдня.

Коля уже стоялъ совсѣмъ одѣтый на мосткахъ и не безъ тревоги ожидалъ товарища.

— Не бойся, я топиться не собираюсь,—весело крикнулъ Лазутинъ и, взобравшись въ купальню, быстро принялся одѣваться, насвистывая какой-то вальсъ.

Выкупавъ собакъ, которыя визжали и прыгали, Коля и Митя медленно, испытывая приятную истому послѣ холодной воды, стали подыматься по тѣнистой тропинкѣ.

Лѣниво перекидываясь словами, они говорили о пустякахъ, не возвращаясь больше къ прерванному разговору.

— Хоть бы война не кончилась до нашего выпуска, я бы сейчасъ на Дальній Востокъ махнулъ,—сказалъ Дмитрій.

— Да, я тоже поѣду, а потомъ въ отставку и въ университетъ,—вздохнувъ, промолвилъ Коля, котораго одно слово «война» приводило въ тайный ужасъ.

— Такъ тебя старикъ и пустилъ въ университетъ. Быть тебѣ, Николай, гвардейскимъ корнетомъ, хоть фигурой и не очень вышелъ,—насмѣшливо поддразнилъ Лазутинъ.

— Наши дѣла очень разстроены, и отцу волей-неволей придется согласиться,—серьезно возразилъ Коля.

По березовой аллеѣ ихъ перегнали два экипажа.

— Да вѣдь это Маровскіе. Вотъ некстати!—воскликнулъ Коля съ напускнымъ раздраженіемъ и покраснѣлъ. Онъ былъ влюбленъ въ Катю Маровскую, скрывалъ это тщательно и теперь волновался, пріѣхала ли Катя въ числѣ многочисленной семьи Маровскихъ, не помѣщавшихся въ двухъ экипажахъ, которые у нихъ были, и потому соблюдавшихъ очередь.

Коля невольно прибавилъ шагъ и скоро побѣжалъ даже. Дмитрій отсталъ, обрывая листки съ тонкой вѣтки и обдумывая, куда и какимъ

образомъ слѣдуетъ уѣхать. Когда Митя подошелъ къ цвѣтнику, разбитому передъ домомъ, вся усадьба была въ оживленіи.

Собаки лаяли, Андрей Оедоровичъ тщетно старался перекричать шумныя восклицанія привѣтствій: «Принимайте гостей. Наконецъ-то собрались. Милая Наташа, какъ вы похорошѣли», и поцѣлуи барышень разносились далеко. Весь балконъ запестрѣлъ цвѣтными платьями пріѣхавшихъ, и огромная шляпа съ красными тюльпанами госпожи Маровской колыхалась, какъ побѣдное знамя.

Митя не сошелъ въ цвѣтникъ, а черезъ заднее крыльцо пробрался наверхъ въ свою комнату, тамъ началъ собирать вещи, но, вытащивъ пыльный, порыжѣвшій чемоданъ, почувствовалъ страшную слабость и легъ на кровать. Въ открытое окно ласково обвѣвалъ вѣтерокъ, снизу доносились звонкіе голоса и смѣхъ. Вдругъ ужасно одинокимъ, всеми покинутымъ почувствовалъ себя Митя, и такъ жалко стало ему себя, что онъ, всегда такой гордый своей выдержкой, отвернулся и, кусая подушку, какъ въ дѣтствѣ, горько, горько заплакалъ.

Онъ не слышалъ, какъ стучали по лѣстницѣ быстрые Наташины каблучки, какъ отворилась дверь, и удивленно остановилась на порогѣ дѣвушка.

— Митя, что съ вами, милый?—тихо спросила Наташа.

Вздрыгнувъ отъ неожиданнаго голоса, Митя вскочилъ; его лицо было въ красныхъ пятнахъ, но слезы высохли въ ту же секунду отъ одной только ужаснувшей мысли, что онъ можетъ выдать свою слабость.

— Послѣ купанья сморило, прилежь и не замѣтилъ, какъ задремалъ,—съ кривой улыбкой отвѣтилъ Митя.

Оглядѣвъ комнату и, замѣтивъ выдвинутый чемоданъ, Наташа спросила:

— Такъ это правда, что вы хотите уѣхать отъ насъ?

— Будто это важно для кого-нибудь—уѣду я или нѣтъ?—вопросомъ отвѣтилъ Лазутинъ.

— Сейчасъ Коля разсказалъ мамѣ, и она просила меня уговорить васъ остаться. Неужели вы будете обращать вниманіе на отца? Вѣдь вы знаете, какой онъ у насъ,—говорила Наташа.

— Но вѣдь всему же есть границы,—сумрачно промямлилъ Дмитрій.

— Наташа, Ната!—закричали снизу.

— Я васъ тоже очень прошу, милый Митя, останьтесь хоть до моихъ именинъ. Ну, потерпите для меня,—быстро проговорила Наташа, дотрагиваясь до Митинаго рукава; въ дверяхъ, улыбнувшись еще разъ, проговорила:—для меня, и побѣжала по лѣстницѣ.

Митя прошелся по комнатѣ, пихнулъ ногой подъ кровать чемоданъ и, вставъ у окна за занавѣской,

вѣской, смотрѣлъ, какъ мелькали въ цвѣтникѣ яркія платья пріѣхавшихъ барышень.

— Милая, милая, чего для тебя не перенесу,—произнесъ Лазутинъ почти вслухъ и улыбнулся счастливо.

II.

Съ утра моросилъ мелкій дождь, предвѣщающій уже близкую осень. За завтракомъ, какъ всегда, говорилъ одинъ Андрей Ѳедоровичъ. Онъ былъ въ духѣ, получивъ утромъ письма съ какими-то пріятными новостями.

— Да, поздравляю васъ съ новымъ сосѣдомъ, сказалъ онъ уже въ концѣ завтрака:—въ Чугуновку пожаловали владѣтели. Прямо изъ Англіи. Генеральшу я когда-то зналъ. Достоянная женщина, очень шикарно лѣтъ двадцать тому назадъ выглядѣла, хотя и тогда уже не была молода и вдовѣла; сынъ же ея, кажется, впервые посѣтилъ наши края. Учился въ Англіи, имѣетъ придворное званіе, но не служитъ. Говорятъ, весьма образованный человекъ.

— Что они будутъ здѣсь дѣлать, не понимаю,—промолвила Александра Львовна.

— Да ужъ гдѣ тебѣ, матушка, понять,—продолжалъ Андрей Ѳедоровичъ, раздражаясь:—по-твоему, если богатый, то только и счастье балы задавать да по курортамъ трепаться. А молодой Чугуновъ, говорятъ, не въ папашу пошелъ (большой кутила и мотъ покойникъ-то

быль) и теперь хочеть хозяйство самъ вести, по новѣйшимъ системамъ. Конечно, ему не трудно, имѣя миллиончиковъ пять состоянія, изъ Англїи машины и скоть выписывать. Посадили бы вотъ въ нашу шкуру, когда изъ-за каждаго рубля дрожись.

Александра Львовна только рукой махнула, а Андрей Ѳедоровичъ долго еще сердился на кого-то и, кончивъ завтракъ, вышелъ изъ столовой, хлопнувъ дверью, чѣмъ, впрочемъ, кончалась почти каждая трапеза въ домѣ Тулузовыхъ.

— Несносный старикашка,—произнесла Александра Львовна довольно добродушно.—И съ молоду-то несноснымъ былъ, а теперь хотъ на цѣпь сажай. А вы еще, Митя, на него обижаться вздумали. Что же намъ-то тогда было бы дѣлать?

— Да, я, мама, тебѣ удивляюсь, какъ ты его переносить можешь такъ долго,—печально сказала Наташа.

— Такъ прежде онъ все-таки лучше былъ, а теперь не разводиться же послѣ того, какъ серебряную свадьбу отпраздновали,—будто оправдывалась Александра Львовна.—А вѣдь женились мы по любви; тамап была сильно противъ нашей свадьбы и всю жизнь его терпѣть не могла,—какъ сойдутся, такъ и поругаются.

— Угораздило тебя, мамахень, влюбиться тоже,—засмѣялся Коля.

Александра Львовна даже обидѣлась немного.

— Ничего не подѣлаешь: «любовь зла, полюбишь и козла». Ты же вотъ глазъ съ Кати Маровской не сводишь, а вѣдь такая противная дѣвчонка, вертлявая, ломака и красоты никакой.

— Попался, Жукъ,—хохотала Наташа:— а теперь пришла очередь Колѣ обидѣться.

— Молодецъ ты, мамочка, у меня, обожаемая моя—цѣловала Наташа Александру Львовну.

Наташа была безпокойная сегодня какая-то, то смѣялась, бросалась на шею матери и покрывала ее поцѣлуями, тербила Колю, только съ Митей почти не говорила, что послѣ ласковости послѣднихъ дней обижало его. Послѣ завтрака всѣ пошли наверхъ, на дѣтскую половину, «подальше отъ старика»,—сказала Александра Львовна.

Въ угловой большой комнатѣ, гдѣ стояли кровати для прїѣзжихъ гостей, какъ обыкновенно, расположились: Коля съ книгой у окна, приготовляясь читать, Александра Львовна—въ креслѣ съ безконечнымъ вышиваньемъ своимъ, Наташа—у ногъ ея, Митя, заложивъ руки за спину, тихими шагами совершалъ свою прогулку отъ печки къ окну.

— Читай, только безъ паѳоса, Жукъ, и что-нибудь любовное,—заказывала Наташа.

— Ужъ непременно про любовь,—перелистывая томъ Тургенева, ворчалъ Коля, самъ лю-

бившій исключительно любовные рассказы и даже писавшій тайкомъ ужасно страстныя повѣсти изъ великосвѣтской жизни.—Ну, вотъ хотите «Первую любовь» прочтемъ?—предложилъ Коля.

— Ахъ, это какъ отецъ и сынъ въ одну и ту же дѣвушку влюбились,—вспоминала Александра Львовна.

Коля началъ читать. Прислонясь къ печкѣ, Митя посматривалъ то въ окно на низкія разорванныя тучи, которыя плыли по чуть-чуть яснившему кое-гдѣ небу, то украдкой переводилъ взглядъ на кресло. Александра Львовна съ круглымъ, румянымъ лицомъ, съ гладко причесанными, слегка сѣдоватыми волосами, сосредоточенно вышивала. Наташа, болѣе блѣдная, чѣмъ всегда, до странности похожая на мать, съ золотистыми косами, туго обернутыми вокругъ головы, врядъ ли внимательно слушала, задумавшись о чемъ-то. Увлечшись, Коля читалъ, не останавливаясь. Дождь пересталъ, и все быстрѣе неслись тучи по словно вымытому голубому небу.

— Поучительная исторія,—замѣтила Александра Львовна, когда Коля кончилъ читать.

— Миѣ ее жалко. Какъ это ужасно,—задумчиво промолвила Наташа.

— Ну, сама виновата, развратная дѣвчонка. Откуда это Тургеневъ взялъ? Еще теперь могла быть такая особа, а въ наше время.

Александра Львовна сложила работу, поцѣловала Наташу въ лобъ и, продолжая еще критиковать повѣсть, пошла внизъ узнать объ обѣдѣ.

Коля побѣжалъ пить. Наташа тоже встала и, подойдя къ окну, задумчиво чертила пальцемъ по запотѣвшему стеклу.

— Что съ вами, Наташа?—спросилъ Митя послѣ минуты молчанія.—Вы такъ печальны сегодня.

— Со мною ровно ничего.—Скучно. Надоѣло все. Скорѣй бы въ городъ,—оборачиваясь, проговорила Наташа, не смотря на Митю.

— Но еще вчера...—робко началъ Митя.

— Ахъ, вчера, вчера,—рѣзко перебила Наташа:—вчера было вчера, а сегодня скучно.

— Я не понимаю,—совсѣмъ тихо проговорилъ Митя.

— Тѣмъ хуже для васъ,—какъ-то неприятно засмѣялась Наташа и, вся покраснѣвъ, вдругъ быстро выбѣжала изъ комнаты.

Митя долго уныло стоялъ передъ окномъ, стараясь разобрать начерченныя на стеклѣ буквы.

Къ обѣду прояснило. Сильный вѣтеръ гналъ тучи. Солнце косыми лучами ударяло въ окна балкона. Послѣ обѣда, когда Андрей Ѳедоровичъ ложился спать, Александра Львовна съ дѣтьми ходила гулять.

Въ старой пелеринкѣ Андрея Ѳедоровича, широкополой соломенной шляпѣ, съ палочкой

и корзинкой въ рукахъ, неумоимо шла Александра Львовна, большая охотница собирать грибы, которыхъ было въ окрестныхъ лѣсахъ множество. Такъ и сегодня сейчасъ же послѣ обѣда стала тормошить она своихъ спутниковъ.

— Не хочется, мама,—вяло говорила Наташа.

— Вотъ еще глупости; и такъ киснешь цѣлый день. Скоро и лѣту конецъ—надо пользоваться. Собирайтесь, молодые люди, собирайтесь, нечего время даромъ терять!—гнала она Наташу и мальчиковъ.

Собирались неохотно и медленно.

Въ лѣсу послѣ дождя было тепло и сыро. Слегка размаривало. Александра Львовна рыскала въ высокихъ галошахъ, подколовъ юбку, по кустамъ, наполняя свою корзину крѣпкими подосиновиками. Наташа, опираясь на руку Коли, шла медленно. Митя меланхолично шелъ въ сторонѣ.

— Жукъ, давай мечтать,—предложила Наташа.

Мечтать было любимымъ занятіемъ еще съ дѣтства.

— Ну, о чемъ мечтать,—угрюмо ворчалъ Коля, все еще дувшійся за Катю Маровскую.

— Вотъ скоро осень. Поѣдемъ въ Петербургъ. Что-то принесетъ этотъ годъ? Папа обѣщаль абонементъ взять въ оперу. У Маровскихъ журфиксы будутъ и по субботамъ, такъ что ты, Жукъ, можешь бывать.

— Очень нужно,—возразилъ Коля.

— Ну, конечно, нужно. Какой ты смѣшной. Чего ты стыдишься? Это даже очень хорошо, весело влюбиться. Я бы хотѣла!—съ жаромъ говорила Наташа.

— Кто жъ тебѣ мѣшаетъ?—спросилъ Коля, уже нѣсколько заинтересованный разговоромъ.

— Въ кого же? Вѣдь меня, какъ въ монастырѣ, держать. Въ кадетовъ да юнкеровъ влюбляться, ленточки на память дарить—это хорошо было въ третьемъ классѣ, а теперь...

— Ну, при чемъ тутъ юнкера?—обидѣлся Коля.

— Счастливые Маровскіе,—мечтательно продолжала Наташа.—У нихъ всегда много свѣжаго народа. Офицеры, студенты, поэты какіе-то. А я все еще въ дѣтской. Тебѣ бы, Жукъ, за Катей смотрѣть. Живо замужъ выскочить за какого-нибудь приготовленнаго мамашей барона.

— Все у тебя глупости, Ната, на умѣ. Я не знаю, что съ тобой сдѣлалось?

— А за границу, Жукъ, хорошо бы поѣхать въ Италию,—мама ужъ сколько лѣтъ обѣщаетъ.

— Ну, этого не скоро дождешься. Старикъ дѣла все запутываетъ и запутываетъ.

— А вотъ дождусь, дождусь. Сбѣгу я отъ васъ. Надоѣли вы мнѣ все. Будто болото, а не жизнь. Если бы не мамочка, давно бы сбѣжала. А скоро никто не остановитъ.

Наташа даже ногой топнула досадливо, и

жестокая складка легка между круто сдвинутых золотистых бровокъ.

Митя посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ, почти со страхомъ.

— Что вы на меня такъ смотрите!—опять съ тѣмъ же нехорошимъ смѣшкомъ крикнула Наташа.—Погодите, еще узнаете, какая я.

И, вырвавъ руку отъ Коли, она побѣжала къ Александрѣ Львовнѣ, кричавшей изъ лѣсу:

— Ау-ау, идите масляники брать, дѣти!

— Что съ нею сегодня?—промолвилъ Коля и послѣ молчанія добавилъ:—дѣйствительно, трудно съ нашими ей. Никакихъ ни развлеченій, ни занятій.

Митя ничего не отвѣтилъ, и они молча полѣзли черезъ мокрые кусты на голосъ Александры Львовны.

Долго неутомимая Александра Львовна таскала своихъ спутниковъ по лѣсу, отъ поляны къ полянѣ, отъ оврага къ молодняку и все дальше и дальше. Погруженные каждый въ свои думы, Коля, Митя и Наташа покорно, хотя и довольно лѣнливо, брели за своей путеводительницей. Наконецъ и она опомнилась.

— Куда же, однако, мы зашли? Я ужъ что-то даже не понимаю—оглядываясь по сторонамъ зоркимъ взглядомъ, говорила Александра Львовна.

Поспорили, въ какую сторону надо итти но, осмотрѣвшись внимательно, опять настойчиво

повела Александра Львовна по выбранному ей направленію. Не безъ труда перебрались черезъ сырой кругой оврагъ и вышли наконецъ на опушку. За плетнемъ тянулся зеленый лугъ, и вдаль виднѣлись строенія деревни.

— Да вѣдь это Лукашкино; пожалуй, версть десять мы сдѣлали,—говорила Александра Львовна.

Солнце уже опускалось къ западу, готовое упасть въ сине-багровую тучу; окна избъ горѣли закатными лучами.

— Ну, черезъ заборъ, да въ деревню,—тамъ лошадь возьмемъ,—командовала Александра Львовна и первая довольно ловко перелѣзла черезъ невысокій плетень.

Мальчики прыгнули за нею. Наташа замѣшкалась, собирая чернику.

— Давайте руку, я вамъ помогу,—предложилъ Митя, когда Наташа встала на заборъ.

— Не надо, я сама,—отвела его руку Наташа и прыгнула.

Митя сдѣлалъ движеніе поддержать Наташу, но не успѣлъ, и со смѣхомъ она упала прямо въ траву.

— Не валяйся въ мокрой травѣ, простудишься!—закричала Александра Львовна, когда Наташа, уже переставъ смѣяться, медлила подняться.

Митя, первый замѣтивъ, что что-то случилось съ нею, тревожно спросилъ:

— Что съ вами?

— Ничего,—сжавъ зубы, пробормотала Наташа и хотѣла подняться, но сейчасъ же опять опустилась въ траву со стономъ:—не могу, нога подвернулась, очень больно.

— Ну, вотъ, допрыгалась; постоянныя шалости!—съ сердитымъ безпокойствомъ говорила Александра Львовна.

Прошло нѣсколько минутъ безпомощной суматохи. Александра Львовна первая нашлась и начала распорядиться. При помощи мальчиковъ она приподняла Наташу, подложила подъ нее свой плащъ и сказала Митѣ:

— Бѣгите въ деревню, наймите лошадь да сѣна велите побольше положить.

Митя побѣжалъ по мокрому, скользкому лугу къ дорогѣ. Онъ не замѣтилъ въ волненіи всадника на высокой лошади, который присматривался къ тому, что происходило на лугу около лежавшей Наташи.

Когда Митя подбѣжалъ къ дорогѣ, всадникъ окликнулъ его:

— Что случилось?

На ходу Митя прокричалъ:

— Ногу сломала.

— Кто?—догоняя не останавливающегося Митю, спрашивалъ всадникъ.

— Барышня Тулузова,—запыхавшись, едва отвѣтилъ Митя.

— Это очень серьезно. Остановитесь на минуту,—не оставляйте Митю въ покоѣ всадникъ.

Митя наконецъ остановился и взглянулъ на молодого, высокаго, плотнаго и вмѣстѣ нѣсколько сутулаго господина въ сѣромъ, плотно облегающемъ сюртукѣ, въ желтыхъ крагахъ и англійской фуражкѣ.

— Что же вы предполагаете дѣлать?—спросилъ незнакомецъ.

— Лошадей надо достать,—бормоталъ еще не отдышавшійся Митя и хотѣлъ продолжать свой бѣгъ.

— Виновать,—опять остановилъ его всадникъ:—экипажи въ деревнѣ ужасны, дорога двѣнадцать верстъ тоже. Если позволите, я сейчасъ поѣду домой и черезъ десять-пятнадцать минутъ пришло коляску,—больной, я думаю, будетъ удобнѣе.

Не дожидаясь отвѣта, онъ далъ шпоры коню и галопомъ поскакалъ къ деревнѣ, за которой на пригоркѣ, въ зелени огромнаго парка, виднѣлась башня усадьбы.

Митя постоялъ, растерянно посмотрѣлъ въ слѣдъ ускакавшему и медленно пошелъ по лугу.

Наташа лежала блѣдная, почти зеленая на накидкѣ. Александра Львовна старалась снять съ больной ноги сапогъ, причиняя, видимо, сильную боль Наташѣ, о чемъ можно было судить по вздрагивающимъ губамъ дѣвушки, лежавшей неподвижно, съ закрытыми глазами.

Митя кратко разскалъ о встрѣчѣ съ всадникомъ и, прислонясь къ забору, молча, какъ-то безъ мыслей глядѣлъ на огромный, ярко-зеленый лугъ, на тонкій серпъ мѣсяца въ розоватыхъ тучахъ, на вспыхнувшую одинокую блѣдную звѣзду на свѣтломъ небѣ, на ребятишекъ, бѣжавшихъ изъ деревни по лугу, заинтересованныхъ происшествіемъ.

Прошло не болѣе пятнадцати-двадцати минутъ, какъ на дорогѣ показались два экипажа и впереди всадникъ въ сѣромъ сюртукѣ.

Ловко соскочивъ съ лошади, молодой человекъ подошелъ къ Александрѣ Львовнѣ. Приподнявъ фуражку, онъ промолвилъ:

— Я взялъ на себѣ смѣлость предложить свои услуги въ этомъ печальномъ происшествіи. Позвольте представиться:—Чугуновъ.

Онъ дѣловито осмотрѣлъ Наташу и потомъ голосомъ, не допускающимъ возраженій, сказалъ:

— Знаете, такъ какъ, повидимому, мадемуазель чувствуетъ себя плохо, то, пока не выяснится опасность ушиба, мнѣ представляется неблагоприятнымъ везти ее по тряской дорогѣ болѣе десяти верстъ. Поэтому я предложу, чтобы вы, madam, отвезли больную къ намъ въ усадьбу. Здѣсь всего полверсты. Молодые люди могутъ поѣхать домой, чтобы увѣдомить о случившемся. Доктора можно будетъ сейчасъ же вызвать. А больной будетъ совершенно удобно въ нашемъ домѣ.

Чугуновъ говорилъ съ такой властной опредѣленностью, что никто не возразилъ ни слова. Чугуновъ уже отдавалъ приказанія кучерамъ.

Наташа открыла глаза.

— Митя, не отдавай меня,—прошептала она словно въ бреду.

Тотъ вздрогнулъ, хотѣлъ что-то сказать, но она закрыла глаза. Кучера и Коля неловко толкались, не зная, какъ поднять Наташу. Тогда Чугуновъ отстранилъ ихъ, ловко и бережно поднялъ дѣвушку сильными руками и, прижимая къ себѣ, понесъ къ экипажу.

III.

Наташа проснулась на другое утро въ большой высокой комнатѣ.

Смутно вспоминала она то, что произошло наканунѣ вечеромъ, какъ кто-то несъ ее по ряду огромныхъ незнакомыхъ комнатъ, какъ пріѣхалъ докторъ и долго возился съ ногой. Отъ каждаго его прикосновенія страшная, безумная боль сводила судорогой все тѣло и, казалось, что больше не будетъ силъ перенести.

Теперь же крѣпко обвязанная нога была, какъ чужая, какъ мертвая, а сладкая слабость успокоенія какого-то не позволяла пошевелиться.

Ничто не удивляло Наташу: ни эта незнакомая комната, ни то, что Александра Львовна

спала рядомъ въ креслѣ, а красная ночная лампочка еще горѣла на столикѣ. Не хотѣлось думать, возстановлять въ памяти смутную цѣпь событій.

Было сладко такъ лежать безъ мыслей, безъ движенія, словно въ дѣтствѣ послѣ долгой болѣзни.

Сквозь бѣлыя занавѣски пробивалось яркое солнце, чирикали птицы за окномъ; въ комнатѣ пахло лѣкарствомъ, и что-то милое давнее вспоминалось; не было и слѣда той тупой досадной тоски, которая владѣла Наташей наканувѣ.

Сложивъ бессильно руки на пушистомъ бѣломъ одѣялѣ, она улыбалась необычайной какой-то радости, охватившей ее въ этой высокой, обставленной уютно старомодной мебелью, чужой комнатѣ.

Въ такой ласковой дремотѣ прожила Наташа нѣсколько дней, будто отдыхая послѣ трудныхъ дней напряженной, тяжелой работы.

Пріѣзжалъ земскій врачъ Василій Васильевичъ—молодой, но уже совсѣмъ лысый, съ рассеянными печальными глазами, осматривалъ больную и отвѣчалъ неопредѣленно; переломъ ноги находилъ не совсѣмъ благополучнымъ; надѣялся, что срастется безъ послѣдствій, но беспокоило его сильное малокровіе, на которое раньше не обращали вниманія, такъ какъ Наташа видъ всегда имѣла цвѣтушій. Прописалъ для укрѣпленія вино. вмѣстѣ съ легкими, изы-

сканными кушаньями подавали всегда Наташѣ крѣпкую, благоухающую мадеру.

Отъ вина туманилась сладко голова, и весь день проходилъ, какъ въ полуснѣ.

Александра Львовна нахвалиться не могла трогательной любезностью и заботливостью Чугуновыхъ. Каждое утро горничная, подавая кофе, говорила:

— Его сіятельство приказали узнать о здоровьѣ.

Въ полдень, постучавъ въ дверь, входила сама княгиня Елена Петровна, легкой, будто молодой походкой подходила къ Наташиной кровати эта невысокая, худенькая женщина, съ блѣднымъ энергичнымъ лицомъ и бѣлоснѣжными волосами въ старинной прическѣ.

Еще не видя ея, Наташа чувствовала ея приближеніе по какому-то ласкающему шелесту ея платья, по нѣжному, острому благоуханію ея духовъ.

Елена Петровна цѣловала Наташу въ лобъ и садилась около ея постели, говорила всегда весело, какъ-то слишкомъ чисто выговаривая русскія слова и часто переходя на французскія.

— Ну, мы совсѣмъ молодцомъ, моя прелестная нечаянная гостыя. Докторъ очень хвалитъ свою пациентку. Скоро мы поѣдемъ верхомъ, то есть, я предпочту шарабанъ, а вы—съ молодежью, и будете скакать на бѣломъ конѣ, какъ маленькая принцесса.

Невольно отъ ея словъ улыбалась и Наташа, и Александра Львовна, и мальчики, если имъ случалось въ это время тутъ быть.

— Ну, поправляйтесь, моя милая крошка,—говорила княгиня и уходила.

— Вотъ это—женщина, сразу видна голубая кровь,—восхищался Андрей Ѳедоровичъ.

Александра Львовна не отходила отъ больной. Она старалась всегда быть бодрой и веселой, читала Наташѣ; тихо, иногда по цѣлымъ часамъ, разговаривали онѣ, вспоминая событія прошлаго, мечтая о будущемъ, о какихъ-то поѣздкахъ, объ Италиі, гдѣ когда-то въ молодости была Александра Львовна. Только разъ какъ-то въ сумеркахъ не выдержала Александра Львовна и вдругъ совсѣмъ неожиданно заплакала.

— Не нужно, мамочка милая. Ну что съ тобой? Измучилась ты подлѣ меня. погоди, скоро встану,—ласково гладя мать, цѣлуя руки ея, утѣшала Наташа, будто старшая младшую.

— А вдругъ на всю жизнь, на всю жизнь хроме...—едва выговорила сквозь слезы Александра Львовна.

— Ну, буду съ костью ходить, въ монастырь поступлю, а сейчасъ мнѣ такъ хорошо, и что бы ни случилось—будетъ хорошо,—говорила Наташа съ тихой улыбкой.

Черезъ двѣ недѣли Василій Васильевичъ снялъ гипсовую повязку и поздравилъ съ благо-

получнымъ исходомъ:—нога срослась отлично. На третью недѣлю онъ позволилъ, наконецъ, встать съ постели.

Наташа съ вечера долго не могла заснуть отъ волненія. Привыкшая къ неподвижности, она почти не вѣрила, что можетъ двигаться, ходить, бѣгать, и вмѣстѣ съ тѣмъ слова доктора будто нарушили то дремотное спокойствіе духа и тѣла, въ которомъ находилась она столько дней; сразу захотѣлось послѣ ласковой тишины какого-то оживленія, шума, событій, быстрыхъ движеній. Едва дождалась Наташа, пока встала Александра Львовна, умыла Наташу, причесала волосы и натянула, наконецъ, на больную ногу чулокъ. Опираясь на руку Александры Львовны и трость, Наташа сдѣлала нѣсколько робкихъ, неумѣлыхъ шаговъ. Казалось, вѣтерокъ, врывавшійся въ открытое окно, могъ повалить ее.

Голова закружилась, и Наташа почти упала въ глубокое кресло у окна.

— Какъ хорошо, какъ хорошо,—повторяла она, закрывая отъ слабости глаза, а Александра Львовна едва сдерживала слезы, глядя на дочь.

Передъ завтракомъ пришла княгиня.

— Поздравляю,—сказала она:—поздравляю. Наконецъ-то наша птичка покинетъ свою клѣтку и будетъ сегодня весь день съ нами.

Входя въ столовую, съ любопытствомъ разсматривая чудесную обстановку княжескаго дома, Наташа очень удивилась, когда навстрѣчу

ей, отложивъ газеты, поднялся высокій, плотный молодой человекъ.

— Мой сынъ,—отрекомендовала княгиня.

Наташа какъ-то забыла о существованіи князя и, протягивая тоненькую, будто прозрачную руку, сконфуженно покраснѣла: она вспомнила, какъ князь несъ ее до коляски тамъ, по лугу, какъ всѣмъ тѣломъ чувствовала она его сильныя руки.

— Я вамъ обязана своимъ спасеніемъ. Я такъ благодарна,—стараясь усмѣшкой скрыть волненіе, сказала Наташа.

— Я очень радъ, что случай привелъ меня тогда помочь вамъ, Наталья Андреевна,—серьезно и какъ будто нѣсколько сухо отвѣтилъ князь.

Для Наташи было приготовлено кресло и особая мягкая скамеечка для больной ноги. На столѣ были цвѣты; изъ открытой двери гостиною пробивалось солнце. Было какъ-то торжественно и празднично. Лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ прислуживалъ ловко и безшумно. Наташа почти ничего не ѣла отъ радостнаго волненія. Всѣ смотрѣли на нее съ улыбкой.

— Я думаю, очень трудно столько времени провести безъ движенія,—промолвилъ князь Михаилъ Васильевичъ.—Я не могъ бы провести часа, если бы зналъ, что моя свобода, вотъ такая мускульная свобода, стѣснена,—и онъ развелъ широко руками, какъ бы показывая свою свободу.

— Но вѣдь не всѣ же такіе, какъ вы, князь,—сказала съ улыбкой Елена Петровна.—Въ васъ кровь скивовъ, все вамъ бы двигаться, скакать, передвигаться. Вы—кочевникъ, мой другъ, дикій варваръ, и Англія не обуздала вашихъ порывовъ.

— О, тамап, Англія поощряетъ силу и свободу движеній.

— Ну, не всякихъ же движеній,—засмѣялась княгиня; въ ея словахъ, обращенныхъ къ сыну, были насмѣшка и нѣжность.

Завтракъ кончился. Елена Петровна вынула изъ плоскаго серебрянаго портсигара тоненькую папиросу. Пуская колечки дыма, княгиня сказала:

— Вы, Михаилъ, можете быть, будете такимъ любезнымъ кавалеромъ, поможете Natalie пройти на террасу и займете ее, пока мы съ Александрой Львовной погуляемъ по парку.

Михаилъ Васильевичъ съ какой-то особой осторожностью подошелъ къ Наташѣ, помочь ей подняться и, сильно поддерживая, повелъ.

Большое зеркало въ залѣ отразило широкую фигуру князя, серьезнаго и сосредоточенно-озабоченнаго, и рядомъ съ нимъ Наташу въ легкомъ платьѣ, съ блуждающей, слегка сконфуженной улыбкой, идущей невѣрной, колеблющейся походкой. На широкой террасѣ было прохладно; цвѣты послѣ жгучихъ ласкъ солнца благоухали. Князь посадилъ Наташу на мягкую кушетку.

— Вы похожи на морскую царевну, которой волшебникъ далъ ноги,—сказалъ онъ, и въ первый разъ улыбнулся, блеснувъ изъ-подъ черныхъ узкихъ усовъ бѣлыми, острыми зубами.

— Да, помню, она погибла потомъ изъ-за любви къ принцу. Правда?—сказала Наташа.

— Вѣрно, вѣрно,—будто обрадовался князь. Я, стыдно признаться, люблю Андерсена до сихъ поръ и нерѣдко перечитываю его сказки.

Заложивъ руки за спину, Михаилъ Васильевичъ ходилъ по террасѣ. Этимъ безконечнымъ хожденіемъ взадъ и впередъ онъ напомнилъ Наташѣ Митю. Она не думала эти недѣли о Митѣ, и сейчасъ мысль о немъ кольнуло ее больно и радостно.

Они молчали довольно долго.

Наконецъ князь сказалъ:

— Вы любите думать и мечтать; не правда ли, это самое лучшее, что есть въ жизни?

— Не знаю,—отвѣтила Наташа.—Но вѣдь вы только что говорили о движеніи, а мечтательность свойственна неподвижнымъ людямъ. Развѣ жить не лучше, чѣмъ мечтать о жизни?

Князь остановился и послѣ молчанія сказалъ серьезно, даже печально:

— Не всякому дано умѣнье жить. Развѣ такъ много въ наше время умѣютъ чувствовать сильно, вѣрить, страдать, любить, наконецъ? Очень трудно жить.

— Очень трудно жить,—повторила Наташа задумчиво.

Случайно ихъ глаза встрѣтились, будто оба искали другъ у друга отвѣта на мучительный, глубоко затаенный вопросъ.

Изъ аллеи вышли княгиня и Александра Львовна.

— Надѣюсь, князь былъ достаточно любезнымъ собесѣдникомъ?—улыбаясь, говорила Елена Петровна.

IV.

На другой день въ мягкомъ княжескомъ экипажѣ Александра Львовна и Наташа ѣхали домой.

Желтая рожь колыхалась по обѣимъ сторонамъ дороги. Было душно; укачивали мягкія рессоры.

— Вотъ и домой, слава Богу. Какъ въ гостяхъ ни хорошо, а дома лучше,—говорила Александра Львовна.

— Да, конечно,—разсѣянно соглашалась Наташа.

Ей было нѣсколько грустно, что кончилась ласковая тишина болѣзни, и вмѣстѣ тревожно билось сердце; казалось, что ожидаютъ дома какія-то важныя новости.

Проѣхали десять верстъ какъ-то неожиданно скоро, и когда показалась на пригоркѣ усадьба, вся въ зелени, Наташа въ первую ми-

нугу не узнала даже родныхъ мѣстъ. Все казалось меньше: Злынка показалась совсѣмъ узкимъ ручейкомъ, домъ показался совсѣмъ маленькимъ и низкимъ.

Произошла заминка, когда Александра Львовна вышла изъ экипажа, а Наташа осталась сидѣть, ожидая, кто поможетъ ей выйти. Горничная Марѳуша первая подбѣжала и, весело заговоривъ:

— Наконецъ-то, барышня милая, вернулись. Соскучились мы безъ васъ,—ловко помогла Наташѣ, почти донеся ее на рукахъ до крыльца.

Андрей Ѳедоровичъ и Коля поцѣловали Наташу. Митя молча пожалъ руку. Всѣ казались нѣсколько смущенными.

Александра Львовна и Марѳуша взяли Наташу подъ руки и повели въ гостиную.

— Какая духота тутъ у васъ и пыль,— сказала Александра Львовна и начала открывать всѣ окна.

— Я думаю, мнѣ нужно будетъ завтра поѣхать съ визитомъ къ Чугуновымъ и поблагодарить за гостепрїимство,—промолвилъ Андрей Ѳедоровичъ, избѣгая смотрѣть на Наташу, усаженную на диванѣ.

— Я не думаю, чтобы это было тактично,— отвѣтила Александра Львовна.—Княгиня и князь очень любезны, но вѣдь случай только познакомилъ насъ съ ними. Не нужно придираться къ случаю и навязывать знакомство, которое намъ

совсѣмъ не по плечу. Если они этого захотятъ, князь самъ прїѣдетъ къ намъ.

— Онъ прїѣдетъ, онъ сказалъ,—вмѣшалась въ разговоръ Наташа и сейчасъ же замолчала, рассердившись на самое себя.

Андрей Ѳедоровичъ еще долго продолжалъ спорить, доказывая, что лучше знаетъ всѣ тонкости этикета.

Коля, стоявшій съ Митей въ дверяхъ, подошелъ, наконецъ, къ Наташѣ.

— Ну, рада, Ната, что возвратилась, наконецъ, домой?—спросилъ онъ.

— Что же радоваться?—раздраженно отвѣтила Наташа.—Веселаго пемного здѣсь у васъ.

Уныло проходилъ первый день дома. Андрей Ѳедоровичъ ворчалъ. Наташа была молчалива и задумчива. Александра Львовна суетилась по хозяйству, пришедшему въ разстройство за это время. Наступили сумерки, уже темныя по-осеннему. Кся и Митя вышли въ садъ.

— Вотъ и осень уже,—задумчиво сказалъ Коля и, помолчавъ, добавилъ:—какая Наташа странная стала, озлобленная какая-то. Больно смотрѣть, какъ она хромаетъ.

— Да, это ее раздражаетъ,—отвѣтилъ Митя:—если она останется всю жизнь такой-то.

— Ты думаешь, это возможно?—тревожно перебилъ Коля.—Вѣдь докторъ говорилъ, что никакихъ послѣдствій.

— Не знаю, мнѣ почему-то показалось, что

она всегда, всегда будетъ такой — произнесъ Митя.

— Хромой?

— Нѣтъ, я не про это. Нога пустяки. Какой то безпокойной и злой.

— Развѣ Наташа злая?—удивленно спросилъ Коля.

— Да, съ какого-то дня она стала злая къ себѣ и ко всѣмъ. Это случилось передъ болѣзнью. Помнишь, въ лѣсу, какъ она съ нами говорила? А теперь болѣзнь укрѣпила въ ней это. Она рада мучить себя и всѣхъ.

— Я тебя не понимаю, Митя — тихо промолвилъ Коля.— Скажи, ты любишь Наташу?

— Я всѣхъ васъ люблю, я такъ привыкъ къ вамъ. Ты самъ говорилъ, что я—братъ,— смущенно бормоталъ Лазутинъ.

— Нѣтъ, не такъ, не по-дѣтски, а какъ чужую, какъ не знаю, какъ влюбляются.

— Я не знаю, не знаю,—тихо отвѣтилъ Митя.

Въ гостиной горѣла лампа на кругломъ столѣ передъ диваномъ. Наташа лежала на диванѣ, положивъ голову на колѣни Александры Львовны. Онѣ оживленно о чемъ-то говорили.

— Да онъ очень, очень милый,—повторяла Наташа въ ту минуту, когда входили мальчики.— Любезно, нечего сказать,—обратилась къ нимъ Наташа, приподнимаясь.—Полчаса со мной не посидите. Митя еще одного слова не сказалъ съ

тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала. Или вамъ мое убожество такъ противно?—Наташа улыбалась; глаза ея блестяли возбужденно.

— Ну, что ты глупости придумываешь? Кому ты можешь быть противна?—безпокойно заговорила Александра Львовна.

— Да оставь, мама. Что ты за него отвѣчаешь? Языкъ, что ли, отнялся у Дмитрія Васильевича?— почти закричала Наташа, глядя вызывающе на Митю.

Тотъ очень поблѣднѣлъ, но, не опустивъ глазъ, отвѣтилъ тихо и раздѣльно:

— Мнѣ очень больно слышать отъ васъ, Наташа, такія слова. Что бы ни случилось съ вами, отношеніе мое къ вамъ, вамъ извѣстное, измѣниться не можетъ.

— Неужели? Вотъ рыцарь вѣрный!—зло засмѣялась Наташа и опустилась на колѣни матери.

— Что съ тобой, Наташенька? У тебя жаръ? — цѣлуя ее въ лобъ, сказала Александра Львовна.

Всю первую ночь дома провела Наташа дурно: она бредила, плакала, звала кого-то на помощь.

Хотѣли уже посылать за Василиемъ Васильевичемъ, но къ утру жаръ спалъ, и она заснула спокойно.

Нѣсколько дней провела Наташа въ постели, какая-то вялая и слабая.

Конецъ іюля былъ зноенъ и душенъ. Тихо было въ усадьбѣ Тулузовыхъ, даже Андрей Оедоровичъ рѣже кричалъ и хлопалъ дверями. Александра Львовна ходила будто растерянная. Мальчики вспомнили о близкихъ экзаменахъ и съ какимъ-то преувеличеннымъ усердіемъ взялись за книги. Наташа вставала противъ своего обыкновенія поздно, опираясь на палку, сходила осторожной, зыбкой походкой внизъ, садилась на низкое кресло въ углу террасы и не вставала съ него до вечерняго чая (завтракали и обѣдали на террасѣ).

Она рѣдко была такой раздражительной, какъ въ первый вечеръ пріѣзда домой, но часто, отложивъ книгу, по цѣлымъ часамъ сидѣла безъ движенія, пустыми глазами глядя въ одну точку.

Войдетъ кто-нибудь на террасу, окликнетъ ее, Наташа вздрогнетъ, улыбнется виновато и отвѣтитъ странно невпопадъ, будто разбуженная внезапно.

Александра Львовна только головой качала сокрушенно и долго совѣщалась съ пріѣхавшимъ навѣстить свою пациентку Василиемъ Васильевичемъ.

Тотъ объяснялъ малокровіемъ и общей слабостью организма.

Князь Чугуновъ не ѣхалъ съ визитомъ, и нерѣдко Андрей Оедоровичъ начиналъ волноваться, доказывая, что совершена крупная ошиб-

ка этикета. Наташа морщилась, когда разговоръ шелъ при ней.

— И что вамъ понадобился этотъ князь? Митрофанушка какой-то, а вы вѣжливости отъ него захотѣли,—говорила она раздраженно.

Какъ-то, задержавшись въ купальнѣ, Лазутинъ шелъ одинъ.

Наташа окликнула его съ своего кресла.

— Митя, почему вы избѣгаете меня?—спросила она. Вѣдь вы сказали, что всегда ваше отношеніе ко мнѣ останется прежнимъ.

— Я не знаю, мнѣ казалось, что вы измѣнились, что я непріятенъ вамъ. Нѣтъ, даже не то,—путался Митя, краснѣя:—я не понимаю, я не знаю, почему такъ стало, но что-то случилось, что-то встало между нами.

— Да, что-то встало между нами,—промолвила Наташа.—Знаете, я часто думала, какъ странно людямъ, которые живутъ вмѣстѣ—ну, двадцать, тридцать лѣтъ, замѣтить вдругъ, что они состарились. Вѣдь день идетъ за днемъ, пере-мѣнъ не замѣтно, и вдругъ въ одну минуту что-то произойдетъ—и они увидятъ. Какъ это странно и, вѣроятно, бываетъ больно. Вѣдь съ этой минуты всѣ отношенія, слова, взгляды, обращенные другъ на друга, должны измѣниться, стать иными.

Митя молчалъ.

— Такъ вотъ и мы,—продолжала Наташа:—вмѣстѣ росли, играли, все дѣтство было общимъ.

Мнѣ было смѣшно и странно, когда папа, помните, лѣтъ пять тому назадъ, нашелъ неприличнымъ, чтобы мы говорили другъ другу «ты». Можетъ быть, вдругъ мы не замѣтили и изъ дѣтей превратились въ взрослыхъ. Можетъ быть, больше не нужны другъ другу, чужіе совсѣмъ стали, а по старой привычкѣ, какъ будто друзья. Какъ вы думаете?

— Вы не совсѣмъ правы. Я не думаю, чтобы могли мы стать совсѣмъ чужими. Еще недавно, какъ мы могли говорить близко.

— Ну, значитъ, не выяснили новыхъ позицій,—улыбаясь, сказала Наташа и отвернулась.

Мароуша вбѣжала на террасу.

— Князь, князь пріѣхалъ!—взволнованно зашептала она.

Дѣйствительно, князь Михаилъ Васильевичъ шелъ по цвѣтнику. Онъ былъ въ томъ же сѣромъ сюртукѣ и англійской шапочкѣ, въ которомъ встрѣтилъ Тулузовыхъ въ первый разъ.

— Какой смѣшной,—прошептала Наташа и, опираясь на Митину руку, встала навстрѣчу князю.

V.

На 29 іюля ѣздили изъ года въ годъ на именины къ Константину Леонидовичу Маровскому.

Наташа сначала ни за что не хотѣла ѣхать, безъ нея не ѣхала и Александра Львовна, и

какъ-то разстраивалась вся поѣздка. Впрочемъ, особенно никто, кромѣ Коли, огорченъ этимъ не былъ. Наканунѣ пріѣхалъ совсѣмъ неожиданно князь Чугуновъ, которому Андрей Ѳедоровичъ, дожидаясь праздничнаго дня, еще не успѣлъ отдать визитъ.

Князь, пріѣхавъ верхомъ и будто свой челоуѣкъ, привязалъ лошадь къ дереву у калитки цвѣтника, прошелъ безъ доклада прямо на боковую террасу, гдѣ сидѣли Наташа и Митя, читавшій ей вслухъ переводный романъ.

— Вотъ неожиданный гость. Какими судьбами, князь?—воскликнула Наташа съ такой насмѣшливостью, что Чугуновъ смутился.

— Я не зналъ, что это не принято,—говорилъ онъ смущенно, краснѣя, что такъ мало шло къ его широкой фигурѣ.—Я случайно попалъ въ ваши мѣста, и мнѣ захотѣлось узнать о вашемъ здоровьѣ, Наталья Андреевна.

— Ахъ, мое здоровье мнѣ надоѣло. Неужели ничего, кромѣ моей проклятой ноги, во мнѣ нѣтъ интереснаго? — раздражаясь, промолвила Наташа.

Князь удивленно посмотрѣлъ на нее и потомъ сказалъ:

— Но вы меня такъ встрѣтили, что я былъ принужденъ найти какой-нибудь свѣтскій предлогъ.

Наташа заемѣялась. Митя пошелъ сказать о пріѣздѣ гостя.

— Знаете, я очень скучаю о васъ,—сказалъ князь, какъ всегда, совсѣмъ неожиданно.— Послѣ того, какъ вы уѣхали, у насъ стало пусто. Ваша болѣзнь, потомъ выздоровленіе какъ-то заполняли день огорченіями и радостями. Маша тоже находится.

— Опять болѣзнь,—засмѣялась Наташа, но уже безъ злобы.—Можетъ быть, для вашего утѣшенія, князь, мнѣ сломать вторую ногу?

Князь промолчалъ и потомъ спросилъ:

— Этотъ молодой человѣкъ вашъ кузень? Вы дружны съ нимъ?

— Ваши вопросы и признанія такъ неожиданны, что могутъ поставить втупикъ кого угодно,—опять засмѣялась Наташа.—Ну, да, мы съ Митей очень, очень дружны. Мы вмѣстѣ росли.

— Воспоминанія дѣтства это всегда очень трогательно, но иногда какъ-то связываетъ ложно. Вотъ я, напримѣръ.

И князь началъ подробно рассказывать случай изъ своей жизни. Наташа слушала задумчиво.

— Какъ здѣсь душно, пройдемте въ садъ,—сказала она, когда князь кончилъ рассказъ.

Чугуновъ помогъ ей подняться и осторожно повелъ ее съ террасы. Опираясь на его руку, Наташа опять чувствовала, какъ тогда, когда онъ несъ ее, всѣмъ тѣломъ его сильныя руки. Она покраснѣла и хотѣла отстраниться, но князь настойчиво поддержалъ ее.

Михаилъ Васильевичъ провелъ весь вечеръ у Тулузовыхъ. Андрей Ѳедоровичъ старательно занималъ его, развивая свои теоріи о веденіи хозяйства. Князь почтительно выслушивалъ его. За чаемъ Чугуновъ сказалъ:

— Завтра мы увидимся у Маровскихъ. Я познакомился съ ними недавно, и онъ очень звалъ, говорилъ, что и вы будете.

— Вотъ Наташа не хочетъ ѣхать,—промолвила Александра Львовна.

— Нѣтъ, отчего же, можно и поѣхать,—вдругъ сказала Наташа.—Я была нѣсколько въ меланхоли, но теперь это прошло. Мнѣ даже очень хочется ѣхать. У Маровскихъ всегда бываетъ очень вѣсело.

— Ну, вотъ, постоянно капризы. Надо было о лошадяхъ позаботиться,—началъ было сердиться Андрей Ѳедоровичъ, но сейчасъ же спохватился и вздохнулъ комично:—О женщины, женщины!

Провожать князя до большой дороги пошли Коля, Митя и Наташа. Коля вскочилъ на лошадь и поскакалъ впередъ. Наташа шла подъ руку съ Митей.

— Я очень радъ, что вы завтра поѣдете къ Маровскимъ. Было бы очень скучно одному.

— Да, — неопредѣленно протянула Наташа.

Луна свѣтила въ облакахъ. По-осеннему горѣли на темномъ небѣ яркія звѣзды. Князь

распрощался и, ловко вскочивъ въ сѣдло, поклонился еще разъ и пустилъ нетерпѣливаго скакуна полной рысью.

— Молодецъ князь. Милый какой и простой,— восторженно сказалъ Коля.

— А вамъ, Митя, онъ понравился?—спросила Наташа.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ коротко, отмалчиваясь на возмущенные вопросы Коли.

Уже прощаясь въ темной гостиной, Наташа спросила, задержавъ Митину руку:

— Почему же вамъ не понравился князь?— и не дожидаясь отвѣта, засмѣялась короткимъ смѣхомъ и пошла своей зыбкой походкой.

На другой день съ утра начались сборы и суета. Андрей Ѳедоровичъ противъ обыкновенія былъ веселъ. Скоро позавтракавъ, наконецъ, выѣхали: Александра Львовна съ Наташей въ коляскѣ, мальчики—съ Андреемъ Ѳедоровичемъ въ тарантасѣ.

День стоялъ истомный и жаркій, какъ часто бываетъ въ концѣ іюля, когда торопится блѣдное сѣверное лѣто расточить прощальныя ласки. Яркость голубого неба, прозрачная ясность далей уже говорили о близкой осени. Дорога шла лѣсомъ. Дурманно благоухали болотные цвѣты, канавы алѣли колыхающимися на высокахъ стебляхъ цвѣтами капорскаго чая.

Давно такъ ласково и задушевно не говорили Наташа и Александра Львовна.

— Знаешь,—по-французски, чтобы не понялъ кучерь, сказала Александра Львовна:— знаешь, что старикъ выдумаль? Будто князь влюбленъ въ тебя. Онъ уже расфантазировался, какая это блестящая партія.

Наташа не разсердилась, а только покраснѣла и засмѣялась:

— Ну, вотъ еще. Князю навѣрно и въ голову не приходитъ, что можно ухаживать, влюбляться. Это медвѣдь какой-то.

— Онъ очень милый, хотя, конечно, и не красивъ, зато характеръ чудный,—промолвила Александра Львовна.

— Да ты, мамочка, тоже, кажется, не прочь выдать меня замужъ. Хромую-то съ рукъ спихнуть,—опять засмѣялась Наташа, но въ голосѣ уже зазвенѣло раздраженіе.

— Богъ съ тобой, дѣвочка моя,—забеспокоившись, успокаивала мать.—Это только старику могутъ такія глупости въ голову приходиться. Вѣдь ты единственное счастье мое, Наточка.

— А развѣ попробовать соблазнить князя?

— Ну, не надо, не надо объ этомъ говорить,—сказала Александра Львовна и перевела разговоръ на другую тему.

Когда уже въѣзжали во дворъ усадьбы Маровскихъ, гдѣ съ балкона, разукрашеннаго флагами и китайскими фонариками, неслись громкіе голоса, Наташа вдругъ повторила еще разъ:

— Развѣ попробовать?

У Маровскихъ былъ уже полонъ домъ гостей: какіе-то студенты, кадеты, инженеры, строившіе по сосѣдству заводъ, помѣщики въ поддевахъ, отставной генераль, барышни въ кисейныхъ платицахъ, всѣ въ ленточкахъ, сумрачный Василій Васильевичъ, батюшка изъ сосѣдняго села, словомъ—общество самое разнообразное. Наиболѣе почтенные гости уже усѣлись въ кабинетѣ за карты.

Молодежь толпилась на балконѣ. Приѣздъ Тулузовыхъ былъ встрѣченъ восторженно.

Наташа нѣсколько смутилась, когда ей пришлось при помощи выскочившаго на ходу Мити выходить изъ коляски. Ей казалось, что всѣ съ любопытствомъ и сожалѣніемъ осматриваютъ ее.

— Ну, слава Богу, выздоровѣли, ангель мой. Я такъ безпокоилась за васъ,—сказала Маровская.

Катя въ бѣломъ муслиновомъ платьѣ, въ сложной прическѣ, бросилась на шею Наташѣ, чуть не уронивъ ее.

— Милая Наточка, какъ я рада, что вижу тебя. Рассказывай, какъ это случилось? Какъ ты жила у Чугуновыхъ? Вотъ интересно и какъ романично. Говорятъ, онъ большой чудакъ. Онъ сегодня будетъ у насъ. Я такъ волнуюсь. Расскажи.

Она усадила Наташу и не переставала расспрашивать. Та, видя, что ей не отдѣлаться отъ

любопытства подруги, въ короткихъ словахъ передала всѣ событія.

— Ну, а каковъ онъ? Интересенъ?—допытывалась Катя.

— Ты сама увидишь. Онъ былъ вчера у насъ, и сказалъ, что приѣдетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ мало, по-моему, походитъ на романтическаго героя, таинственнаго князя, какимъ тебѣ хотѣлось бы его видѣть. Не правда ли, Митя?—съ улыбкой обратилась Наташа къ стоявшему у нея кресла Лазутину.

Тотъ едва замѣтно пожалъ плечами.

— Онъ часто теперь бываетъ у васъ? Ухаживаетъ за тобой? Признайся,—спрашивала опять Катя.

— Ну, слово ухаживать онъ, вѣроятно, даже и не знаетъ,—старалась отшутиться Наташа.

— Да развѣ можно за тобой не ухаживать? Ты такая прелесть, такая душка,—цѣловала съ нѣсколько дѣланной восторженностью Катя Наташу.—Развѣ можно? Дмитрій Владиміровичъ, скажите вы, развѣ можно?

Митя, не улыбувшись, опять промолчалъ.

— Ну, и нелюбезный же вы кавалеръ, Дмитрій Владиміровичъ, кокетливо ударила вѣеромъ его по рукѣ Катя.

Сейчасъ же послѣ обѣда, который пропелъ шумно и весело, начались танцы. Наташу усадили въ кресло на террасѣ, откуда ей была видна зала. Митя сѣлъ около нея. Его тащили танцо-

вать, онъ проходилъ одинъ кругъ и незамѣтно опять пробирался къ Наташѣ.

— Развѣ вамъ не скучно со мной? Я такая старая, сижу въ углу, какъ бабушка. Шли бы лучше танцовать. Катя-то за вами какъ ухаживаетъ,—говорила Наташа.

— Я лучше съ вами посижу,—отвѣчалъ Митя и такъ просительно смотрѣлъ, что Наташа засмѣялась.

— Вѣрный мой рыцарь Фернандо. Тогда занимайте меня, по крайней мѣрѣ.

Но Наташа плохо слушала то, что говорилъ ей Митя, и смущала его отвѣтами невпопадъ и разсѣяннымъ взглядомъ.

Утренній разговоръ съ Александрой Львовной не выходилъ у нея изъ головы, и, какъ бы продолжая свои мысли, она спросила Митю:

— Какъ вы думаете, я правлюсь князю?

Тотъ серьезно и нѣсколько печально отвѣтилъ:

— Я думаю, да.

— Ну, зато мнѣ онъ совсѣмъ не нравится,—засмѣялась Наташа нѣсколько притворно, какъ бы стараясь скрыть что-то.—Онъ герой не моего романа.

— Но вы такъ часто говорите о немъ.

— Вотъ если бы онъ былъ похожъ на...— Наташа не договорила, пристально поглядѣла на Митю и, поморщившись, оборвала:—Глупости все это. Правда, будто и разговора другого нѣтъ, кромѣ какъ о князѣ!

Чугуновъ пріѣхалъ почти передъ самымъ ужиномъ. Онъ подошелъ прямо къ Наташѣ.

— Меня ужасно задержали, я такъ огорченъ, заговорилъ онъ, какъ бы извиняясь.

— Ну, вы не много потеряли,—съ гримаской сказала Наташа и сейчасъ же обратилась къ Митѣ:—а Жукъ, Жукъ, какъ счастливъ, посмотрите на его лицо! Вспотѣлъ даже, бѣдный, отъ счастья.

Князь посмотрѣлъ удивленно на Наташу и пошелъ знакомиться съ хозяйками.

Наташа проводила взглядомъ князя. Черезъ нѣсколько времени онъ подошелъ опять къ ея креслу.

— Не уходите теперь отъ меня, если вы хоть немного...—быстро прошептала Наташа, беря Митю за руку, и громко сказала:—Въ этомъ году васъ будутъ отпускать еще въ среду. Вотъ хорошо, будемъ вмѣстѣ ходить въ Лѣтній садъ, ѣздить въ театръ.

Митя не понималъ Наташинаго волненія, а та говорила все оживленнѣе. Князь отошелъ въ темный уголъ террасы и, скрестивъ руки на груди, стоялъ высокій, какой-то неуклюжій въ своемъ смокингѣ.

Однако Катя не оставила Митю въ покоѣ и опять потащила танцовать.

Князь сейчасъ же подошелъ къ Наташѣ.

— Почему,—спросилъ онъ:—почему, Наталья Андреевна, вы второй день такъ враждебно

встрѣчаете меня. Я такъ радовался сегодня весь день тому, что увижу васъ, а вы...

— Полноте,—перебила его Наташа со смѣхомъ:—вамъ такъ показалось. Что я могу имѣть противъ васъ, моего спасителя? Неправда ли, вы чувствуете себя немного моимъ спасителемъ? И удивляетесь неблагодарности моей?

— Нѣтъ,—возразилъ князь: — благодарной вамъ мнѣ не за что быть. Но мнѣ показалось послѣ нашего разговора тогда на баклонѣ у насъ, что мы съ вами друзья. Это было очень радостно мнѣ, но, вѣроятно, я ошибся, и мнѣ это просто такъ показалось.

— У меня нѣтъ друзей, и я не люблю и не понимаю этого слова,—сказала Наташа.

Нѣсколько минутъ они молчали.

— Помните,—заговорилъ князь какимъ-то глухимъ голосомъ:—я говорилъ вамъ, что умѣю только мечтать о жизни. Теперь я понялъ, что это былъ лишь дѣтскій романтизмъ. Вдругъ какъ-то случилось, что я началъ жить—я узналъ настоящую тревогу, настоящую радость, смертельную тоску, и все это случилось потому, что я...

— Мама, мамочка, мама!—закричала Наташа Александрѣ Львовнѣ, появившейся въ залѣ:—мамочка, поди сюда!

Въ голосѣ Наташи былъ почти ужасъ, будто она звала мать спасти ее отъ страшной опасности.

Она даже поднялась съ кресла и бросилась къ матери на шею.

— Что съ тобой случилось, Наточка, птичка моя золотая?—тревожно спрашивала Александра Львовна, чувствуя, какъ дрожить Наташа.

VI.

Катю Маровскую отпустили погостить къ Тулузовымъ на недѣлю. Александра Львовна думала, что, она, болтливая хохотушка, развлечетъ Наташу.

Дѣйствительно, Катю и просить объ этомъ не надо было. Цѣлый день звенѣлъ ея голосъ по всему дому. Она кокетничала и съ таявшимъ отъ восторга Колей и съ Митей, мало поддающимся ея чарамъ; придумывала прогулки и игры и даже Андрея Федоровича нисколько не боялась, который, впрочемъ, по своей привычкѣ держался при ней очень галантно.

Наташа не очень любила Катю; сейчасъ же ее раздражала эта нѣсколько преувеличенная постоянная аффектація; но на второй вечеръ послѣ водворенія Кати въ Наташиной комнатѣ онѣ разговорились и проговорили до четырехъ часовъ ночи, какъ могутъ говорить только дѣвушки лѣтъ въ восемнадцать, для которыхъ много еще нерѣшеннаго и неразгаданнаго.

Съ тѣхъ поръ Катя каждый вечеръ забиралась къ Наташѣ въ постель, и, потушивъ свѣчу, онѣ

разговаривали шопотомъ, пока не засыпали, обнявшись.

Говорили, конечно, главнымъ образомъ о любви.

— Вотъ говорятъ и пишутъ въ романахъ: «любовь, любовь»,—говорила Катя.—Конечно, когда за тобой ухаживаютъ, если сама влюбишься, это очень пріятно. Безъ романа скука смертная, но чтобы «съ милымъ рай и въ шалашѣ», этого я не понимаю. Во-первыхъ, какъ же это на всю жизнь сказать, что я люблю одного, и отъ всѣхъ, всѣхъ отказаться навсегда? Во-вторыхъ, шалашъ это хорошо разъ, два, а потомъ и надоѣсть. Да я больше двухъ мѣсяцевъ и влюблена быть не умѣю. Сначала, когда только начинаетъ ухаживать, какъ игра интересная, потомъ объясненіе, недѣлю будто въ чадѣ счастливомъ живешь. Нацѣлуешься всласть, и уже скучновато дѣлается, а тамъ кто-нибудь новый и интересный встрѣтится. А выйти замужъ по любви за чиновника какого-нибудь, и съ перваго дня копейки считать—это ужъ просто мѣщанство.

— Какъ же безъ любви, по-твоему, можно выйти замужъ?—спрашивала Наташа будто у старшей, хотя прежде всегда слегка презрительно относилась къ Катѣ.

— Очень просто,—продолжала та:—немножко-то влюбиться всегда можно въ мужчину, который за тобой ухаживаетъ, мѣсяца на два или даже на годъ хватить, а потомъ всегда отъ жен-

щины зависить, чтобы себя поставить такъ, чтобы и мужу и себѣ свободу полную оставить. Конечно, не старика какого-нибудь или ужъ очень противнаго выбрать нужно. Нѣтъ, я дешево себя не продамъ,—вѣдь это на всю жизнь.

— Нехорошо какъ-то это ты говоришь,—задумчиво промолвила Наташа.

— Ничего нехорошаго тутъ нѣтъ; многія такъ думаютъ, только не говорятъ,—возразила Катя.—Да я бы никому, кромѣ тебя, не сказала. А ты, Наташенька, влюблена въ кого-нибудь? Ну, скажи, милая?

— Въ кого мнѣ влюбиться, вотъ глупости выдумала, я никого и не вижу,—сконфуженно говорила Наташа.

— А знаешь, я думала, ты въ Митю влюблена. Онъ-то въ тебя по уши, а я думала, и ты. Конечно, онъ хорошенькій, какъ херувимъ вербный, но вѣдь глупые они съ Колей мальчишки, ничего толкомъ не понимаютъ. Я такихъ не люблю, желторотыхъ. А вѣдь князь-то за тобой ухаживаетъ. Ей-Богу, я сразу тогда на вечерѣ замѣтила. Прямо къ тебѣ подошелъ, а потомъ, когда вы уѣхали, такъ скисъ. Вотъ съ нимъ романчикъ затѣять да жениться заставить—это я понимаю.

У Кати въ темнотѣ даже глаза заблестѣли, а Наташа, отвернувшись къ стѣнѣ, ничего не отвѣтила.

Катя еще поболтала немного и, наконецъ, заснула. Наташа же пролежала съ открытыми глазами, не шевелясь, до свѣта. Будто тяжелый дурманъ навѣяли на нее слова Кати.

Оставалась всего одна недѣля до отъѣзда. Катя придумала устроить пикникъ на островъ. Маровскіе должны были тоже пріѣхать туда же. Андрей Ѳедоровичъ уѣхалъ по дѣламъ, молодежь съ Александрой Львовной, забравъ провизіи на цѣлый день, доѣхали до Заозерья на лошадахъ.

Озеро тянулось верстъ на тридцать; далеко синѣли въ осенней прозрачности лѣса. Со смѣхомъ размѣстились въ большой лодкѣ.

Босоногій, безъ шапки, веселый парень Кузьма, плюнувъ на ладони, гребъ сильно и ловко.

Вѣтеръ несъ пріятную прохладу и слегка морщилъ синій штиль озера.

— Пожалуй, бурно будетъ на серединѣ,—опасливо сказала Александра Львовна.

— Что вы, сударыня, на этой лодкѣ хоть въ море-океанъ!—блеснувъ крѣпкими зубами, весело отвѣтилъ Кузьма.

Наташа опустила руку въ воду и, улыбаясь подъ широкой своей соломенной шляпой, щурясь отъ солнца, осматривала знакомыя мѣста, березовую рощицу и зеленый лужокъ, далекую на холмѣ церковь, желтыя сжатые поля и совсѣмъ на горизонтѣ желѣзнодорожный мостъ и насыпь, которые возбуждали всегда безпокой-

ныя и сладкія мечты о далекой дорогѣ, путешествіи, невѣдомыхъ городахъ и людяхъ.

Ей было весело почему-то сегодня и свободно, какъ давно уже не бывало.

— Какая ты хорошенькая сегодня, Ната!—воскликнулъ вдругъ совсѣмъ неожиданно Коля, бывший тоже сегодня въ какомъ-то особо восторженномъ настроеніи.

Все засмѣялись надъ этимъ неожиданнымъ комплиментомъ. Впрочемъ, смѣхъ не прекращался почти всю дорогу. Смѣялись и надъ испугомъ Александры Львовны при каждомъ колебаніи лодки, и надъ прибаутками Кузьмы, и надъ рассказами неугомонной Кати, смѣялись и такъ себѣ, безъ всякаго предлога.

Все были возбуждены и веселы.

— А вотъ и Чугуново,—сказала Александра Львовна.—Чудесно расположено.

Дѣйствительно, расположенное на пригоркѣ имѣніе, съ широкой прямой аллеей прямо къ бѣлому въ зелени балкону, съ острыми башенками на всѣхъ углахъ дома, съ бѣлѣвшей купальней, окруженное большимъ паркомъ, Чугуново имѣло видъ замка.

— Вспомни-ка нашъ разговоръ,—вдругъ какъ то нехорошо, будто завистливо засмѣялась Катя.

Александра Львовна, какъ бы понявъ намекъ, съ удивленіемъ посмотрѣла на дѣвочекъ.

Наташа не разглядывала усадьбы. Нагнувшись къ водѣ, она была очень занята лиліями.

На островѣ уже ходила цѣлая компанія Маровскихъ.

Пылалъ огромный костеръ съ невидимымъ на солнцѣ пламенемъ. Зина, Маруся и Петя наливали въ самоваръ воду. Володя, загнувъ выше колѣнъ брюки, ходилъ по отмели. Константинъ Леонидовичъ Маровскій суетился у корзины, а Анна Павловна Маровская подъ кружевнымъ зонтикомъ, въ лиловомъ платьѣ, сидѣла на пнѣ и любовалась пейзажемъ.

Кузьма разогналъ лодку на отмель, и она ударилась о берегъ съ такой силой, что Александра Львовна упала со скамейки прямо на корзины съ провизіей.

— Я говорила, говорила,—повторяла она, пока со смѣхомъ всѣ вытаскивали ее, а Кузьма, сложивъ весла, чесалъ затылокъ.

— Въ аккуратъ доставилъ.

Высадившись и поздоровавшись, всѣ принялись за дѣло, котораго было не мало. Надо было составить запасъ хвороста, набрать малины къ чаю, сплести изъ вѣтокъ шатерь. Какая-то дѣтская радость охватила всѣхъ; даже сумрачный Митя развеселился и полѣзъ на высокое, тонкое, гнувшееся отъ его движеній, дерево, чтобы достать гнѣздо. Барышни отъ страха визжали:

— Митя, Дмитрій Владиміровичъ, упадете, не нужно!

— Вотъ онъ какой ловкій,—сказала Наташа, улыбаясь, когда Митя съ оборваннымъ рукавомъ

и царапиной во всю щеку подавалъ ей, какъ трофеей, гнѣздо.

Мальчики собирали хворость, волоча за собой цѣлыя деревья, и соперничали другъ съ другомъ. Барышни наполняли шляпы и платки спѣлой малиной.

Между деревьями блестѣло озеро; было во всемъ что-то праздничное, веселое, напоминающее дѣтство.

Наконецъ, пронзительный рогъ Константина Леонидовича далъ сигналъ собираться къ завтраку.

Наташа, раскраснѣвшаяся, съ алыми отъ малины губами, съ выбившимися свѣтлыми волосами, никакъ не могла оторваться отъ куста, усыпаннаго тяжелыми ягодами.

— Митя,—кликнула она Лазутина, волочившаго связаннаго ремнемъ огромнаго коряги:— Митя, какъ хорошо сегодня, правда? За все лѣто это—первый радостный день. Да подойдите же ко мнѣ!

Она капризно и кокетливо топнула ногой.

Митя подошелъ, улыбаясь.

— Сегодня, сегодня, мнѣ кажется, я узнала навѣрно, что люблю васъ!—быстро проговорила Наташа.

Минуту стояло молчаніе. Улыбка сошла съ губъ Мити, онъ сильно поблѣднѣлъ. Наташа долгимъ выжидательнымъ взглядомъ глядѣла на него.

Митя не шевелился, опутивъ глаза, отчего тѣнь упала на блѣдныя щеки отъ густыхъ рѣсницъ. Митя не двинулся и тогда, когда Наташа, прошептавъ:

— Какъ глупо, какъ глупо,—медленно пошла, роняя изъ шляпы красныя ягоды.

Завтракъ прямо на травѣ прошелъ очень весело. Всѣмъ казались особенно вкусными и пахнувшая дымомъ каша, и печеный картофель, который грызли прямо съ грязной кожей, и сухіе пирожки, и холодныя котлеты.

— Это еще что!—хвастался Константинъ Леонидовичъ, снявшій съ позволенія дамъ пиджакъ и жилетку и суетившійся въ бѣлоснѣжной рубашкѣ и шелковыхъ съ цвѣточками подтяжкахъ.—Чѣмъ я васъ за обѣдомъ угощу. Вотъ увидите. И князь къ тому времени подѣдетъ.

— Развѣ князь пріѣдетъ? Вотъ хорошо!—воскликнула Наташа, которая весь завтракъ была весела и болтлива до необычайности.

— Обѣщаль непременно,—отвѣтилъ Маровскій.—Самъ назвался; я у него былъ вчера, сказалъ про пикникъ, а онъ сейчасъ же самъ попросился.

— Эй, Наташа, примѣчай!—со смѣхомъ сказала Катя.

Послѣ завтрака всѣми овладѣла истома. Мальчики долго возились, сплетая изъ вѣтокъ шатерь подъ руководствомъ неугомоннаго Кон-

стантина Леонидовича, потомъ пошли за мысь купаться.

Катя и Наташа лежали въ травѣ подъ деревомъ. Продувало вѣтеркомъ. Синѣло высокое, будто фарфоровое небо; между деревьевъ, какъ въ рамѣ, виднѣлось озеро съ лѣсами по берегамъ, деревьями и желтыми полями.

— Ну, видишь, Наташа,—говорила Катя:—развѣ я не права относительно князя? Самъ на пикникъ попросился,—это не просто.

Катя еще долго болтала что-то про князя, который, видимо, сильно занималъ ея воображеніе.

Наташа почти не слушала. Ея искусственное возбужденіе упало, она лежала на спинѣ, заложивъ руки за голову, какъ въ полуснѣ.

Когда Катя замолчала, Наташа будто себя спросила:

— Если дѣвушка знаетъ, что ее любятъ, и сама почувствуетъ, что полюбила, и первая скажетъ объ этомъ?...

— Никогда не надо самой!—перебила Катя.—А то сейчасъ зазнается.

— А если ничего не отвѣтитъ,—продолжала Наташа,—промолчить на признаніе, что это значить: не любить, или иное?

— Есть такіе кисляи,—опять заговорила Катя:—имъ на шею вѣшаешься, а они носъ воротятъ. Только это отъ трусости больше. Да ты кому это призналась, Наташечка? Расскажи!

Ей-Богу, никому не скажу, а посоветую, какъ поступить.

— Да, что ты это? Я не про себя, я это въ романѣ какомъ-то читала и вспомнила,—даже сѣла Наташа, испугавшись, что выдала себя.

— Нѣтъ, ты Расскажи. Со мной тоже одинъ разъ такъ было. Въ мальчишку-гимназиста влюбилась, а онъ испугался; потомъ цѣлый годъ письма и стихи посылалъ, а увидить—краснѣеть и молчить, какъ дуракъ! Я его разъ сама поцѣловала, такъ онъ чуть въ обморокъ не упалъ.

— А вотъ и князь,—воскликнулъ Константинъ Леонидовичъ.

Дѣйствительно, въ бѣлой моторной лодкѣ, которая приближалась быстро и плавно, сидѣлъ Чугуновъ въ синей матросской блузѣ. Онъ самъ управлялъ лодкой и, ловко миновавъ отмели, присталъ къ затонувшему наполовину дереву.

Закинувъ цѣпь въ сучья, онъ ловко выскочилъ на берегъ.

— Bravo, bravo, настоящій спортсменъ!—закричалъ Константинъ Леонидовичъ, прихлопывая въ ладошки.

Все встали навстрѣчу князю, любуясь его лодкой; только Катя и Наташа остались лежать въ тѣни.

— Да, бѣдняжечка, онъ все же очень некрасивъ,—промолвила Катя.

Наташа невольно взглянула на князя. Тотъ стоялъ, высокій, плотный, слегка сутуловатый,

и, сконфуженно улыбаясь, показывалъ изъ-подъ узкихъ черныхъ усовъ большіе, какъ клыки, зубы. Онъ былъ почти мѣднокрасный отъ загара, сильно выдвинутыя скулы и слегка раскосые калмыцкіе глаза придавали ему добродушный видъ негра.

Вдругъ Наташа улыбнулась: этотъ большой неуклюжій человѣкъ показался ей почему-то трогательнымъ.

— А все-таки онъ милый,—сказала она.

— Ну, милый-то это на чей вкусъ. Впрочемъ, я очень рада, что мои наставленія идутъ тебѣ впрокъ,—засмѣялась Катя, какъ опять показалось Наташѣ, завистливо.

— Князь, князь, подойдите же къ намъ, а то такъ жарко, и лѣнь вставать!—закричала Наташа.

Чугуновъ, будто намѣренно не глядѣвшій въ ихъ сторону, быстро подошелъ.

— Сейчасъ мы говорили, и Наташа нашла, что вы очень милый,—съ кокетливой, нѣсколько неприятной развязностью сказала Катя.

— Я не думалъ, что Наталья Андреевна будетъ такъ снисходительна ко мнѣ,—нѣсколько сухо, безъ улыбки промолвилъ Чугуновъ.

Даже Катя смутилась этимъ тономъ и послѣ того, какъ прошло нѣсколько минутъ въ неловкомъ молчаніи, спросила:

— Неужели вы не скучаете здѣсь, въ деревенской глуши?

— Я въ первый разъ живу въ русской деревнѣ,—отвѣтилъ Чугуновъ.—Я очарованъ этимъ просторомъ полей, тишиной лѣсовъ, озерами. Къ тому же я не знаю скуки, а тоска, мучительныя мысли появляются не отъ мѣстоположенія, въ которомъ живешь.

— Отчего же появляется тоска?—лукаво спросила Катя.

— Ну, я не знаю,—различныя душевныя переживанія.

— Любовь, на примѣръ—опять поддѣла Катя.

— Да, и любовь приноситъ много печали.

Подошелъ Константинъ Леонидовичъ и заговорилъ съ княземъ о земскихъ дѣлахъ.

Катя шептала Наташѣ:

— Ну, не будь же такой жестокосердной.

До обѣда время прошло вяло. Было жарко и всѣ лежали въ травѣ или бродили около воды. Наконецъ въ пятомъ часу Константинъ Леонидовичъ при помощи Кузьмы, котораго онъ послалъ въ деревню, принялся стряпать, что-то варить въ никелированныхъ кострюлькахъ, переливать изъ бутылки и производить съ таинственно-торжественнымъ видомъ еще какія-то манипуляціи. Наконецъ барышнямъ былъ отданъ приказъ накрывать на столъ. Постлали скатерть, разставили тарелки, и Константинъ Леонидовичъ возвѣстилъ:

— Ершова уха на телячьемъ бульонѣ. Любоу архіерей пальчики оближеть.

Затѣмъ слѣдовалъ шашлыкъ и, наконецъ, Маровскій розлилъ по стаканамъ горячій пуншъ.

— За здоровье Александры Львовны—провозгласилъ Константинъ Леонидовичъ и зятнулъ: «Саша, Саша, пей, пунша не жалѣй, на скатерть не лей. Саша, Саша, пей»,—всѣ подхватывали и не переставали, пока сконфуженная Александра Львовна не вышла четверти стакана и не сказала умоляюще:

— Больше не могу.

Тогда начали славить другихъ.

— «Миша, Миша, пей»...

Чугуновъ всталъ, неуклюже поклонился и, не отрываясь, выпилъ стаканъ залпомъ.

— Вотъ это я понимаю, настоящій англичанинъ!—восхищенно крикнулъ Маровскій.

Князь еще только больше побагровѣлъ, и слегка заблестѣли его печальные, будто у вѣрной собаки, глаза.

Когда очередь дошла до Наташи, она выпила тоже почти весь стаканъ. Ласкающая теплота пробѣжала по тѣлу и будто туманъ застлалъ глаза и голову.

— Ты съ ума сошла, Ната!—недовольно сказала Александра Львовна.

Послѣ обѣда играли въ горѣлки, прыгали черезъ костеръ. Константинъ Леонидовичъ составлялъ кадрили. Наташѣ случилось стоять во время горѣлокъ въ парѣ съ Митей. Она чувствовала, какъ дрожить его рука.

— Наташа...—началь онъ тревожнымъ шопотомъ.

Она вырвала свою руку и крикнула:

— Бѣгите.

Задѣвая платьемъ за кусты, слегка прихрамывая, Наташа побѣжала прямо къ темнѣвшему озеру.

Сильныя руки схватили ее, что-то знакомое вспомнилось ей при этомъ прикосновеніи. Она обернулась и близко надъ собой увидѣла лицо князя. Онъ крѣпко держалъ ее.

— Пустите,—сказала Наташа, улыбаясь:— все равно ужъ теперь не убѣгу.

— Я люблю васъ,—сказалъ шопотомъ князь однимъ движеніемъ губъ и, какъ побѣдитель, повелъ ее къ костру.

Наташа видѣла мелькнувшее между деревьевъ блѣдное лицо Мити.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Квартира Чугуновыхъ въ ихъ собственномъ домѣ была заново отремонтирована.

Послѣ десяти лѣтъ жизни за границей Елена Петровна рѣшила поселиться опять въ Петербургѣ. Она находила, что это необходимо для карьеры сына.

Князь, мало думая о своей карьерѣ, принялъ это рѣшеніе, какъ всегда, покорно, подъ конецъ же лѣта онъ часто съ восторгомъ мечталъ о зимѣ въ Петербургѣ.

Елена Петровна хотѣла провести осень въ деревнѣ, но вскорѣ послѣ отъѣзда Тулузовыхъ князь сталъ выказывать нетерпѣніе и наконецъ предложилъ, что онъ поѣдетъ впередъ, посмотреть, какъ идетъ ремонтъ.

— Вы становитесь заботливымъ хозяиномъ, мой другъ,—съ тонкой улыбкой, выпуская колечки дыма, говорила Елена Петровна.—Я ра-

да, что вы хоть чѣмъ-нибудь начинаете увлекаться. Ваша флегматичность меня нѣсколько беспокоила.—Она безъ возраженій отпустила сына.—Если увидите Тулузовыхъ, поклонитесь имъ отъ меня. Я очень жалѣю, что не успѣла сдѣлать визита madame Тулузовой, но наши дороги меня страшатъ. Зимой, я надѣюсь, мы будемъ встрѣчаться. Эта Наташа—прелесть, кланяйся ей,—говорила Елена Петровна, провожая сына.

Чугуновъ бывалъ въ Петербургѣ только мелькомъ, поѣздомъ. Онъ какъ-то не обращалъ вниманія на городъ, чужой всѣмъ мыслямъ и желаніямъ его.

Теперь онъ ѣхалъ, чтобы поселиться въ этомъ странномъ городѣ, о которомъ такъ много говорятъ противорѣчиваго; какія-то сладкія смутныя мечтанія соединялись у Чугунова съ предстоящей зимой въ Петербургѣ.

Прохаживаясь въ ожиданіи поѣзда по темной платформѣ, потомъ лежа на мягкомъ диванѣ въ своемъ купе перваго класса и машинально пробѣгая страницы французскаго романа, князь испытывалъ какое-то необычайное волненіе.

Онъ долго не могъ заснуть и проснулся еще ранѣе, чѣмъ за часъ до Петербурга. Наскоро вымывшись, онъ провелъ этотъ часъ, нетерпѣливо прохаживаясь по коридорчику, курия папиросу за папиросой и стараясь въ болотистыхъ равни-

нахъ, поросшихъ мелкимъ кустарникомъ, разглядѣть уже признаки близкаго города.

Когда, пролетѣвъ мимо послѣднихъ дачныхъ платформъ, гдѣ уже прохаживались пестрыми стаями барышни, миновавъ безконечные огороды и прошумѣвъ надъ Обводнымъ каналомъ, поѣздъ какъ-то внезапно остановился подъ стекляннымъ колпакомъ Николаевскаго вокзала, князь даже нѣсколько растерялся, бросился собирать вещи, надѣвать пальто и довольно безтолково отвѣчалъ на вопросы носильщика.

Впрочемъ, почти въ ту же минуту Чугуновымъ завладѣлъ встрѣчавшій его старый лакей Тѣрентій, который, распорядясь относительно вещей, усадилъ князя въ открытую коляску, самъ съ легкостью, для его лѣтъ изумительной, вскочивъ на козлы. Солнечное, радостное утро опровергало клеветы про вѣчные туманы Петербурга.

Съ той минуты, какъ коляска выѣхала изъ воротъ вокзала и сразу оказалась въ самомъ центрѣ города, на Невскомъ проспектѣ, все восхищало князя. Будто странникъ послѣ долгаго изгнанія, возвращаясь въ полузабытый родной городъ, съ какимъ-то особымъ умиленіемъ узнавалъ Чугуновъ все, о чемъ смутно помнилъ или слышалъ.

Когда коляска остановилась у большого многоэтажнаго дома, Чугуновъ нѣсколько удивился, что этотъ огромный, занимавшій почти цѣ-

лый кварталъ, домъ принадлежитъ ему. За границей онъ почти не чувствовалъ физически своего богатства, благодаря строгой простотѣ, въ которой его воспитывали.

Цифры доходовъ были какими-то отвлеченными, и только здѣсь, передъ этимъ гигантскимъ домомъ, онъ почувствовалъ въ первый разъ всю власть свою.

Какое-то новое волненіе испытывая, вошелъ Чугуновъ въ свой домъ.

Старый важный швейцаръ низко поклонился; здѣсь же поджидалъ князя управляющій Иванъ Ивановичъ въ безукоризненномъ сюртукѣ, тщательно напомаженный, съ ласковыми глазами.

Онъ представился новому хозяину и повелъ его въ квартиру, помѣщавшуюся въ первомъ этажѣ.

— Ихъ сіятельство дали распоряженіе, чтобы ремонтъ былъ оконченъ къ концу сентября, и поэтому я очень извиняюсь, что до приѣзда вашего сіятельства мы не успѣли закончить работу,—говорилъ Иванъ Ивановичъ.

Въ огромныхъ комнатахъ царилъ полумракъ, такъ какъ окна были забѣлены, и сдвинутая мебель въ чехлахъ, завѣшанныя люстры и картины производили впечатлѣніе какого-то запустѣнія.

— Здѣсь никто не жилъ это время?—спросилъ Чугуновъ.

— Никакъ нѣтъ, со смерти вашего батюшки квартира стояла пустой. Голландское консуль-

ство предлагало 20 тысячъ арендной платы, но ихъ сіятельство не дали своего согласія.

Иванъ Ивановичъ, безшумно двигаясь, отворялъ двери и показывалъ комнату за комнатой.

— Вотъ-съ кабинетъ ихъ сіятельства, который приказано приготовить для вашего сіятельства. Здѣсь будетъ спальня вашего сіятельства, здѣсь библіотека, сюда направо приемная, этотъ коридоръ соединяетъ половину вашего сіятельства съ комнатами ихъ сіятельства.

У Чугунова слегка кружилась голова отъ этихъ полутемныхъ комнатъ съ затхлымъ воздухомъ, отъ безшумныхъ движеній Ивана Ивановича и его свистящаго шопота, въ которомъ такъ часто повторялось все еще непривычное для уха Чугунова «сіятельство».

— Гдѣ же вы меня теперь-то помѣстите?—съ нѣкоторой тоской спросилъ князь.

— Къ вечеру будутъ готовы комнаты вашего сіятельства, а пока, можетъ-быть, ваше сіятельство позволить провести въ запасныя комнаты для приѣзжающихъ.

Въ свѣтлой высокой комнатѣ, напоминавшей почему-то больничную камеру, Чугуновъ еще разъ умылся, переодѣлся при помощи Терентія и напился кофе. Онъ дѣлалъ все это очень торопливо, будто важныя дѣла ожидали его.

Только когда Терентій унесъ посуду, вдругъ вспомнилъ, что собственно ему рѣшительно нечего дѣлать; въ этомъ шумномъ, такъ привѣтливо

встрѣтившемъ его, городѣ знакомыхъ у князя, кромѣ Тулузовыхъ, не было, заняться хозяйственными дѣлами по дому значило опять по пасть во власть свистящаго шопота, безшумныхъ движеній Ивана Ивановича, при одномъ воспоминаніи о которыхъ Чугунову становилось тоскливо.

Онъ прошелся по комнатѣ, выкурилъ папиросу и, какъ бы принявъ какое-то рѣшеніе, позволилъ.

Приказавъ Терентію подать пальто и мягкую шляпу, князь одѣлся и вышелъ на улицу.

Было жарко, приторно пахло горячимъ асфальтомъ.

Изъ всѣхъ петербургскихъ улицъ Чугуновъ помнилъ одинъ адресъ: Казанская, 10.

Еще самъ хорошенько не зная, для чего онъ это дѣлаетъ, князь сѣлъ на подкатившаго извозчика и велѣлъ везти себя на Казанскую. Уже на шумномъ Невскомъ смущеніе овладѣло Чугуновымъ.

Онъ понималъ, что неудобно ѣхать къ Тулузовымъ, главное же, что пугало его, это насмѣшливый взглядъ Наташинъ, которымъ, конечно, встрѣтитъ она его неожиданное появленіе. Тогда, на островѣ, она ничего не отвѣтила на его признаніе; даже слышала ли она его, или нѣтъ, князь не зналъ. Онъ ѣздилъ прощаться, но Наташа была у Маровскихъ. Не боясь быть смѣшнымъ, Чугуновъ поскакалъ на другое утро къ

Маровскимъ, но по дорогѣ встрѣтила Наташу, — она возвращалась домой съ Митей и Колей.

Они весело смѣялись о чемъ-то, и, какъ видѣніе, промелькнула тогда Наташа передъ княземъ. Она ласково отвѣтила на поклонъ Чугунова. Тотъ хотѣлъ остановить лошадей, что-то крикнуть, но, увидѣвъ рядомъ съ Наташей улыбающееся надменно-красивое лицо Лазутина, ничего не сдѣлалъ.

Только у самыхъ воротъ усадьбы Маровскихъ, къ великому удивленію кучера, велѣлъ повернуть обратно.

На другой день Тулузовы уѣхали, и князь не видѣлъ больше Наташи, не зналъ, какъ встрѣтитъ, какъ взглянетъ она на него. Онъ ждалъ этой встрѣчи и боялся ея.

Около Казанскаго собора Чугуновъ совершенно неожиданно остановилъ извозчика, расплатился съ нимъ и, войдя въ скверъ, опустился на скамейку.

Онъ чувствовалъ небывалую слабость, дрожали ноги, кружилась голова.

Было очень жарко; по желтому песку бѣгали дѣти; журчалъ фонтанъ. Садовый сторожъ нѣсколько подозрительно оглядывалъ этого плотнаго молодого человѣка, уже болѣе получаса сидящаго неподвижно съ закрытыми глазами.

— Какими судьбами, князь, и что вы здѣсь дѣлаете? — раздался удивленный голосъ, заставившій вздрогнуть Чугунова и открыть глаза.

Передъ нимъ стоялъ невысокаго роста чело­вѣкъ, съ черной небольшою бородкой, быстрыми веселыми глазами и лысиной во всю голову.

Онъ былъ въ свѣтломъ костюмѣ и обмахивался соломенной шляпой.

— Monsieur Léonas!—воскликнулъ удивленно и радостно Чугуновъ, узнавъ своего бретонскаго сосѣда, съ которымъ такъ дружно прожили они прошлое лѣто.

Тотъ немножко поморщился отъ французскаго восклицанія князя, и только сейчасъ Чугуновъ замѣтилъ странность, что французскій журналистъ Léonas говорить на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ.

— Вы заспались, батюшка, и позабыли, что зовутъ меня Василій Петровичъ Дерновъ.

— А какъ же...—началь было князь.

— Ахъ, какъ вы несомны въ своемъ безтолковомъ любопытствѣ!—досадливо промолвилъ Дерновъ. Напрасно я и подошелъ-то къ вамъ, а еще сынъ хладнокровнаго Альбіона, можно сказать.

— Я такъ радъ нашей встрѣчѣ,—сконфу­женно улыбался Чугуновъ, не выпуская руки Дернова.

— Ну, и я очень радъ, только о господинѣ Леонасѣ, прошу васъ, забудьте; никогда, ничего подобнаго не было, а вотъ Василій Петровичъ Дерновъ, свободный художникъ, тихо и мирно живетъ на 9-й линіи Васильевскаго ост-

рова и очень радъ будетъ повидать у себя князя Чугунова и побесѣдовать съ нимъ.

— Благодарствуйте. Я ужасно радъ васъ встрѣтить. Я сегодня пріѣхалъ въ Петербургъ и чувствовалъ себя такъ одиноко,—произнесъ Чугуновъ.

— Ну, отлично,—я беру васъ подъ свое покровительство, если хотите. Буду путе­водителемъ и наставникомъ знатнаго иностранца. Однако, что вы здѣсь дѣлаете въ такую жару? Бьюсь объ закладъ, что у васъ здѣсь назначено свиданіе. Это плохой тонъ. Ну, такъ вотъ что, сейчасъ я сбѣгаю по одному дѣлу, а въ три часа пріѣзжайте на поплавокъ, что у Лѣтняго сада. Тамъ пообедаемъ и составимъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Василій Петровичъ посмотрѣлъ на часы, заторопился и побѣжалъ быстрой, подпрыгивающей походкой.

Чугуновъ помедлилъ нѣсколько секундъ на тротуарѣ, не зная хорошенько, въ какую сторону ему пойти.

Дѣловито шмыгали люди въ котелкахъ, съ портфелями, проплывали дамы въ огромныхъ шляпахъ съ дѣтьми или собачками, неслись будто на пожаръ экипажи, пронзительно звенѣла конка.

Отвыкшій отъ всего этого шума, Чугуновъ стоялъ, слегка ошеломленный.

Уже нѣсколько человѣкъ толкнули князя; что-то подозрительно прошипѣла высокая, злая старуха.

Вдругъ прямо на Чугунова вынырнула изъ-подъ извозчика Наташа. Она была вся голубая. Въ голубомъ костюмѣ, въ сиреновой шапочкѣ изъ фіалокъ, надвинутой почти на глаза, отчего совсѣмъ дѣтскимъ казалось ея слегка поблѣднѣвшее лицо.

Наташа нисколько не была удивлена встрѣчей.

— Здравствуйте, Михаилъ Васильевичъ. Я васъ еще съ той стороны Невскаго замѣтила и перебѣжала. У васъ такой растерянный видъ.— Она говорила просто и дружески.

Князь же отъ волненія не находилъ словъ.

— Проводите меня, если вы не торопитесь,— промолвила Наташа, чуть-чуть улыбаясь его смущенію, и сама положила свою руку на рукавъ князя.— Такъ душно въ городѣ. Зачѣмъ вы такъ рано пріѣхали?

Но Чугуновъ отвѣчалъ такъ смутно на всѣ вопросы, что Наташѣ пришлось говорить всю недалекую дорогу одной.

— Я не зову васъ сейчасъ къ намъ, такъ какъ меня, вѣроятно, ждетъ уже портниха, а потомъ мы должны ѣхать съ мамой къ теткѣ, но я буду очень, очень рада, если вы въ самомъ скоромъ времени зайдете къ намъ.

Она ласково улыбнулась и исчезла въ подъѣздѣ огромнаго коричневаго дома.

О, какимъ милымъ показался Чугунову этотъ безобразный, мрачный домъ.

Долго бродилъ Чугуновъ по какимъ-то улицамъ и переулкамъ. Эти двѣ встрѣчи, столь странныя и неожиданныя, поразили его. Очнулся князь уже на Вознесенскомъ проспектѣ, чуть-было не попавъ подъ ломовика. Взглянувъ на часы и увидавъ, что уже около трехъ, онъ нанялъ извозчика и поѣхалъ на поплавокъ, гдѣ Василій Петровичъ, просматривая газету, съ аппетитомъ ѣлъ раковъ.

Они пообѣдали на балкончикѣ, выходящемъ на Неву.

— Отчего вы имѣете такой удрученный видъ?—спросилъ Василій Петровичъ.— Вамъ не нравится Петербургъ?

— Очень нравится, только такъ странно проходить первый день. Я даже представить не могъ, что встрѣчусь съ вами здѣсь, и потомъ...— Чугуновъ не кончилъ, задумчиво глядя на сверкающую воду и бѣлѣвшую напротивъ Петропавловскую крѣпость.

— Да вы поймете и увидите въ Петербургѣ многое, чего совсѣмъ не ожидали. Вѣдь недаромъ же это—самый фантастическій городъ на земномъ шарѣ,— сказалъ Дерновъ безъ обычной усмѣшки.

II.

Коля и Митя усиленно занимались, такъ какъ въ октябрѣ имъ предстояло выйти въ офицеры. Выпускъ по случаю войны былъ ускоренъ. Митя даже и не ходилъ въ отпускъ, т. е. онъ обѣдалъ у Тулузовыхъ, но потомъ сейчасъ же возвращался въ училище.

Для него было очень важно кончить первымъ, такъ какъ дядя, провинціальный генераль, обѣщаль выхлопотать ему тогда поступленіе въ гвардію.

Коля же, не слишкомъ заботясь о своихъ успѣхахъ, тянулся за товарищемъ.

Митя замѣтно поблѣднѣлъ, что стало особенно видно, когда сошелъ лѣтній загаръ, вытянулся и сталъ еще молчаливѣе. Часто даже съ Колей они не обмѣнивались ни словомъ за цѣлый вечеръ.

Какъ-то въ сумеркахъ они сидѣли на подоконникѣ у открытаго, выходящаго на Неву, окна и занимались; впрочемъ, Коля больше смотрѣлъ въ окно, гдѣ мелькали пароходики, и блестяли окна домовъ на другой сторонѣ Невы.

Изъ сада доносились голоса юнкеровъ младшихъ курсовъ, а въ музыкальномъ классѣ кто-то упорно разыгрывалъ «Молитву Дѣвы».

— Какъ ты думаешь, что изъ себя представляетъ князь Чугуновъ?—неожиданно спросилъ

Митя, не поднимая головы отъ французской грамматики.

— То-есть, какъ что представляетъ? Онъ очень богатъ, образованный и, по-моему, простой и милый человѣкъ. Я не понимаю, почему ты его такъ не любишь,—говорилъ Коля, нѣсколько удивленный вопросомъ Мити.

— Онъ мнѣ противенъ,—съ брезгливостью промолвилъ Митя.—Что-то тупое въ немъ. Въ этомъ пухломъ, красномъ лицѣ. Эта нескладная фигура. Неужели его можетъ полюбить хоть одна женщина?

— Ну, этого вообще нельзя понять—какъ и за что женщины любятъ,—со вздохомъ отвѣтилъ Коля и, помолчавъ, спросилъ:—Скажи, Митя, вотъ мы такъ дружны съ тобой, а я не знаю и никогда не зналъ, любишь ты кого-нибудь, увлекался ли. Неужели тебѣ никто не правился?

— Вѣдь увѣрялъ же Андрей Ѳедоровичъ, что я ухаживаю за горничными,—чуть-чуть покраснѣвъ, усмѣхаясь, промолвилъ Митя.

— Зачѣмъ ты говоришь? Ты знаешь, что я этому не вѣрю, хотя это совсѣмъ другое. Я это тоже бы понялъ,—Коля понизилъ голосъ.—Одинъ разъ со мною было,—помнишь, у насъ служила въ прошломъ году Глаша, высокая, красивая такая? Понимаешь, вотъ не знаю, что со мной тогда было. Посмотрю на нее—и какъ-то неловко мнѣ, а она всегда усмѣхается, когда на меня смотритъ. Вотъ какъ-то на Рождествѣ я

былъ не совсѣмъ здоровъ и остался вечеромъ дома. Лежу въ кабинетѣ и все думаю о Глашѣ,— не могу, не могу отогнать мыслей. Знаешь, я не выдержалъ, позвонилъ и, когда позвонилъ, такъ испугался, что чуть не убѣжалъ, да ужъ поздно: идетъ она. Вошла. Я не вижу въ темнотѣ ея лица, но по голосу слышу, когда она спросила: «что вамъ, баринъ, угодно?»—что смѣется она, и стоитъ мнѣ...

— Ну, что же?—спросилъ Митя, тоже понижая голосъ почти до шопота.

— Да стало мнѣ такъ нехорошо,—кончилъ Коля, краснѣя до слезъ:—такъ нехорошо. Я сказалъ: «принесите, Глаша, молока и зажгите лампу». Она въ сосѣдней комнатѣ еще подождала, не позову ли. Потомъ Наташа пріѣхала, стала меня цѣловать, а мнѣ такъ стыдно, такъ гадко.

— Фу, какой ты недотепа, Николай,—съ гримасой сказалъ Лазутинъ:—ты бы хоть не рассказывалъ. Вотъ подружись съ Павловымъ, онъ тебя научитъ, какъ нужно съ горничными обращаться.

Въ голосѣ Лазутина была какая-то напускная презрительность. Коля обидѣлся.

Дня два послѣ этого они не разговаривали. Въ пятницу Митѣ подали какой-то замысловатой формы коричневый конвертъ.

Послѣ уроковъ Митя подошелъ къ Колѣ и, съ улыбкой показывая коричневый, пахнущій духами, листокъ, сказалъ:

— Это касается больше тебя. Катя Маровская приглашаетъ насъ завтра на первый журфиксъ. Да полно дуться, Николай. Я сказала тогда рѣзко, но я хотѣлъ отучить тебя навсегда отъ институтской привычки откровенничать хотя бы съ другомъ. Есть вещи, о которыхъ нужно молчать. Что же касается письма Кати, то когда ты его прочтешь, то увидишь, что оно всецѣло адресовано тебѣ, и это только особое тонкое кокетство отправить его на мое имя.

Такъ они помирились и вечеромъ противъ обыкновенія почти не занимались. До самаго чая они проходили по коридору, взявшись подъ руку; они вспоминали лѣтнюю жизнь въ Тулузовкѣ, мечтали о будущемъ, перебирали всѣхъ знакомыхъ, только о Чугуновѣ какъ-то не заходилъ разговоръ, да имени Наташи ни разу не произнесъ Митя. Онъ былъ какъ-то особенно милъ и задумчивъ сегодня съ Колей.

— Ты умѣешь быть обаятельнымъ, когда захочешь!—не сдержавшись, воскликнулъ Коля.

— Къ сожалѣнію, не со всѣми,—какъ-то грустно усмѣхаясь, отвѣтилъ Митя.—Иногда я противенъ самъ себѣ и омерзительнъ другимъ.

— Что ты выдумываешь, кому ты можешь быть противенъ?—съ жаромъ воскликнулъ Коля.

— Спроси Наташу,—будто печально проговорился Митя, и сейчасъ же старательно замялъ разговоръ.

Митя сначала не хотѣлъ ѣхать къ Маровскимъ.

— Наташа, уговори хоть ты его,—приставалъ Коля къ сестрѣ, когда на другой день они обѣдали у Тулузовыхъ.

Наташа только плечами пожала. Она была опять въ плохомъ настроеніи, хотя вообще съ переѣздомъ въ городъ стала спокойнѣе, тише и рѣдко раздражалась; съ Митей держалась просто и дружески, но избѣгала смотрѣть на него и никогда ни о чемъ, кромѣ самыхъ общихъ вещей, не говорила.

— Если ты самъ лѣнтяйничаешь, то хоть бы другихъ съ толку не сбивалъ!—крикнулъ Андрей Федоровичъ на Колю, и вопросъ о Митѣ остался открытымъ.

Между тѣмъ, когда послѣ обѣда начались приготовленія къ вечеру, захопотала Александра Львовна, забѣгала Марѳуша, Митѣ вдругъ стало ужасно грустно возвращаться одному въ училище и садиться за книги. Онъ ходилъ по темной залѣ, освѣщенной только лампой изъ столовой. Наташа ушла причесываться, Коля попросился къ ней поговорить.

Въ тысячный разъ обдумывалъ Митя, что произошло между нимъ и Наташей; онъ вспоминалъ жаркій полдень на островѣ, сладкій аромат малины, безоблачное небо, веселое, радостное возбужденіе, которое овладѣло имъ, и Наташу, всю сіяющую, необычайную, протягивающую руки къ нему: «я поняла, что люблю васъ».

При одномъ воспоминаніи объ этой минутѣ стыдъ и какой-то темный страхъ, почти ужасъ, такой же, какъ тогда на островѣ, охватили его.

— Можетъ-быть, Митя, вы, правда, поѣдете?—говорила Наташа, стоя въ дверяхъ и застегивая перчатку.—У нихъ сегодня торжественно, но вѣдь еще рано, и вы успѣете заѣхать въ училище переодѣться. Мы ѣдемъ съ мамой раньше, такъ какъ мнѣ нужно поговорить съ Катей о маскарадѣ.

Слова Наташины были равнодушны, она даже не взглянула на Митю, а тотъ, какъ утопающій, ухватился за эту соломинку и сконфуженно заторопился:

— Хорошо, хорошо, я сейчасъ поѣду, я очень скоро.

— Ну, особенно торопиться вамъ нечего,—сухо, будто даже не совсѣмъ довольнымъ тономъ промолвила Наташа и отошла.

Митя торопился, какъ сумасшедшій. Онъ нанялъ на послѣдній полтинникъ извозчика и всю дорогу нетерпѣливо погонялъ его.

Какъ вихрь, промчался Митя по темнымъ коридорамъ училища въ гардеробную.

— Что съ тобой, Лазутинъ? Я никогда не видалъ тебя въ такомъ волненіи,—спросилъ товарищъ и, не получивъ отвѣта, только головой покачалъ:—ну, пропали теперь занятія,—не то на умѣ.

Наспѣхъ одѣвшись и выпросивъ у дядьки Василя, дававшего подѣ большіе проценты въ долгъ юнкерамъ, два рубля, Митя ужъ мчался на Петербургскую сторону, гдѣ въ одномъ изъ новыхъ домовъ на Каменноостровскомъ жили Маровскіе. Они занимали большую квартиру въ шестомъ этажѣ.

Поднимаясь по безконечной лѣстницѣ, Митя сначала прыгаль черезъ двѣ ступени, потомъ шаги его становились медленнѣе, и на послѣдней площадкѣ онъ даже совсѣмъ остановился.

Непонятный страхъ сжалъ его сердце, будто что-то важное должно было рѣшиться въ этотъ вечеръ. Митя пріѣхаль рано, гостей еще никого не было, кромѣ нѣсколькихъ барышень и молодыхъ людей, такъ называемыхъ своихъ, да Наташи съ Колей. Ярко освѣщенная зала съ вынесенной мебелью, стульями по стѣнамъ и роялемъ въ углу имѣла видъ пустынный.

Молодежь сидѣла въ маленькой гостиной, откуда неслись громкіе голоса и смѣхъ.

Митя самъ удивился, когда, проходя мимо по залѣ, онъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ,—такъ блѣденъ онъ былъ.

Катя, казалось, очень обрадовалась, увидѣвъ Лазутина.

— Наконецъ-то, я соскучилась по васъ. Безъ приглашенія вы не можете, конечно, пріѣхать!—воскликнула она.

Катя въ длинномъ шелковомъ платьѣ выгля-

дѣла совсѣмъ взрослой. Чѣмъ-то она была очень непріятна Митѣ.

Наташа не прервала разговора съ какимъ-то толстымъ лицеистомъ, не посмотрѣвъ даже въ Митину сторону.

Катя скоро забыла Митю, бросившись встрѣчать другихъ гостей, и онъ остался одинъ въ углу.

Постепенно гостиная и зала наполнялись; звякали шпоры, щебетали и смѣялись барышни.

Наташа вдругъ рѣшительно отвернулась отъ своего лицеиста и подошла къ Митѣ. Перебирая вѣеръ, съ лицомъ будто каменнымъ, она сказала, не глядя на Митю:

— Коля передалъ мнѣ, что вы жаловались ему на мое отвращеніе къ вамъ. Вѣдь вы знали, что онъ сейчасъ же передастъ мнѣ это. Вы, очевидно, ждали отъ меня опроверженія, но его не будетъ. Что же касается вашей дружеской откровенности съ Колей, то надѣюсь, что и она имѣетъ предѣлъ!

Наташа произнесла эти неожиданныя слова голосомъ тихимъ, почти спокойнымъ, но въ лицѣ ея было что-то, что ужаснуло Митю. Онъ не столько понялъ смыслъ словъ, сколько видѣлъ это, будто каменное, выражавшее всю ненависть, все отвращеніе, какія только можно себѣ представить, лицо,

Митя даже не поднялся съ кресла, а Наташа медленно, нѣсколько болѣе зыбкой, чѣмъ все послѣднее время, походкой вышла въ залу, от-

куда уже неслись призывные звуки первого вальса.

Митя видѣлъ словно во снѣ, какъ въ дверяхъ ее встрѣтилъ сіяющій князь Чугуновъ, и, оживленно что-то говоря, они скрылись въ толпѣ.

Глядя на хорошенькаго правовѣда, натягивающаго перчатки съ такимъ молодцоватымъ видомъ, будто онъ собирался сейчасъ броситься въ бой, Митя вдругъ вспомнилъ, что онъ не взялъ съ собой перчатокъ; ему стало такъ стыдно, что одна только мысль занимала его, какъ бы потихоньку уѣхать отсюда.

Митя осторожно пробрался въ коридоръ и въ переднюю, но тутъ онъ наткнулся на Катю.

Она суетилась, помогая горничной раздѣть какую-то даму, безпомощно стоявшую въ розовомъ капорѣ и бархатной ротондѣ посреди передней.

Когда, наконецъ, были сняты капоръ и ротонда, то изъ нихъ, какъ бабочка изъ кокона, вылупилась совсѣмъ небольшого роста дама съ мальчишески стройной фигурой и блѣднымъ острымъ личикомъ.

Она была въ фантастически воздушномъ платьѣ, очень сложномъ въ подчеркнутой простотѣ своей.

— Я такъ устала, душечка, послѣ сегодняшней репетиціи, но все же исполнила свое общаніе, — цѣлуя Катю своими тонкими, слегка подкрашенными губами, говорила дама, голосомъ,

въ которомъ слышались усталость и привычная притворная ласковость. — Только, ради Бога, не обращайтесь на меня никакого вниманія, Катечка. Веселитесь, а я посижу въ уголку и полюбуюсь на молодежь. Рѣшительно, съ вами я сама молодѣю.

Ея острый, сразу все замѣчающій взглядъ скользнулъ по Митѣ, который сконфуженно стоялъ у стѣны.

— Ахъ, вотъ Митя, — воскликнула Катя, раньше никогда не называвшая его по имени. — Вотъ, Митя, вамъ я поручаю заботиться объ Аннѣ Валерьяновнѣ. Будьте сегодня ея усерднымъ и послушнымъ пажомъ.

Митя неловко поклонился, звякнувъ шпорами, а Анна Валерьяновна, протягивая ему узкую безъ колець руку, чуть-чуть улыбнулась какой-то блеклой улыбкой:

— Не бойтесь, мой пажъ, я не буду васъ утруждать. Вы только проведите меня куда-нибудь въ укромный уголокъ и принесите мнѣ чего-нибудь пить. Жажда мучитъ меня сегодня.

Но Анна Валерьяновна не отпустила отъ себя Митю, когда онъ усадилъ ее на диванчикъ въ маленькомъ выступѣ залы, убранномъ пальмами, и принесъ ей лимонаду.

— Вы навѣрно не любите танцевать? — спросила она, жадно глотая холодный лимонадъ.

— Да, я не очень люблю танцевать, — промолвилъ Митя.

— Тогда посидите немножко со мной. Вѣдь вы отданы мнѣ въ пажи,—я могла бы вамъ приказывать, но я только прошу.

Она взяла Митину руку и посадила его почти насильно рядомъ съ собой. Анна Валерьяновна спрашивала о танцующихъ, которыхъ по большей части Митя тоже видѣлъ въ первый разъ, спрашивала о Маровскихъ, объ ихъ имѣніи, состояніи, характерѣ всѣхъ членовъ семьи.

Въ словахъ ея было какое-то безпокойное любопытство.

— Кто эта хромая дѣвица съ такимъ надменнымъ лицомъ и толстый молодой человекъ, который такъ явно влюбленъ въ свою хромушку?—насмѣшливо воскликнула Анна Валерьяновна.

По залѣ, дѣйствительно, пользуясь перерывомъ между танцами, проходила Наташа и Чугуновъ.

Митя досадливо почувствовалъ, что краснѣеть, и едва проямлил:

— Это—Тулузова и князь Чугуновъ.

— Ахъ, о князѣ я слышала,—заговорила Анна Валерьяновна, сдѣлавши видъ, что не замѣчаетъ волненія Мити.—Но почему у его дамы такое злое, гордое лицо? Впрочемъ, эти дѣвочки съ хорошенькими личиками часто воображаютъ себя царицами всего міра. Будто ихъ высокомѣріе имѣетъ для кого-нибудь какое-нибудь значеніе. Потомъ онѣ узнаютъ, что только

послушной рабыней должна быть женщина. О, когда пообломаются крылышки, эта Тулузова не будетъ поглядывать такъ надменно.

Митя чувствовалъ какую-то злую радость отъ этихъ словъ, словно они были отмщеніемъ за тѣ, что недавно ему сказала Наташа.

Анна Валерьяновна откинулась слегла на спинку дивана и, глядя теперь уже не на Наташу, а на Митю своими прозрачными зеленоватыми глазами, говорила:

— Всегда мужчина—повелитель нашъ и владыка. Даже королева часто простая рабыня своего пажа, какъ милости выпрашивающая у него ласковаго взгляда или улыбки. Особенно, если пажъ такой сумрачный, какъ, напримѣръ, у меня,—со смѣхомъ вдругъ сказала она и встала навстрѣчу Линѣ Павловнѣ Маровской, которая спѣшила привѣтствовать знаменитую гостью.

— Вы должны намъ обязательно прочесть что-нибудь. Всѣ мечтаютъ услышать васъ, дорогая Анна Валерьяновна,—говорила Лина Павловна, не выпуская изъ своихъ рукъ рукъ актрисы.

Подбѣжавшая Катя тоже не столько просила, сколько смотрѣла умоляюще влюбленными глазами.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу, я страшно устала,—холодно отвѣчала на всѣ просьбы Анна Валерьяновна.

— Митя, попросите вы,—прошептала Катя, чуть не плача.

Митя механически исполнилъ ея желаніе.

— Прочтите,—пробормотала она, даже не глядя на Анну Валерьяновну.

Та сейчасъ же, будто только ожидая его словъ, отвѣтила:

— Ну, такъ и быть. Прочту только одно стихотвореніе; вы меня пожалѣйте и больше не просите.

Тонъ ея такъ рѣзко перемѣнился, что Лина Павловна съ Катей удивленно переглянулись, и потомъ обѣ посмотрѣли на Митю, который смутился подъ ихъ любопытными взглядами.

Лина Павловна и Катя поспѣшили приготовить публику къ предстоящему выступленію модной въ ту зиму Рюминой.

Анна Валерьяновна просидѣла нѣсколько секундъ неподвижно, вѣроятно, вспоминая стихи. Казалось, она волновалась.

— Вы должны провести меня,—сказала она Митѣ, и, когда взяла его подъ руку, Митя чувствовалъ, что рука ея дрожить.

Они прошли по всей залѣ, и всѣ съ любопытствомъ и благоговѣніемъ осматривали знаменитую артистку. Митя чувствовалъ часть взглядовъ и на себѣ. Это какъ-то странно и ново волновало его.

Рюмина облокотилась на рояль. Въ залѣ зааплодировали. Она едва нагнула голову, не улы-

баясь, дождалась, пока стихли аплодисменты, осмотрѣла залу, нашла глазами Митю, отошедшаго къ стѣнѣ, и, не переставая глядѣть на него округлившимися, слегка потемнѣвшими глазами, начала читать.

Митя плохо слышалъ читаемые актрисой стихи, ея взглядъ, пристальный и будто незрячій, гипнотизировалъ его и все: эта яркая зала, ужасныя слова Наташи—все покрылось какимъ-то туманомъ, сквозь который доносился только томный, срывающійся голосъ и эти странные, пугающіе и приковывающіе, глаза Рюминой.

Митя очнулся только, когда она кончила, и въ залѣ опять сильно зааплодировали. Рюмина кланялась, низко стибаясь, улыбаясь своей блеклой, равнодушной улыбкой, но рѣшительно отказывалась читать еще. Она подозвала жестомъ Митю и, устало опираясь на его руку, прошла подъ громкіе аплодисменты по всей залѣ, улыбаясь и кланяясь съ видомъ усталой королевы.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я такъ устала. Завтра у меня спектакль. Я не могу больше,—твердила Рюмина на всѣ просьбы Кати, Лины Павловны и какихъ-то барышень, окружившихъ ее восторженнымъ кругомъ въ маленькой гостиной.—Сейчасъ я должна ѣхать домой. Я устала, я не могу. Миѣ жаль васъ покидать, но иначе я завтра буду больна, а завтра трудный день!

Она не отпускала Митиной руки, и онъ имѣлъ очень растерянный видъ. Въ толпѣ онъ замѣтилъ Наташу, которая смотрѣла на него уже не гнѣвно, а какъ-то умоляюще, но Рюмина влекла его къ выходу.

— Этотъ молодой человѣкъ проводитъ меня. Вы позволите, Катечка, отлучиться ему на четверть часа?—говорила Анна Валерьяновна уже въ передней.

Кто-то разыскалъ Митину шинель, помочь затянуть поясъ; онъ мало соображалъ, что дѣлается.

Холодъ осенней, почти морозной ночи охватилъ его и заставилъ притти въ себя. Ъхали по какимъ-то темнымъ улицамъ, тускло мигали фонари, и не по-городскому яркія звѣзды горѣли на черномъ небѣ.

Рюмина говорила:

— Какой вы наивный, мой пажъ. Вы не только не занимаете меня разговоромъ, но даже не смотрите на меня. Бѣдная, бѣдная королева, которой надо, какъ милости, просить.

Ея лицо въ розовомъ капорѣ нагнулось совсѣмъ близко къ Митѣ, она смѣялась, и ея прозрачные глаза опять, какъ во время чтенія, потемнѣли.

Какимъ-то особымъ ароматомъ духовъ, пудры, нестертаго грима пахнуло на Митю, и почему-то весело тревожно забилося сердце.

— Совсѣмъ, совсѣмъ маленькій мальчикъ,—шептала Рюмина:—совсѣмъ маленькій, и онъ не

знаетъ даже, чего хочетъ отъ него королева. Онъ послушенъ, но не знаетъ, а она хочетъ,—и съ короткимъ смѣшкомъ Анна Валерьяновна поцѣловала Митю короткимъ, острымъ поцѣлуемъ.— Вы зайдете ко мнѣ на минутку, на одну минутку? Хорошо?—спрашивала она, прижимаясь къ Митѣ и окутывая его своей мягкой бархатной накидкой.

— Хорошо,—тихо, беспокойно какъ-то промолвилъ Митя, и неожиданно для себя улыбнулся.

— О, мой ученикъ, оказывается, не лишень способностей,—съ какой-то театральной интонаціей сказала Рюмина и засмѣялась.

III.

Княгиня Елена Петровна первая сдѣлала по приѣздѣ въ Петербургъ визитъ Гулузовымъ. Это поразило Андрея Ѳедоровича; оставаясь наединѣ съ женой, онъ на всѣ лады обсуждалъ значеніе этой, казавшейся ему необычайной, любезности княгини.

Ни онъ, ни Александра Львовна не говорили между собой о возможномъ сватовствѣ князя Чугунова, но оба, кажется, считали этотъ вопросъ чуть ли не рѣшеннымъ.

Андрей Ѳедоровичъ часто развивалъ мысли, какъ нужно вести большое хозяйство, сталъ

ужасно ласковымъ и тихимъ, а съ княземъ и даже Наташей былъ почти слащавъ.

Александра Львовна ходила съ нѣсколько растеряннымъ лицомъ и часто, оставаясь съ Наташей вдвоемъ, вдругъ начинала плакать.

Наташа была какъ-то лихорадочно дѣловита, усиленно занималась англійскимъ языкомъ, и Чугуновъ каждый день прѣзжалъ, чтобы часъ говорить съ нею для практики; она вдругъ оказалась страстной театралкой и любительницей музыки и живописи. Только иногда она цѣлый день лежала у себя въ комнатѣ, плакала, злилась и потомъ съ новымъ усердіемъ принималась суетиться, куда-то торопилась, съ болѣзненнымъ любопытствомъ хватаясь за все.

Уже всему Петербургу приглядѣлись эта слегка прихрамывающая дѣвушка съ блѣднымъ, надменнымъ лицомъ, и рядомъ съ нею плотная, неуклюжая фигура князя Чугунова, который своимъ богатствомъ и нѣсколько страннымъ поведеніемъ вызывалъ много толковъ. Чугуновъ былъ счастливъ; эта жизнь, полная суеты и вѣшняго блеска, казалась ему очень значительной. Эти отношенія съ Наташей, странныя, въ которыхъ многого онъ не понималъ, окрашивали каждый день то радостью надежды, смутной и сладкой, то отчаяннѣмъ безнадежнымъ, когда вдругъ встрѣчалъ онъ на себѣ ея взглядъ, холодный и враждебный.

Впрочемъ, чаще Наташа была ласкова съ

княземъ,—онъ давалъ ей какое-то успокоеніе своей скромной, почтительной привязанностью, своей наивной жизнерадостностью.

Она чувствовала власть свою надъ этимъ кроткимъ, сильнымъ человѣкомъ; это успокаивало ее не забывшее тяжелаго оскорбленія сердце, но иногда и раздражало. Тогда она мучила князя; но онъ безропотно сносилъ все, не понимая своей роли во всей этой исторіи.

Чугуновъ часто бывалъ на 9-й линіи Васильевскаго острова у Василія Петровича Дернова.

Надо было пройти по каменному, чистому дворику, въ углу котораго примостился маленькій чахлый, но какой-то трогательный петербургскій палисадникъ; нужно было подняться по узкой лѣстницѣ съ выбитыми ступенями на четвертый этажъ и дернуть за деревянную ручку дребезжащаго звонка у обитой зеленой клеенкой двери. Отворяла дверь кривобокая, вся въ оспѣ, Лизавета, несмотря на свое удивительное безобразіе, всегда привѣтливо радостная.

Уже въ этой узенькой свѣтлой передней, съ большимъ кованнымъ сундукомъ въ углу и цвѣтами на окнѣ, особое настроеніе охватывало всегда Чугунова. Какая-то особая тишина и уютъ царили въ этихъ двухъ небольшихъ комнатахъ, обставленныхъ потертой старинной мебелью.

Не заставъ дома хозяина, часто по цѣлымъ часамъ проводилъ Чугуновъ одинъ, прохажи-

ваясь по этимъ комнатамъ, курия и мечтая о чемъ-то смутномъ и странномъ.

Странное превращеніе Léonas'a въ Василя Петровича Дернова, эта странная, тихая квартира навѣвали грезы странныя.

Наконецъ, приходилъ Василій Петровичъ и наполнялъ комнаты своимъ громкимъ голосомъ, суетился, приготавливая все къ чаю, показывая какую-нибудь рѣдкую книгу.

Дерновъ никогда не вспоминалъ первой встрѣчи тамъ, въ Бретани, никогда не говорилъ и о тѣхъ дѣлахъ, которыми былъ занятъ по горло здѣсь, въ Петербургѣ, но зато Чугуновъ съ непривычной откровенностью рассказывалъ ему многое о себѣ, о матери и даже о Наташѣ.

— Знаете,—сказалъ однажды Василій Петровичъ,—мнѣ очень не нравится вся эта ваша исторія. Здѣсь что-то не то. Ея финалъ готовить вамъ много неприятнаго, если даже не хуже.

Чугуновъ всталъ даже отъ волненія.

— Я не понимаю васъ, Василій Петровичъ,—сказалъ онъ глухо.

Дерновъ посмотрѣлъ на князя внимательно и промолвилъ серьезно:

— Васъ ждуть большія разочарованія. Не мнѣ совѣтовать осторожность и сбереженіе своего покоя тамъ, гдѣ идетъ вопросъ о чувствахъ, но, можетъ-быть, вы даже не представляете, чѣмъ это можетъ кончиться. Вся жизнь можетъ быть разбита, если...

— Если что?—переспросилъ настойчиво Чугуновъ.

— Ахъ, но почему я знаю, что здѣсь происходитъ,—нѣсколько раздраженно сказалъ Дерновъ.—Вѣдь я даже въ лицо не видалъ всѣхъ персонажей и только смутно догадываюсь по вашимъ рассказамъ, что здѣсь что-то не такъ просто.

— Да, можетъ быть, вы правы, здѣсь что-то не такъ просто,—задумчиво произнесъ Чугуновъ, вспоминая всю запутанность своихъ отношеній съ Наташей.—Можетъ-быть, вы правы, но я не могу отступить.

— Ну, и отлично, голубчикъ,—беря его за руку, сказалъ Дерновъ задумчиво.—Я самъ никогда не былъ благоразумнымъ. Пусть будетъ, что будетъ. Помните только, что я всегда вашъ другъ. А теперь давайте пить чай.

Этотъ разговоръ происходилъ въ концѣ октября. Митя пересталъ бывать у Тулузовыхъ съ того вечера у Маровскихъ.

Александра Львовна нѣсколько разъ спрашивала о немъ у Коли, и тотъ, конфузясь и краснѣя, бормоталъ что-то о близкихъ экзаменахъ.

Коля конфузился, такъ какъ зналъ, что каждую субботу Митя куда-то уходилъ, возвращаясь только въ воскресенье вечеромъ.

Отпускной билетъ Митѣ попрежнему выписывали къ Тулузовымъ, и выходили изъ училища

они попрежнему вмѣстѣ; на улицѣ Лазутинъ поспѣшно прощался съ товарищемъ и бралъ извозчика на Ивановскую улицу.

Коля ничего не зналъ точно,—Митя ни однимъ словомъ не объяснялъ страннаго своего поведенія, но что-то угадывалъ Коля, и противъ своего обыкновенія выбалтывать все Наташѣ, онъ ничего не говорилъ ей о Митѣ. Впрочемъ, она и сама ни разу не спросила брата о немъ.

Митя проводилъ субботу и воскресенье у Рюминой. Всю недѣлю онъ усиленно занимался, стараясь ни о чемъ не думать постороннемъ. Въ субботу же, когда онъ, поднявшись по мягкому ковру лѣстницы во второй этажъ, входилъ въ темную переднюю, и вспыхнувшее въ голубомъ фонарикѣ электричество освѣщало выцвѣтшія на стѣнѣ gobelens, стулья съ высокими спинками, фіалки въ плоскихъ чашечкахъ на подзеркальничкѣ, когда охватывало едва уловимымъ, нѣжнымъ ароматомъ духовъ, которыми были пропитаны всѣ предметы, которыхъ касалась Рюмина, то начиналась для Мити какая-то необычайная жизнь, и отходило куда-то далеко училище, Наташа (о которой, какъ ни старался, не могъ заставить себя не думать вовсе), всѣ слова, всѣ люди, начиналось нѣчто не похожее на обыденную жизнь.

Недаромъ называли Рюмину декаденткой и злословили о необычайности ея квартиры, въ

которую очень немногіе допускались, о причудливости всѣхъ ея затѣй.

Кто знаетъ, не были ли правы до извѣстной степени тѣ, которые видѣли во всемъ этомъ желаніе заинтересовать, казаться оригинальной, заставить говорить о себѣ. Но если и позировала нѣсколько почтенная Анна Валерьяновна, то дѣлала это очень искусно и—главное—съ большимъ увлеченіемъ. Митю же все это поражало, восхищало.

Немолодая горничная Даша, съ блѣднымъ, печальнымъ лицомъ, безшумно снимала шинель и отворяла Лазутину дверь въ гостиную.

Митя, стараясь не звенѣть шпорами, осторожно проходилъ по полутемной отъ густыхъ гардинъ на окнахъ маленькой гостиной, все убранство которой состояло изъ низкихъ диванчиковъ вдоль всѣхъ стѣнъ и круглаго плоскаго акваріума посрединѣ.

Изъ гостиной по маленькому коридорчику онъ попадалъ въ уборную.

Бѣлая стѣна, бѣлый полъ, бѣлая мраморная ванна—все блестѣло ослѣпительно въ этой комнатѣ. Митя снималъ жесткій казенный мундиръ, тяжелые сапоги и долго умывался, полощась съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ, будто надо было смыть все, что осталось отъ прикосновеній той грубой, бѣдной жизни, вступая въ заколдованный кругъ этой новой жизни.

Умывшись, онъ находилъ приготовленнымъ для себя платье, которое заказала для него Анна Валерьяновна у театральнаго портного.

Это была длинная шелковая темно-розовая туника, бархатныя мягкія туфли и небольшая шапочка, вышитая золотомъ, которая придавала его блѣдному лицу почти дѣвичье выраженіе.

Одѣвшись и осмотрѣвъ себя въ зеркалѣ, Митя другой, уже маленькой, дверью проходилъ въ комнату Анны Валерьяновны.

Тамъ всегда были спущены тяжелыя занавѣси на окнахъ, и нѣсколько маленькихъ лампочекъ, закутанныхъ въ шелкъ, едва освѣщали большую квадратную комнату, убранную только мягкими коврами и огромными безъ рамъ зеркалами; Анна Валерьяновна лежала съ книгой въ рукахъ на шелковыхъ подушкахъ.

Она была въ бѣлой туникѣ, босая, съ обнаженными руками.

При видѣ Мити она не бросалась къ нему навстрѣчу, а только, положивъ книгу, приподнявшись, слегка улыбалась и смотрѣла своими прозрачными, притягивающими глазами.

Медленно подходилъ Митя, медленно опускался на коверъ, и она цѣловала его мелкими, едва ощутимыми поцѣлуями.

Никогда ни о чемъ не спрашивала она Митю, будто не существовало дней между ихъ субботаами, никогда сама не рассказывала ничего, и эти молчаливыя нѣжныя ласки въ полу-

темной комнатѣ, этотъ сладкій дурманъ куреній и духовъ погружали Митю въ какой-то странный, несбыточный сонъ наяву.

Они обѣдали въ сосѣдней комнатѣ, сидя у низкаго стола на подушкахъ. Кушанья были незнакомыя Митѣ, острыя и пряныя.

Пили изъ длинныхъ бокаловъ сладкое, обжигающее горло, итальянское вино.

Мягко шелестѣли одежды, обмѣнивались только нѣсколькими словами и улыбались другъ другу. Послѣ обѣда, если не нужно ѣхать Рюминой въ театръ, она находила чѣмъ занять своего гостя. Кормили золотыхъ рыбокъ въ гостиной, вынимала Анна Валерьяновна ящичекъ съ драгоценными камнями, которые поблескивали на темномъ бархатѣ, рассказывала о каждомъ камнѣ таинственныя, врядъ ли ни ею сочиненныя, исторіи, объясняя магическое значеніе cadaго, или принималась украшать Митю ожерельями, старинными повязками, шелковыми тканями, душила духами, и зеркала по стѣнамъ отражали странный нарядъ Мити и его самого, опьяненнаго тѣмъ восторгомъ, съ которымъ смотрѣла на него Рюмина.

Иногда она брала книгу и читала по-французски одну изъ сказокъ «Тысячи и одной ночи», а Митя, положивъ голову ей на колѣни, видя себя отраженнымъ въ зеркалѣ, прислушиваясь къ срывающемуся голосу актрисы, воображалъ, будто воплотилось одно изъ чудесъ Шехерезады.

Если же Рюмина была занята въ театрѣ, то послѣ обѣда они одѣвались въ городскія одежды и проѣзжали по освѣщеннымъ улицамъ.

Какой-то иной дѣлалась Рюмина на улицѣ: она весело болтала, становилась любопытной и, какъ всегда передъ спектаклемъ, спокойно оживленной. Когда подѣзжали къ театру, Митя помогаль Рюминой выйти и, простившись, шель побродить до начала спектакля по улицамъ.

Когда онъ попадалъ на Невскій, съ его наглыми огнями, наглою суетой, наглыми, грубо накрашенными женщинами, и вспоминалъ о томъ, что полчаса назадъ окружало, онъ испытываль какую-то особую острую радость.

Было пріятно слышать грубые голоса, видѣть пошлыя лица и знать про себя, что никто, никто изъ нихъ не подозрѣваетъ о его прекрасной тайнѣ. Стараясь не прійти въ театръ слишкомъ рано, замедляя шаги, Митя еще задолго начиналъ чувствовать то сладкое волненіе, которое охватывало его, когда, притаясь въ мѣстахъ за креслами, онъ слѣдилъ, какъ мѣнявшая каждый разъ образъ, то принцесса, то курсистка или еще кто-нибудь, появлялась на яркой освѣщенной сценѣ она—Рюмина. Она говорила, смѣялась, цѣловала, плакала, а въ Митиномъ сердцѣ пѣла горделивая радость, что вотъ такая для всѣхъ, для него одного она таинственно иная, какую не знаютъ ни публика, ни рецензенты, ни этотъ нѣсколько располнѣвшій кра-

савецъ, изображавшій обыкновенно ея любовника. И когда побѣжденная зала рукоплескала модной актрисѣ, а она улыбалась своей равнодушной улыбкой, Митя чувствовалъ и себя побѣдителемъ.

Въ антрактахъ единственной заботой Митиной было не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ. Онъ боялся будничными словами нарушить ту атмосферу таинственности, которая окружала его.

Обыкновенно Митя спѣшно, не поднимая глазъ, проходилъ въ вестибюль, гдѣ на скамейкахъ дремало нѣсколько капелъдинеровъ и прохаживалось два-три уединенныхъ курильщика.

Однажды (это было въ началѣ ноября, за нѣсколько дней до начала экзаменовъ), когда Митя быстро проходилъ по коридору, такъ какъ огни въ залѣ были уже потушены, кто-то сзади окликнулъ его:

— Митя!

Прислонясь къ стѣнѣ у открытой двери аван-ложи, стояла Наташа.

— Я васъ такъ давно не видѣла, соскучилась, говорила она, подавая руку.

Она говорила спокойно, даже развязно, но въ глазахъ было что-то виноватое, умоляющее.

На минуту что-то милое, давно знакомое охватило Митю, и онъ улыбнулся сконфуженно, не находя словъ.

— Наташа,—начинается,—окликнула изъ ло-

жи Александра Львовна, но Наташа прикрыла дверь и отошла отъ ложи.

— Мнѣ не хочется смотрѣть, эта Рюмина—невозможная кривляка. Вы не находите? Впрочемъ, вы съ нею хорошо знакомы,—засмѣялась Наташа,—и опять что-то злое послышалось въ ея голосѣ.

«Неужели она догадывается?»—подумаль Митя, и почему-то ему стало стыдно и даже мерзко.

Стоило бы Наташѣ въ ту минуту сказать ему что-нибудь ласковое, быть опять той дорогой, милой Наташей, которая жила теперь только въ воспоминаніяхъ, и, какъ тяжелое навожденіе, разсѣялись бы всѣ чары Анны Валерьяновны.

Но потому ли, что Митя молчалъ, или вдругъ оскорбившись за свой порывъ, но въ глазахъ Наташи уже не было больше просьбы о прощеніи, и опять лицо ея стало надменнымъ и каменнымъ.

Она промолвила насмѣшливо:

— Ну, что же, расскажите во имя нашей прежней дружбы (помните, какъ вы увѣряли въ ея прочности съ вашей стороны?). Расскажите о себѣ, какъ вы живете, счастливы ли?

Хотѣлось Митѣ сказать: «Наташа, милая, не надо такъ разговаривать. Вѣдь только васъ люблю я. Зачѣмъ мучите себя и меня?»—но, взглянувъ въ насмѣшливое, холодное лицо Наташино, услышавъ смутно доносившійся со сцены

падающій, слегка задыхающійся голосъ Рюминой, Митя выпрямился и отвѣтилъ:

— Да, я счастливъ, какъ никогда еще счастливъ не былъ и не могъ бы быть.

Въ его словахъ были вызовъ и признаніе въ любви къ другой, о чемъ прежде только догадывалась Наташа, не имѣя никакихъ фактовъ.

Наташа слегка поблѣднѣла, но сейчасъ же оправилась и, глядя прямо въ глаза Митѣ, произнесла:

— Ну, вотъ и отлично. А у насъ, знаете, новость—князь Чугуновъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

Все закружилось у Мити передъ глазами, будто сильно ударилъ его кто-то по лицу. Не прощаясь, не говоря больше ни слова, онъ повернулся и пошелъ невѣрной походкой, какъ бы въ полной темнотѣ.

— Митя, Митя, что съ вами?—кликнула Наташа, сама ужаснувшись тому, что сказала она, но онъ, не слыша больше ничего, не оборачиваясь, шелъ по коридору мимо удивленныхъ капельдинеровъ.

IV.

Наташа въ пылу раздраженія сказала Митѣ неправду. Предложенія ей Чугуновъ не дѣлалъ. Вообще послѣ лѣтнихъ разговоровъ съ Александрой Львовной и неожиданнаго признанія князя тамъ, на островѣ, князь не начиналъ разговора,

сама же Наташа какъ-то старательно гнала всякія мысли о томъ, къ чему должна повести та дружеская близость, которая сдѣлалась ей почти необходимой.

Вымолвивъ слова, такъ подѣйствовавшія на Митю, она сама испугалась, будто дѣйствительно все было рѣшено.

Войдя въ аванъ-ложу, Наташа опустилась на диванчикъ и съ закрытыми глазами просидѣла нѣсколько минутъ.

— Вамъ нехорошо?—раздался надъ нею встревоженный голосъ.

Чугуновъ стоялъ растерянно надъ ней. Наташа открыла глаза; съ ужасомъ и отвращеніемъ глядѣла она на этого человѣка, котораго ея собственная ярость назвала ея мужемъ. Въ ту же минуту страхъ, что Митя расскажетъ кому-нибудь о ея признаніи, и тогда откроется обманъ, страхъ и малодушный стыдъ охватили ее.

Преодолевая свое внезапное отвращеніе къ князю, она заговорила тихо:

— Нѣтъ, со мною ничего. Я просто задумалась, и, знаете, я думала о васъ, т. е. о васъ и себѣ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ изо дня въ день мы вмѣстѣ, и до сихъ поръ я не знаю...

Наташа слегка задохнулась и замолчала.

— Я думалъ, что вы знаете,—промолвилъ князь почти шопотомъ.

— Что я знаю?—раздраженно, едва удерживаясь отъ злыхъ слезъ, сказала Наташа.

— Вы знаете,—тихо отвѣтилъ Чугуновъ:— вы знаете, что я люблю васъ и готовъ всю жизнь отдать вамъ. Если бы вы согласились стать моей женой...

Но больше не хватило силъ, и Наташа закрыла глаза на этотъ разъ ужъ дѣйствительно, потому что ей сдѣлалось дурно. Изъ ложи вышла встревоженная Александра Львовна. Чугуновъ побѣжалъ за водой.

Скоро Наташу удалось привести въ себя. Когда ее одѣли, и князь подаль руку, чтобы выйти, изъ полуоткрытой двери ложи донесся торжествующій голосъ Рюминой: «Ты мой, ты совѣмъ теперь мой». Громкіе аплодисменты покрыли этотъ побѣдоносный возгласъ.

Дожидаясь, пока съ помощью лакея одѣнется мать, Наташа, прислонясь къ стѣнѣ, еще блѣдная, съ мутными глазами, сказала тихо, но твердо:

— Я согласна.

Въ этотъ же вечеръ, какъ бы торопясь отрѣзать себѣ всѣ пути къ отступленію, Наташа объявила, что выходить замужъ за Чугунова. Ея лицо осталось каменнымъ и при радостныхъ восклицаніяхъ Андрея Ѳедоровича, и когда заплакала Александра Львовна и, бросившись обнимать Наташу, шептала:

— Что ты дѣлаешь?

— Ты сама хотѣла этого, мама,—холодно промолвила Наташа и слегка отстранила мать.

Когда на другой день Чугуновъ пріѣхалъ къ Тулузовымъ, въ первую минуту чувствовалась какая-то неловкость. Противъ обыкновенія, его заставили довольно долго ждать одного въ гостиной. Наконецъ вошла Наташа.

— Михаилъ Васильевичъ,—заговорила она быстро, какъ бы боясь, чтобы тотъ не заговорилъ первый:—я отвѣтила согласіемъ вчера на ваше предложеніе. Мое рѣшеніе твердо, но я бы очень просила васъ подождать два мѣсяца. Есть нѣкоторыя обстоятельства; можетъ-быть, вы сами передумаете; кромѣ того...

— Я—никогда, вы это знаете,—съ жаромъ перебилъ ее Чугуновъ.

— Ну, вотъ и отлично. Я тоже не могу передумать, но пусть два мѣсяца все останется по-старому.—Она протянула ему руку, и первый разъ князь рѣшился поцѣловать блѣдную руку своей невѣсты.

Въ этотъ же день Чугуновъ прошелъ къ матери. Елена Петровна лежала на диванѣ съ папирсой и французскимъ романомъ.

— Вамъ, кажется, очень нравится Петербургъ?—спросила она, улыбаясь.

— Я хотѣлъ сказать вамъ, мама, что я женюсь на Тулузовой, — промолвилъ Чугуновъ.

Княгиня, казалось, нисколько не удивилась. Она нѣсколько минутъ молчала, выпуская дымъ колечками, потомъ промолвила задумчиво:

— Я не рѣшаюсь что-либо совѣтовать вамъ. Наташа къ тому же прелестная дѣвушка. Только любить ли она васъ такъ, чтобы на всю жизнь связать свою судьбу съ вашей?

— Ужели вы думаете, что какіе-нибудь другіе мотивы могли заставить ее дать согласіе?—возмущенно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не совсѣмъ увѣренно воскликнулъ князь.

Онъ вспомнилъ давешній разговоръ съ Наташей, такъ мало похожій на объясненіе влюбленныхъ, и что-то тяжелое поднималось въ немъ.

— Успокойтесь,—дотрагиваясь до руки сына рукой, сказала Елена Петровна.—Конечно, я не думаю, чтобы Наташа сознательно обманывала васъ, но, можетъ-быть, она обманывается и сама. У дѣвушекъ часто бываютъ странныя фантазіи, за которыя горько приходится расплачиваться. Вы, вѣроятно, знаете, что ни я, ни вашъ отецъ не нашли счастья въ бракѣ, хотя... Впрочемъ, не буду разстраивать васъ своей старушечьей подозрительностью. Во всякомъ случаѣ и вамъ и милой Наташѣ желаю всего счастливаго.

Она поцѣловала сына съ большей нѣжностью, чѣмъ обычно считала это нужнымъ дѣлать.

Послѣ этого разговоръ о свадьбѣ какъ-то не поднимался больше. Попрежнему Чугуновъ вездѣ сопровождалъ Наташу, попрежнему Наташа то была ласкова съ нимъ, то раздражалась, а князь покорно принималъ и то и другое.

Митя къ Тулузовымъ не показывался, и Коля окончательно пересталъ упоминать его имя.

Митя съ головой ушелъ въ занятія. Въ тотъ вечеръ, уйдя изъ театра сейчасъ послѣ разговора съ Наташей, Митя не дождался Рюминой, въ слѣдующую субботу, онъ тоже не пошелъ къ ней. Въ глубинѣ души онъ ждалъ, что Рюмина напишетъ ему, позоветъ его, но Анна Валерьяновна не давала о себѣ знать, и, пропустивъ нѣсколь-ко субботъ, Митя находилъ для себя уже неудобнымъ и даже обиднымъ не выдержать характера.

Впрочемъ, онъ почти и не вспоминалъ Рюмину: всѣ мысли были наполнены годами, цифрами, именами полководцевъ и, кромѣ того, какъ ни противился онъ, Наташей.

Иногда по цѣлымъ ночамъ вспоминалъ онъ далекія, полудѣтскія еще времена, ихъ игры, разговоры въ темной комнатѣ, тихіе вечера въ Тулузовкѣ, наконецъ послѣднее лѣто, Наташину болѣзнь, радостное утро на островѣ.

Теперь многое стало яснѣе ему, и, чувствуя, что навсегда утратилъ онъ то, что столько лѣтъ жило въ немъ,—нѣжную, смутную любовь Наташину,—Митя кусалъ пальцы, чтобы не закричать, не заплакать.

— Я самъ, самъ виноватъ,—повторялъ онъ.

Никому никогда не признался бы Лазутинъ въ этихъ мучительныхъ мысляхъ, да никому бы и въ голову не пришло, что этотъ надменный, красивый, уже не мальчикъ, а юноша, плачетъ по

ночамъ, вспоминая дѣтскую любовь къ какой-то дѣвочкѣ.

Въ училищѣ заднимъ числомъ распространилось почему-то извѣстіе о близкомъ знакомствѣ Лазутина съ модной актрисой. Всѣ товарищи смотрѣли на него съ горделивымъ уваженіемъ. Всѣ тѣ, которые прежде презрительно считали его мальчишкой, теперь наперерывъ подлизывались къ Митѣ, посвящая его въ тайны всѣхъ своихъ кутежей и несложныхъ любовныхъ исторій съ дешевыми коготками, ожидая отъ него какихъ-нибудь подробностей о странной жизни той, о которой съ двусмысленной улыбкой говорилъ весь Петербургъ. Лазутинъ съ достоинствомъ несъ званіе зачинщика и знатока. Его тщеславіе было удовлетворено, и за грубой шуткой, за непристойнымъ разговоромъ онъ старался забыть то, что неутомимо грызло его. Напускнымъ цинизмомъ загрязнялъ онъ мысли о Наташѣ.

Коля съ удивленіемъ наблюдалъ за перемѣной, происшедшей въ другѣ. Слухи о Рюминой дошли, конечно, и до него. По своему обыкновенію волноваться изъ-за всего, Коля страшно разстроился этимъ. Впрочемъ, Митя почти не говорилъ съ нимъ, окруженный новыми друзьями и занятый экзаменами.

Незадолго до начала экзаменовъ Коля заболѣлъ и слегъ въ лазаретъ. Каждый день около пяти часовъ Александра Львовна съ Наташей проходили по двору къ лазаретному подъѣзду.

Не было силъ у Мити удержаться и не начать часовъ съ четырехъ поглядывать то въ одно, то въ другое окно. Наконецъ въ неясныхъ сумеркахъ показывались знакомыя фигуры. Сквозь вставленные уже двойныя стекла было плохо видно, маленькое разстояніе отъ воротъ до подъѣзда Тулузовы проходили быстро, но длинными мучительными часами казались Митѣ эти минуты, когда, притаясь на подоконникѣ, видѣлъ онъ этотъ такой милый и такой невозможно далекій образъ дѣвушки въ длинномъ темномъ пальто и маленькой шляпѣ съ зеленымъ перомъ.

Иногда ему хотѣлось разбить стекло, закричать что-то, заставить Наташу обернуться, и казалось, что легко такъ все перемѣнить, вернуть старое, или хотѣлось броситься на камни двора съ третьяго этажа, разбиться и умереть у ногъ Наташиныхъ, только чтобы еще разъ взглянула она на него попрежнему ласково и нѣжно.

Неподвижнымъ оставался Митя на подоконникѣ, ожидая возвращенія Тулузовыхъ, но въ коридорѣ зажигались лампы, на дворѣ становилось совсѣмъ темно, и, прижавшись лицомъ къ стеклу, не могъ уже Митя разобрать ничего.

Эти вечерніе часы ожиданій истомили его.

Однажды,—о, какъ надолго запомнилъ этотъ день Митя,—въ сухія ноябрьскія сумерки Наташа пріѣхала безъ Александры Львовны. Рядомъ съ нею шелъ высокій, плотный мужчина.

Митя не разглядѣлъ его лица, но въ ту же минуту понялъ, что это—Чугуновъ.

Все страшное, невысказанное, что зналъ Митя, но какъ-то не чувствовалъ, теперь воплотилось, стало окончательно рѣшеннымъ. Наташа опиралась на руку князя; они о чемъ-то, повидимому, разговаривали, и низко склонялся Чугуновъ къ своей невѣстѣ.

Въ первый разъ мысленно произнесъ Митя это слово; оно ужаснуло его.

Больше Лазутинъ не подходилъ къ окнамъ около пяти часовъ вечера.

30 ноября были окончены экзамены, и Лазутинъ, кончивъ первымъ, былъ зачисленъ въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ.

Несмотря на все терпѣніе своей любви, часто становилось тяжело Чугунову. Неопредѣленность и нервность отношеній съ Наташей становились нестерпимыми, тогда онъ ѣхалъ на 8-ю линію Васильевскаго острова.

Все рѣже и рѣже заставалъ онъ дома Василю Петровича, который постоянно теперь былъ чѣмъ-то озабоченъ.

Пріѣхавъ вечеромъ 8-го января въ самомъ плохомъ настроеніи (именно въ этотъ день на робкій вопросъ жениха о времени свадьбы Наташа грубо отвѣтила, что она не вещь, которую можно купить и т. п.), Чугуновъ былъ очень удивленъ необычайной картиной, которую представляла тихая квартира Дернова. Все было

сдвинуто со своихъ мѣстъ, на стульяхъ лежали книги и принадлежности туалета.

Самъ Василій Петровичъ безъ пиджака стоялъ на колѣняхъ передъ какимъ-то чемоданомъ.

— Ну, вотъ и въ путь опять приходится пускаться — сказалъ Дерновъ, предупреждая всякіе вопросы со стороны гостя.

— Куда же это, когда?—почти съ испугомъ спрашивалъ князь, которому было жалко этихъ тихихъ комнатъ, этихъ вечеровъ и безконечныхъ успокаивающихъ разговоровъ.

— Не знаю точно ничего, все это зависитъ не отъ меня. Неужели вы не понимаете, что не для собственнаго удовольствія я устраиваю маскарады, превращаясь изъ *monsieur Léonas'a* въ господина Дернова,—съ нѣкоторой даже досадой промолвилъ Василій Петровичъ, но сейчасъ же спохватился:—впрочемъ, не будемъ объ этомъ говорить, князь. Считайте, предположимъ, что я комми какой-нибудь, или даже сыщикъ, во всякомъ случаѣ жизнь котораго полна постоянныхъ странствій. Куда и когда пошлютъ мои господа—туда и ѣду, пока...—лицо его сдѣлалось грустнымъ.—Ну, да къ чорту всѣ эти сантименты. Не такое теперь время, чтобы жалѣть о тихихъ, уютныхъ комнатахъ. Веселое наступаетъ время и тревожное, и не будетъ въ Россіи скоро человѣка, котораго не коснется эта тревога.

Онъ говорилъ, возбуждаясь все больше и больше, слова его становились неясными, будто онъ былъ слегка пьянъ.

Впрочемъ, Чугуновъ почти не слушалъ его дальше. Онъ прохаживался по полутемной комнатѣ, освѣщенной одной свѣчкой, натыкался на разбросанныя вещи и думалъ о Наташѣ, объ обманутыхъ радостяхъ, радостяхъ, которыхъ такъ много сулила петербургская зима; что-то тревожное и тяжелое овладѣвало имъ отъ этихъ сумбурныхъ словъ Дернова, отъ этихъ разоренныхъ комнатъ. Наконецъ Василій Петровичъ уложилъ вещи, не безъ труда закрылъ чемоданъ и пошелъ распорядиться относительно чая.

Отъ зажженной лампы, отъ стука приготовляемой посуды, отъ хозяйственныхъ распоряженій Василя Петровича стало сразу какъ-то теплѣе и уютнѣе.

Долго въ тотъ вечеръ сидѣли за столомъ Чугуновъ и Василій Петровичъ. Будто наставникъ, наказующій ученика, расспрашивалъ Дерновъ князя. Онъ ничего прямо не совѣтовалъ, но отъ его словъ какъ-то проще и яснѣе все становилось.

Чугуновъ часто оставался ночевать въ большой комнатѣ на диванѣ; на этотъ разъ Лизавета, не дожидаясь распоряженій, постлала ему постель.

— Не совсѣмъ это благоразумно оставлять васъ сегодня у меня, ну да все равно послѣдній вечеръ,—сказалъ Василій Петровичъ.

— Можетъ-быть, я стѣсняю васъ?—съ удивленіемъ спросилъ Чугуновъ.

— Ахъ, не въ стѣсненіи тутъ дѣло,—отмахнулся отъ него Дерновъ, и они разошлись.

Князь спалъ крѣпко, безъ сновъ; проснулся онъ отъ яркаго солнца, которое какимъ-то чудомъ пробралось между пятиэтажныхъ домовъ и ударило въ окна безъ занавѣсокъ.

Иногда такъ бываетъ, что тяжелая тоска вдругъ исчезаетъ отъ одной веселой улыбки незнакомаго человѣка, случайно встрѣченнаго на улицѣ, отъ заглушенной музыки, которая доносится изъ-за стѣны, отъ луча солнца, заигравшаго шаловливымъ зайчикомъ на потолкѣ.

Такъ и Чугунову стало безпричинно вдругъ весело, когда онъ проснулся въ этой большой, съ разбросанными кругомъ вещами, комнатѣ, ярко освѣщенной ликующимъ зимнимъ солнцемъ.

Чугуновъ быстро одѣлся, окликнулъ Василія Петровича, но никто ему не отвѣтилъ. На столѣ стоялъ потухшій самоваръ, но ни въ комнатѣ, ни въ кухнѣ никого не было.

Очевидно, Дерновъ ушелъ уже по дѣламъ, а Лизавета побѣжала въ лавочку, заперевъ входную дверь снаружи.

Князь умылся въ хухнѣ подъ краномъ и налилъ себѣ жидкаго, холоднаго чаю.

Пришла Лизавета, вся багровая отъ мороза, и сразу затараторила:

— Господи, на улицѣ-то, на улицѣ-то что! Вездѣ солдаты! Съ острова пускаться, говорятъ, не будутъ. А забастовщиковъ милліонъ и триста тысячъ—все въ дворецъ идутъ.

Она передавала самыя точныя свѣдѣнія о пятистахъ тысячахъ, которыхъ уже успѣли сегодня повѣсить, и многое другое.

Чугуновъ торопливо донилъ чай, одѣлся и выбѣжалъ на улицу.

Дѣйствительно, что-то необычное творилось на улицѣ. Цѣлыя толпы любопытныхъ, возбужденныхъ людей придавали какой-то праздничный видъ. На углу Большаго проспекта изъ-за забора цѣлая компанія англичанъ смотрѣла съ балкона, въ концѣ линіи у набережной поблескивали на солнцѣ штыки стоявшихъ сплошной цѣпью солдатъ.

Чугуновъ нанялъ извозчика, заломившаго фантастическую цѣну.

— Такой ужъ день. Поѣхать-то, баринъ, поѣдемъ, а доѣдемъ ли—неизвѣстно,—сказалъ онъ, почесывая затылокъ, а Чугунову стало такъ смѣшно, что, сѣвъ въ сани, онъ долго не могъ удержаться отъ смѣха. Извозчикъ удивленно поглядывалъ на смѣшливаго сѣдока.

На набережной не пропускали; пришлось вылѣзть и вести долгіе переговоры съ офицеромъ. Молоденькій подпоручикъ, слегка напуганный и вмѣстѣ съ тѣмъ гордый всей необычайностью своего положенія, твердилъ:

— Никакъ-съ не могу, инструкция, никакъ-съ не могу.

Хорошо, что на извозчикѣ подъѣхалъ какой-то другой офицеръ и, выслушавъ Чугунова, распорядился пропустить.

Было странно, что на Николаевскомъ мосту, который обычно заполненъ экипажами, конками, ломовиками, было совершенно пустынно; только быстро проскакалъ отрядъ драгунъ, да проѣхала карета.

На Невѣ и на набережной тоже не было видно народа, и солнце въ ослѣпительномъ двойномъ кругѣ подымалось, ликующее и зловѣщее.

Извозчикъ спокойно похлестывалъ лошадь, а Чугунову было необычайно весело и слегка тревожно. На набережной опять задержали, и пришлось свернуть въ переулокъ и проѣхать на Галерную. Около Исаакіевскаго собора, какъ на парадѣ, строился полкъ, горѣли костры, проѣхала карета Краснаго Креста.

— По Морской, можетъ, лучше проберемся, — сказалъ извозчикъ и свернулъ на Мадую Морскую.

Вдругъ онъ испуганно задергалъ вожжами и чуть не вывернулъ князя на крутомъ поворотѣ. Чугуновъ обернулся и увидѣлъ, что прямо на нихъ полнымъ галопомъ скачетъ конный отрядъ. Онъ разглядѣлъ высокіе султаны на киверахъ и поблескивающія сабли.

Извозчикъ, привставъ, пустилъ лошадь вскачь.

Почему-то Чугунову и въ эту минуту было только весело.

Онъ замѣтилъ, какъ смѣшно бѣжала по тротуару дама въ лиловой ротондѣ, а мальчишка изъ парикмахерской въ бѣломъ балахонѣ старался успѣть закрыть ставнями дверь.

— Ой, баринъ-батюшка, убьютъ! — крикнулъ извозчикъ.

«Да не можетъ же быть», — подумалъ Чугуновъ, и вдругъ ужасъ извозчика передался ему.

Рядомъ съ санями бѣжали люди; какой-то парень безъ шапки находу кричалъ что-то и все старался ухватиться за задокъ саней.

Чугуновъ еще разъ оглянулся и увидѣлъ совсѣмъ близко взмыленные морды коней и блестящія сабли; вдругъ совсѣмъ близко онъ увидѣлъ знакомое лицо. Это былъ скакавшій на правомъ флангѣ корнетъ Лазутинъ.

Чугуновъ узналъ его и улыбнулся офицеру; страхъ прошелъ, и онъ даже сказалъ что-то успокаивающее извозчику.

Чугунову опять показалось, что этотъ быстрый бѣгъ, фыркающія лошади, сверкающія сабли — все это не болѣе, чѣмъ веселая шутка.

Лазутинъ, которому было приказано отѣснить толпу, не прибѣгая къ оружію, тоже узналъ князя. Еще не видя даже его лица, онъ вдругъ подумалъ (какъ тогда, когда онъ видѣлъ его изъ окна училища), что это именно князь. Эта неожиданная мысль зажгла въ немъ странное

безпокойное любопытство, и онъ пришпорилъ коня, желая непременно догнать этого господина, неизвѣстно почему-то напоминавшего ему князя.

Когда Чугуновъ обернулся и, узнавъ Митю, улыбнулся ему, изступленный ужасъ какой-то охватилъ Митю.

Будто какое-то злое, отвратительное привидѣніе мелькнуло передъ нимъ, и, не помня себя отъ ярости, онъ крикнулъ сорвавшимся голосомъ:

— Руби!—и первый поднялъ свою новенькую саблю.

V.

Наташу не столько беспокоило, сколько удивляло, что ни въ воскресенье, ни въ понедѣльникъ Чугуновъ не являлся.

Правда, въ субботу она говорила съ нимъ очень рѣзко, но Наташа даже представить не могла, чтобы чего-нибудь не простилъ ей князь.

На улицахъ было неспокойно; Андрей Оедоровичъ строго-настрога запретилъ всѣмъ домочадцамъ выходить изъ дому. Только Оеклуша съ черной лѣстницы приносила странныя и необычайныя вѣсти.

Въ воскресенье потухло электричество, и въ комнатахъ было зловѣще и скучно отъ унылой свѣчи, отъ безконечной воркотни Андрея Оедоровича. Наташа ходила по комнатамъ. Она даже представить не могла, что удерживало князя.

Въ понедѣльникъ вечеромъ, ложась спать, Наташа загадала: если завтра Чугуновъ не пріѣдетъ, то, значить, все кончено, и свадьбы не будетъ; если пріѣдетъ, то она больше не станетъ колебаться и откладывать. Отъ этой мысли ей стало какъ-то безпокойно весело, какъ игроку, поставившему на карту большую сумму и не потерявшему надежды еще выиграть.

Въ томъ же тревожно-возбужденномъ настроеніи она встала на слѣдующее утро. Почему-то Наташа была почти увѣрена, что князь не пріѣдетъ; ей было обидно, и вмѣстѣ съ тѣмъ она чувствовала себя почти свободной.

Александра Львовна съ удивленіемъ слѣдила за оживленіемъ дочери.

— А женихъ-то, кажется, аукнулся,—обнимая мать, смѣялась Наташа только наполовину съ притворнымъ весельемъ.

— Не пойму я тебя, Наточка; причудница ты у меня; добромъ не кончатся твои выдумки,—сокрушенно говорила Александра Львовна.

Наташа сѣла за піанино и заиграла что-то бурное и веселое. Когда раздался на парадной звонокъ, Наташа вздрогнула. «Ужели онъ?»—подумала она почти съ ужасомъ, но не перестала играть, хотя ноты прыгали въ глазахъ. Смущенно пробѣжала горничная, сказала что-то, и Александра Львовна быстро прошла въ переднюю. «Не онъ»,—облегченно подумала Наташа и за-

играла еще громче, какъ бы желая заглушить свой внезапный страхъ.

— Перестань!—сказала Александра Львовна такимъ измѣнившимся голосомъ, что Наташа рѣзко оборвала музыку и повернулась на табуретѣ.

— Князя убили,—тихо вымолвила Александра Львовна и опустилась на стулъ у стѣны.

Въ дверяхъ стоялъ старикъ въ лакейскомъ пальто съ большимъ воротникомъ и, закрывая лицо руками, громко всхлипывалъ. Наташа будто во снѣ видѣла и слышала все.

— Ну, какъ же, какъ же случилось это?—спросила Александра Львовна.

— Не знаю, матушка; на улицѣ зарубили, убили князиньку нашего, солнышко наше... на рукахъ носилъ...—бормоталъ безсвязно Терентій.

— Княгиня просила насъ пріѣхать сейчасъ,—сказала Александра Львовна, вставая, но Наташа, кажется, не слышала ея словъ.

На улицахъ было пустынно. Сырая оттепель окутывала все блѣднымъ туманомъ. Извозчицы сани вязли въ грязномъ снѣгу. Что-то говорила Александра Львовна, но Наташа сидѣла молча. Она не думала ни о князѣ, убитомъ женихѣ своемъ, ни о Митѣ, о которомъ мучительно не забывала ни на одну минуту. Сырой вѣтеръ почему-то напоминалъ ей корабль, какія-то далекія страны, все, не похожее на то, что окружало.

Только, когда онѣ подъѣхали къ огромному дому на Сергіевской, очнулась Наташа.

«Домъ князя М. В. Чугунова»—бросилась ей въ глаза дощечка у воротъ, и она въ первый разъ вспомнила: «Неужели правда, что онъ убитъ?»

Отъ этой мысли ей стало страшно. Никто изъ близкихъ ея не умиралъ, и мертвые внушали ей ужасъ.

«Неужели онъ умеръ? Не можетъ быть. Какъ же теперь будетъ?»

Страхъ и жалость наполнили Наташу.

Проходя по огромной двухсвѣтной залѣ, изящно убранной маленькой гостиной, разсматривая всѣ эти предметы почти царской роскоши, Наташа невольно думала: «Здѣсь жила бы я, и все это принадлежало бы мнѣ». Ей было стыдно этихъ мыслей, и вмѣстѣ подымалась острая жалость о чемъ-то утраченномъ. Вспоминался князь, такой ласковый, преданный, готовый повиноваться малѣйшему желанію ея.

Елена Петровна встрѣтила Тулузовыхъ въ кабинетѣ князя; она была такъ же тщательно причесана и одѣта, такъ же улыбнулась Наташѣ, только стала еще тоньше, еще беззвучнѣе стали ея движенія.

— Ужасное несчастье, но доктора надѣются.

— Онъ еще живъ?—спросила вдругъ Наташа.

Княгиня пристально посмотрѣла на нее.

— Его положеніе очень опасно, рана глубока, и черепъ...—Елена Петровна не кончила и какъ-то неожиданно заплакала, закрывъ своими тонкими руками лицо.

Она плакала беззвучно, и мелкія-мелкія слезы катились между пальцевъ. Было что-то дѣтское, беспомощное въ ея тихомъ отчаяніи.

Наташа встала, опустилась на колѣни и почти съ ужасомъ повторяла:

— Не надо, не надо, не надо.

Княгиня перестала плакать.

— Да, да, не надо,—повторила она и открыла лицо:—Богъ дастъ, онъ будетъ жить. Скажите, вы любите его?

— Я люблю его, я не хочу, чтобы онъ... я люблю его, всю жизнь буду любить его,—шептала Наташа, вся дрожа и цѣлуя нѣжныя руки княгини.

Та уже улыбалась сквозь слезы и старалась успокоить, въ свою очередь, Наташу:

— Милая моя дѣвочка, не волнуйтесь, мы будемъ вмѣстѣ ухаживать за нимъ, мы спасемъ его нашей любовью.

— Да, да, я жизнь отдамъ за него. Я не могу жить безъ него,—повторяла Наташа.

Она была, какъ въ бреду. Глядя на плачущую княгиню, показалось ей, что это она, Наташа, виновна во всемъ, и не было силъ вынести нахлынувшего отчаянія и жалости.

Александра Львовна молча вытирала слезы.

— Можно видѣть его?—спросила Наташа, когда княгиня подняла ее и посадила рядомъ съ собой на диванчикъ.

— Онъ безъ сознанія. Надо очень осторожно, чтобы не разбудить его. Всякое малѣйшее волненіе гибельно,—сказала Елена Петровна и беззвучно пошла къ двери, ведущей въ спальню.

Наташа послѣдовала за нею, подражая ея беззвучной походкѣ.

Александра Львовна осталась въ кабинетѣ.

Пріотворивъ слегка дверь, Елена Петровна не вошла, а проскользнула и знакомъ пригласила Наташу за собой. Въ комнатѣ было совсѣмъ темно отъ опущенныхъ плотныхъ гардинъ. Только маленькая красная лампочка горѣла на столикѣ у постели. Всѣ предметы тонули въ темнотѣ; слабо выдѣлялась большая кровать и бѣлая пелеринка сестры милосердія, сидѣвшей въ креслѣ.

Она не шевельнулась при входѣ Наташи и княгини.

Елена Петровна подошла къ кровати. Наташѣ было страшно нарушить шорохомъ эту тишину, и она, сдѣлавъ два шага, остановилась. Вытянувъ шею, она старалась разглядѣть больного. Когда глаза ея привыкли къ темнотѣ, она увидѣла казавшуюся огромной отъ повязокъ голову князя. Лампочка слабо освѣщала лѣвую половину лица, свободную отъ повязки. Эта по-

ловина лица—закрытый глазъ и губы, будто слегка улыбающіяся (такъ хорошо знала Наташа эту робкую, почти дѣтскую улыбку)—казалась совсѣмъ спокойной.

Сейчасъ проснется князь, откроетъ глазъ, заговорить, и такъ обрадуется, увидѣвъ ее,

— Милый, милый,—прошептала однѣми губами Наташа и сейчасъ же неожиданно подумала: «Милый ли?» «Конечно, милый. Его я люблю, съ нимъ буду счастлива»,—упрямо заставляла думать себя Наташа, но ей становилось почему-то тоскливо.

Елена Петровна тронула Наташу за руку:

— Пойдемте.

Послѣ тяжелой, темной спальни хотѣлось яркаго солнца, и тусклый свѣтъ раннихъ сырыхъ сумерекъ петербургскихъ раздражалъ и томилъ.

— Но какъ же это случилось?—спросила Александра Львовна.

— Я не знаю подробностей,—заговорила княгиня.—Онъ ѣхалъ на извозчикѣ. Случайно попалъ въ свалку. Вы слышали про эти звѣрства. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ мы пріѣхали въ этотъ страшный, варварскій городъ? Впрочемъ,—все лицо княгини озарилось нѣжной улыбкой, и она привлекла къ себѣ Наташу:—впрочемъ, если бы мы не пріѣхали сюда, мой сынъ не узналъ бы васъ и не былъ бы счастливъ.

Она приблизила къ себѣ Наташину голову и нѣсколько минутъ тревожно вглядывалась въ

ея лицо. Наташѣ опять стало стыдно и больно, опять вернулись жалость и нѣжность къ этой маленькой, сломленной горемъ женщинѣ, смотрящей на нее съ такой тревогой и надеждой.

— Я люблю его,—почти крикнула истерически Наташа.

— Я знаю, я вѣрю вамъ,—сказала княгиня и поцѣловала Наташу.

— Ну, такъ вотъ,—продолжала она рассказъ.—Онъ попалъ въ толпу. Ихъ гнали, безоружныхъ, невинныхъ, гнали и...—голосъ ее прервался. Вдругъ гнѣвъ и ненависть охватили ее.—Я такъ не оставлю. Я разыщу убійцу. Я поѣду къ государю. Князя Чугуновы не разъ проливали кровь за родину...—Опять слезы стали душить ее, но она сдержалась.—Сегодня будетъ консилиумъ. Профессоръ предлагаетъ операцію, но это большой рискъ. Сегодня рѣшать окончательно.

Тулузовы простились, обѣщая пріѣхать вечеромъ послѣ консилиума.

— Такъ, значитъ, это правда?—спросила Елена Петровна Наташу, прощаясь.

Наташа только прильнула къ ней, и та нѣжно гладила ея волосы и цѣловала, будто молча благодарила за сына. Наташа была взволнована и потрясена.

— Я не думала,—промолвила Александра Львовна, когда онѣ уже сидѣли на извозчикѣ:—я не думала, что ты такъ любишь его. Это мучило

меня. Теперь, Богъ дастъ, онъ поправится, и такъ хорошо все будетъ.

Наташа ничего не отвѣтила.

На углу одной улицы извозчикъ испуганно задергалъ лошадь, хотѣлъ погнать быстрѣе, но потомъ торопливо своротилъ прямо на тротуаръ. Наперерѣзъ проскакалъ отрядъ казаковъ. Въ густыхъ сумеркахъ они казались призраками. Наташа вдругъ вспомнила тотъ безсильный гнѣвъ, который на минуту охватилъ княгиню, когда она заговорила объ убійцахъ своего сына.

— Мамочка, можетъ-быть, вотъ эти, вотъ эти убили, — хватая за руки Александру Львовну, шептала Наташа съ ужасомъ и отвращеніемъ. Не выдержавъ, она вдругъ заплакала.

— Не волнуйся, дѣвочка моя милая, — старалась успокоить ее Александра Львовна.

— Не бойтесь, барышня. Не тронуть ужъ больше, — обернувшись, сказалъ извозчикъ.

Смутные и тяжелые дни переживала Наташа. Она больше ни разу не плакала. Какъ ни старалась, она не могла вызвать больше настроенія той нѣжной жалости, которую испытывала въ первый разъ при посѣщеніи Чугуновыхъ.

Князю было нѣсколько лучше, но все же опасность еще далеко не миновала. Въ комнату больного Наташу не пускали, но каждый день Тулузовы ѣздили на Сергіевскую. Эти визиты были мучительны для Наташи. Каждый разъ, когда

она видѣла Елену Петровну, ей становилось стыдно и тягостно. Онѣ не говорили о любви Наташиной къ князю, о томъ, что будетъ, когда тотъ поправится, но въ улыбкахъ, въ поцѣлуяхъ княгини было столько безпокойной нѣжности, что они мучили Наташу больше всякихъ вопросовъ.

Дома тоже было скучно; какое-то безпокойство ни на минуту не оставляло Наташу; часто по цѣлымъ часамъ молча кружила она по комнатамъ, а когда становилось невыносимо, одѣвалась и подъ какимъ-нибудь предлогомъ бѣжала на улицу.

Она придумывала мелкія покупки, за которыми шла въ какой-нибудь далекій магазинъ, или просто безъ цѣли бродила по цѣлымъ часамъ, стараясь усталостью заглушить тяжелую, бессмысленную тоску.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, когда Наташа шла посѣтить старую гувернантку, на Пушкинской лицомъ къ лицу ей повстрѣчался Лазутинъ.

Оба шли быстро, крѣпко о чемъ-то задумавшись и, почти столкнувшись, одновременно подняли глаза и, остановились на секунду, будто пораженные молніей.

Митя все это время сильно кутилъ. Онъ какъ-то почернѣлъ, какъ бы обожженный той неутолимой страстью, которая владѣла имъ. Подъ глазами были круги, блѣдность щекъ еще больше подчеркивалась синевой плохо вы-

бритаго подбородка. Но онъ не подурнѣлъ, напротивъ—въ его надменной красотѣ появилось что-то новое—требовательное и дерзкое.

— Наконецъ я встрѣтилъ васъ,—первый заговорилъ Лазутинъ слегка сиплымъ голосомъ.

Наташа промолчала. Митя пошелъ рядомъ съ нею.

— Всѣ эти дни я ходилъ по улицамъ и думалъ только бы встрѣтить васъ,—заговорилъ онъ.

— Вамъ, кажется, не было отказано отъ дома, и вы могли бы заѣхать къ намъ, если это такъ необходимо,—немного оправившись, насмѣшливо сказала Наташа.

— Да, это было необходимо. Я долженъ былъ сказать, что больше не могу, я люблю васъ, вы это знаете... и ты меня любишь, любишь!—онъ шепталъ, задыхаясь и нагибался къ самому лицу Наташиному. Она почувствовала его тяжелое дыханіе.

— Вы пьяны,—съ отвращеніемъ сказала Наташа, стараясь освободить свою руку, которую крѣпко держалъ Лазутинъ.—Вы пьяны. Оставьте меня, или я...

— Да, я пьяный и развратный, а все-таки ты, невѣста князя Чугунова, любишь только меня и будешь, будешь моею!—шепталъ Митя, дѣйствительно теряя сознаніе.—Ты придешь ко мнѣ. Слышишь?—придешь. Я живу въ Ковенскомъ переулкѣ, домъ № 3, кв. 10, и ты придешь!—онъ сжималъ Наташину руку до боли.

Странную слабость испытывала она. Онъ былъ отвратителенъ и страшенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она чувствовала, будто дѣйствительно онъ имѣетъ власть приказывать ей, и она не смѣетъ сопротивляться.

Прохожіе уже оглядывались на нихъ удивленно.

— Ради Бога, не надо! Пустите меня! Митя, голубчикъ, что съ вами?—говорила Наташа робко.

Лазутинъ опомнился, отпустилъ Наташину руку и промолвилъ, усмѣхаясь:

— Значить, вы помните мой адресъ: Ковенскій 3, кв. 10. Буду васъ ждать. А князь вашъ еще живъ, я слышалъ. Жалко, что я плохо рассчиталъ ударъ.

— Это вы его убили?!—съ ужасомъ прошептала Наташа.

— Я еще не убійца, но я буду имъ, если вы...—Митя не договорилъ, притронулся слегка къ фуражкѣ и, повернувшись, пошелъ къ Невскому.

Старая гувернантка, увидѣвъ Наташу, ужаснулась:

— Что съ вами, мое милое дитя? Я слышала, такое ужасное несчастье постигло васъ, но не надо отчаиваться. Вы на себя не похожи.

Прижавшись къ гувернанткѣ, Наташа заплакала, по-дѣтски вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Эти слезы какъ бы растопили тяжелую тоску, а встрѣча съ Митей казалась кошмарнымъ, невозможнымъ сномъ.

Прошло дней десять.

Князю стало гораздо лучше. Онъ уже узнавалъ всѣхъ, и ему было разрѣшено разговаривать. Наташа по нѣскольку часовъ проводила съ женихомъ. Въ комнатѣ больного попрежнему были спущены гардины, и только красная лампочка скупо освѣщала подушку, голову князя и столикъ съ лѣкарствами.

Сестра милосердія уходила, и Наташа садилась въ ея кресло.

Мысли и слова больного часто бывали туманны и несвязны.

— А знаете, Василій Петровичъ вовсе не Василій Петровичъ, а господинъ Léonas. Только это—страшная тайна. Пятьсотъ тысячъ повѣсили, а ему все равно, онъ умный, онъ все знаетъ. Когда мы поѣдемъ съ вами въ Ливерпуль, мы его спросимъ...

Князь каждый день начиналъ говорить о Василіи Петровичѣ и объ отъѣздѣ въ Ливерпуль.

Наташѣ было сначала страшно, потомъ она привыкла. и ей казалось, что дѣйствительно поѣдутъ они въ Ливерпуль и встрѣтятъ тамъ таинственнаго Léonas'a, который всему научить.

Часто, взявъ Наташину руку, князь засыпалъ, а она неподвижно сидѣла часами, задумчиво смотря на красную лампочку.

Входила Елена Петровна, едва шурша платьемъ, нагибалась къ Наташѣ черезъ спинку кресла и цѣловала ее въ лобъ.

— Мы спасемъ его, мы спасемъ,—шептала княгиня.

Будто въ дремотѣ жила эти дни Наташа; она не вспоминала прошлаго, не думала о будущемъ. Какая-то вялость охватила ее. Приѣхавъ домой, Наташа ложилась на кровать и читала, что попадется подъ руку, или просто лежала съ закрытыми глазами.

Какъ-то въ концѣ января выдался солнечный и вѣтряный день.

Такъ бываетъ иногда, что вдругъ, когда еще лежитъ снѣгъ, не грѣетъ тусклое солнце, совершенно ясно почувствуешь весну, просто вспомнишь по какому-то неуловимому намеку, что скоро ужъ, скоро растаютъ тяжелые льды, заголубѣетъ радостно небо, и отъ этого смутнаго намека томно занеетъ сердце, переполненное какими-то тайными, неисполненными желаніями.

Когда Наташа ѣхала по Литейному, и съ Невы подуло влажнымъ вѣтромъ, вдругъ нахлынулъ на нее пьянящій восторгъ. Кажется, съ осенняго дня на островѣ не чувствовала Наташа себя такъ легко и радостно. Она улыбалась еще, когда входила въ комнату князя, а Елена Петровна, идя сзади, говорила:

— Я не узнаю васъ сегодня, милая Nathalie. Вы несете намъ счастье. Посмотрите, князь, на вашу невѣсту. Одинъ ея видъ поможетъ вамъ лучше всякихъ лѣкарствъ.

Чугуновъ не улыбнулся почему-то на эти слова, и его глазъ смотрѣлъ на Наташу почти сурово.

— Когда мы поѣдемъ въ Ливерпуль,—началь онъ свой обычный разговоръ.

Наташа еще улыбалась, но ей было уже то-скливо и почему-то тревожно. Радость заглушалась этой мрачной темнотой, душнымъ запахомъ лѣкарствъ и одеколона, безсвязными рѣ-чами князя.

— Ахъ, предупреждалъ Василій Петровичъ меня, предупреждалъ, что плохо все это кон-чится, вотъ и накаркалъ,—бормоталъ Чугуновъ. Наташа сѣла въ свое кресло.—Вы думаете на-вѣрно, что я сумасшедшій?—спросилъ вдругъ Чугуновъ.

— Ну, вотъ какія глупости,—вяло возра-зила Наташа.

— Я измучилъ васъ, милая моя, но ничего, скоро все кончится,—съ нѣжностью заговорилъ Чугуновъ и взялъ холодную Наташину руку.— Все скоро будетъ хорошо. Я выздоровлю, мы обвѣнчаемся и уѣдемъ. Я почему-то мечтаю о Ливерпульѣ. Это не бредъ. Тамъ хорошо. Такіе бодрые, сильные люди и свѣжій вѣтеръ съ моря, а за городомъ зеленые лужайки. Въ паркѣ пруды, и плаваютъ бѣлые лебеди, бѣлые, бѣлые... а Léonas... о, онъ все понимаетъ.

Слова князя опять начинали мѣшаться, и скоро онъ замолчалъ, задремалъ.

Наташа вдругъ вспомнила слова Мити: «ты придешь ко мнѣ».

Когда это было, во снѣ или наяву? Какой странный былъ Митя, такой новый, страшный и дерзкій.

Князь еще разъ повторилъ: «бѣлые лебеди». Наташѣ казалось, что она сама начинаетъ бре-дить.

«Вѣдь это онъ ранилъ его, да,—изъ-за меня»,—думала Наташа, будто вспоминая что-то дале-кое, далекое.

Ей сдѣлалось страшно; захотѣлось опять на улицу изъ этой давящей, зловѣщей тем-ноты. Наташа осторожно высвободила руку и, крадучись, вышла изъ комнаты.

Она почти бѣжала по гостиной и залѣ. Лакей въ передней удивленно посмотрѣлъ на нее.

Было уже сумеречно. Холодная синебагровая заря обхватила полнеба.

Наташа шла быстро, но еще быстрѣй неслись спутанныя, тревожныя мысли.

— Прикажите, барышня,—весело окликнулъ ее извозчикъ.

Наташа минуту постояла и потомъ сказала будто привычный адресъ:

— Ковенскій переулокъ, домъ № 3.

Новозыбковъ
юль 1912 г.

ПОЦЪЛУИ ВЕНЕЦІИ.

Переулки, то совсѣмъ узкіе, то нѣсколько шире, вывели меня снова на площадь Святого Марка.

Я только вчера прибылъ въ Венецію, и мнѣ нравилось отыскивать самостоятельно, пользуясь Бедкеромъ, дорогу на почту и обратно на площадь. Тутъ я сѣлъ на ступени одной изъ колоннъ и вскрылъ полученное письмо.

«Милый Толя,—прочель я.—Пишу тебѣ уже въ Венецію,—последній пунктъ, отмѣченный въ твоёмъ маршрутѣ. Слава Богу! Я не писала тебѣ, чтобы не испортить радости твоего путешествія, но теперь могу сказать, какъ страстно жду я твоего возвращенія. Кирочка все лѣто прихварывалъ,—я тоже не писала тебѣ. Да и вообще трудно и тоскливо все одной и одной. Очень прошу тебя, Толя, не утомляя себя, конечно, все же не очень задерживаться на обратномъ пути. Дастъ Богъ, еще когда-нибудь соберешься, а теперь возвращайся, голубчикъ, домой...»

Это писала Таня, моя жена.

Я оглянулся кругомъ: голуби, пестрая шумная толпа. Венеція! Всѣ эти недѣли я жилъ внѣ памяти прошлаго, Россіи, семьи. И сейчасъ, въ первый разъ съ самаго пріѣзда за границу, я вдругъ почувствовалъ себя чужимъ и ненужнымъ ей. Я даже всталъ и недоумѣваяще пожалъ плечами:

— Зачѣмъ я здѣсь?—почти вслухъ произнесъ.

Въ этотъ моментъ я забылъ, какъ два мѣсяца назадъ меня полумертваго отправляли за границу, какъ эта поѣздка казалась единственнымъ спасеніемъ. Забылъ, и какимъ роднымъ чувствовалъ я себя въ Италіи, какъ короткими открытками отдѣлывался отъ назойливыхъ, мнѣ казалось, вопросовъ домашнихъ. Сейчасъ я чувствовалъ себя русскимъ, чувствовалъ, что въ Россіи у меня остались мать, жена, двое дѣтей. Чужая Венеція казалась неинтересной и ненужной.

Рѣшительнымъ шагомъ прошелъ я къ столику кафе, тутъ же на площади, и, потребовавъ себѣ чернаго кофе, написалъ карандашомъ на открыткѣ: «Дорогія Танечка и дѣтишки мои. Возвращаюсь. Насмотрѣлся такого, что на всю жизнь хватить. Здоровъ. Въ Венеціи пробуду дня три, не больше. Скоро обниму васъ».

Я плоталъ отвратительный горькій кофе и оглядывался, отыскивая почтовый ящикъ.

Звонкій голосъ у самыхъ ногъ заставилъ меня вздрогнуть. Итальянскій мальчишка разронялъ

апельсины. Теперь онъ ползалъ на корячкахъ, подбирая ихъ, гримасничалъ и смѣшилъ прохожихъ. Два сосѣднихъ итальянца протянули ему папирасы. Онъ закурилъ сразу двѣ, но поперхнулся дымомъ, и папирасы при общемъ смѣхѣ полетѣли на землю. Тоже смѣясь, мальчишка снова подобралъ ихъ.

— Грязныя!—почему-то сказалъ я по-русски.

— О! Вы—русскій? И мы—русскій,—совершенно неожиданно выпалилъ мальчикъ, оборачиваясь ко мнѣ.

— Хорошъ русскій,—я невольно засмѣялся, глядя на его черномазую фізіономію.

— Русскій, русскій,—увѣрялъ онъ, и быстро затараторилъ по-итальянски, видимо, торопя меня кончить кофе и куда-то идти съ нимъ.

Пирожныя на моемъ столикѣ внезапно привлекли его вниманіе, и, щелкая языкомъ отъ удовольствія, онъ жестами попросилъ разрѣшенія взять.

— Ну, ужъ, такъ и быть, ѣшь, русскій.

Я расплатился и всталъ. Мальчишка былъ подлѣ, все убѣждая идти съ нимъ. Я показалъ ему написанное письмо, которое надо было опустить въ ящикъ. Онъ понялъ, обрадовался и побѣждалъ впередъ, сильно встряхивая корзину съ апельсинами. Почтовое отдѣленіе оказалось въ двухъ шагахъ.

— Vieni,—снова позвалъ меня мальчикъ.

Изъ какого-то равнодушія, а не любопытства, пошелъ я за нимъ. Вошли въ пріемную антикварнаго магазина, сплошь заставленную напоказъ разнымъ товаромъ. Тутъ были и сумочки, и кораллы, и разныя бусы и картины. Поднялись по лѣстницѣ во второй этажъ и оказались въ самомъ магазинѣ. Какой-то страннаго вида чело-вѣкъ встрѣтилъ насъ. Бѣлокурые волосы, та-кіе же борода и усы, особенно замѣтные на брон-зовомъ отъ солнца лицѣ. Мальчикъ что-то по-яснялъ ему по-итальянски:

— Ахъ, синьоръ, вы русскій? Пожалуйте сюда. Я—тоже русскій.

— Вы—русскій?—удивился я.—Какъ же вы попали сюда?

— А вотъ это—моя лавка. Я уже шестнад-цать лѣтъ какъ уѣхалъ изъ Россіи, изъ Петер-бурга. Да, изъ Петербурга. Синьоръ тоже изъ Петербурга? А это—мой сынъ, бамбино,—ука-залъ онъ на моего знакомаго мальчика,—сынъ, только онъ почти не говоритъ даже по-русски. Да и гдѣ научиться? Я самъ начинаю забывать свой языкъ. Такъ рѣдко слышишь его.

— И что же, вы не скучаете по Россіи?

— Ахъ, синьоръ, что дѣлать!.. Можетъ быть, синьоръ посмотритъ мой магазинъ. Синьоръ дав-но въ Венеціи?

Я сталъ спрашивать цѣну нѣкоторыхъ ве-щицъ, принимая все это за обычную въ Италіи хитрость, чтобы заманить покупателя.

— Синьоръ не долженъ покупать. Я просто радъ поговорить съ русскимъ,—остановилъ онъ меня.—Сядьте здѣсь, синьоръ, и, если будете добры, расскажите мнѣ про Петербургъ. Что тамъ новаго?

Я рассказывалъ съ особеннымъ удоволь-ствіемъ все, что могъ вспомнить о родномъ го-родѣ, всѣ мелочи, даже какіе новые памятники, мосты и церкви были въ послѣднее время по-строены. Церкви особенно его интересовали.

— Молитесь, конечно, можно вездѣ,—вздох-нулъ онъ.—Повѣритъ ли синьоръ,—съ жаромъ говорилъ онъ,—я даже вкусъ чая русскаго за-былъ. Сперва еще заходилъ въ кафе, пилъ. Но здѣсь совсѣмъ не то, совсѣмъ не то.

— Какъ странно, а у меня взять съ собой чай, но я съ первой же недѣли бросилъ его пить и не вспоминалъ. Хотите, я вамъ принесу?

— Если синьоръ будетъ такъ любезенъ. Но и синьоръ выпьетъ съ нами, не такъ ли?

— Хорошо, спасибо. Такъ сегодня, вече-ромъ, я приду.

— Если синьору угодно посмотрѣть что-нибудь въ Венеціи, то бамбино можетъ его про-водить,—предложилъ русско-итальянскій си-ньоръ.

Я оглянулся на бамбино. Онъ тихо стоялъ подлѣ сидящей у окна съ работой женщиной.

— Это—моя жена, синьоръ,—пояснилъ мнѣ хозяинъ,—синьора Біанка.

Я издали поклонился ей и успѣлъ замѣтить только блѣдное, усталое лицо и большіе, будто незрячіе глаза.

— Почему же вы теперь не вернетесь въ Россію?—уже на лѣстницѣ спросилъ я.

— О, я бы никогда не жилъ въ Венеціи,—въ Венеціи трудно жить русскому,—но она не хотѣла уѣзжать.

Я не понялъ, о комъ онъ говорить, и смотрѣлъ на него.

— Я женился, синьоръ. Синьора Біанка любитъ свою Венецію.

Я распрощался и ушелъ до вечера.

Вечеромъ я пилъ русскій чай у моихъ новыхъ знакомыхъ. Самъ синьоръ глоталъ его съ какимъ-то благоговѣніемъ; синьора Біанка блѣдно улыбалась, а бамбино больше налегалъ на сласти, которыя были поданы къ чаю.

Я снова рассказывалъ о Россіи и такъ увлекся, что забылъ, гдѣ нахожусь, забылъ, что, кромѣ синьора, никто изъ слушателей меня не понимаетъ, когда вдругъ, слегка звякнувъ чашкой, синьора Біанка отодвинула свой приборъ, встала и молча и тихо вышла изъ комнаты.

Я смутился.

— Синьорѣ скучно, простите, ради Бога!

— О, нѣтъ, нѣтъ,—заторопился тоже, видимо, смущенный синьоръ.—Синьоръ не долженъ обижаться. Прежде синьора Біанка немного понимала по-русски, теперь, можетъ быть, забыла... Но синьорѣ не скучно,—нѣтъ, нѣтъ, синьоръ. У ней горе, у синьоры—онъ понизилъ голосъ.

— Горе у синьоры?—повторилъ я.

— Да, горе. Прошлый годъ умерла у насъ дочка. Синьора Біанка такъ хотѣла имѣть дочку. Сынь не то,—сынъ—на улицѣ, дочь—въ домѣ. И дочка умерла. Съ тѣхъ поръ синьора Біанка все молчитъ и никогда не смѣется.

— Но вы еще молоды...—началъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, синьоръ не знаетъ. Синьора Біанка больше не хочетъ...

Наступила нѣкоторая неловкость, которую синьору такъ и не удалось разсѣять, и я скоро ушелъ.

Ночь была лунная, вся площадь казалась сахарной, не настоящей. Блестѣла вода лагуны, сейчасъ совсѣмъ зеленая. Неприятно назойливо лѣзли воспоминанія, видѣлись неживые глаза синьоры Біанки. Я досадливо повелъ плечами.

«Просто тихая помѣшанная. Нечего къ нимъ больше ходить, вотъ и все».

Съ этимъ же рѣшеніемъ всталъ я на другое утро. Было пасмурно. Я осмотрѣлъ дворецъ дождей, С.-Марка, пообѣдалъ и, ощущая какое-то

смутное безпокойство, пошелъ, чтобы отвлечься, въ академію. Но она оказалась уже закрытой. Рѣшивъ побродить по переулкамъ, такимъ необычайнымъ, которые можно видѣть единственно въ Венеціи, я какъ-то неожиданно для себя оказался снова на площади и даже прямо противъ магазина моихъ знакомыхъ. Сознаюсь, я былъ радъ, что синьоръ замѣтилъ меня и пригласилъ къ себѣ.

Съ этого дня дружба моя съ этимъ страннымъ семействомъ закрѣпилась. Уже не противясь желанію, проводилъ я у нихъ весь день. Уходилъ только обѣдать.

Я смотрѣлъ, какъ зазываетъ покупателей и торгуетъ въ лавкѣ синьоръ. Онъ теперь уже очень охладѣлъ къ Россіи, весь во власти своей новой, родной ему сейчасъ жизни. Смотрѣлъ, какъ курить, дерется съ мальчишками, шалить и смѣшивать окружающихъ бамбино.

А иногда сидѣлъ подлѣ молчаливой синьоры Біанки, смотрѣлъ, какъ ловко и невозмутимо плететъ она тончайшія кружева. Тутъ было тихо, какъ въ церкви. Громкій голосъ синьора замолкалъ въ ея присутствіи, и одного взгляда ея незрячихъ глазъ было достаточно, чтобы остановить любую шалость бамбино. Замѣчаній никому она не дѣлала, вообще почти ничего не говорила. Не говорила она и со мной. И я часами просиживалъ молча, мечтая, можетъ быть, вслухъ говоря свои мысли. Иногда она

поднимала на меня глаза и долго смотрѣла, не мигая, будто не видя меня, а, можетъ быть, читая въ душѣ моей.

Такъ, какъ во снѣ, непостижимо шли дни. Во власти неясныхъ чаръ находился я и забылъ думать объ отъѣздѣ. Жизнь остановилась и сосредоточилась въ нездѣшнихъ глазахъ синьоры Біанки.

Въ воскресенье синьоръ встрѣтилъ меня предложеніемъ съѣздить на Лидо, благо погода стояла прекрасная. Бамбино прыгаль тутъ же, убѣждая ѣхать и прищелкивая отъ удовольствія языкомъ. Хотѣлось знать, поѣдетъ ли синьора Біанка, но спросить было неловко, и я неопредѣленно, какъ бы нехотя, отвѣтилъ:

— Пожалуй, поѣдемъ!

Оказалось, что синьора ѣдетъ. На парходѣ было тѣсно, и мы сидѣли въ разныхъ мѣстахъ, такъ что я видѣлъ только спину и тяжелый узелъ темныхъ волосъ синьоры Біанки. Я купилъ у газетчика игрушечную обезьянку-бибабо и подарилъ бамбино. Съ ней онъ бѣгалъ по всему парходу, смѣшилъ пассажировъ.

Потомъ подошелъ къ матери, и она обернулась, ища меня глазами, и я на минуту увидѣлъ ея блѣдное, усталое лицо и большой увядшій ротъ.

Еще на пристани синьоръ встрѣтилъ знакомыхъ, и мы одни отправились на другой конецъ

Лидо, къ морю. Тамъ, на громадной террасѣ надъ самымъ моремъ, мы усѣлись обѣдать. Синьоръ прибѣжалъ суетливый, озабоченный, разсказалъ что-то женѣ по-итальянски, а мнѣ объяснилъ въ двухъ словахъ.

— Богатый купецъ знакомый. Хорошее дѣло можно сдѣлать,—и убѣждалъ, даже не выпивъ кофе.

Къ сосѣднему столику подошли двое, господинъ и дама.

— Здѣсь очень хорошо,—явственно донеслись русскія слова.

Господинъ снялъ шляпу и широко перекрестился. Затѣмъ они сѣли за свой столикъ.

Мнѣ почему-то не хотѣлось, чтобы они узнали во мнѣ соотечественника, а бамбино уже волновался и дергалъ меня за рукавъ, повторяя: «Русскіе, русскіе!» Я поторопился расплатиться, и мы вышли на песчаный пляжъ.

Бамбино съ разрѣшенія матери убѣждалъ купаться, а мы усѣлись на сухомъ рыхломъ пескѣ.

Я легъ на спину и смотрѣлъ въ небо, а иногда и въ блѣдное лицо синьоры Біанки. Но она не смотрѣла на меня. Ея глаза остановились гдѣ-то далеко-далеко, на краю горизонта. Такая усталая, съ тоской неизбывной сидѣла она, что острая жалость и нѣжность необычайная пронзили меня.

— Какъ жаль, что вы не понимаете по-

русски, синьора. Я бы могъ многое сказать вамъ, но только по-русски.

Теперь ея глаза смотрѣли прямо на меня, и я снова заговорилъ, приподнимаясь на локтѣ:

— Развѣ не странно, что судьба снова столкнула васъ съ русскимъ? Ахъ, какъ жаль, что вы не понимаете по-русски, синьора. Именно по-русски. Судьба, чтобы васъ полюбилъ русскій, опять, какъ раньше, русскій. Чтобы я полюбилъ васъ, синьора.

Внезапно, не отводя съ меня глазъ, она поднесла палецъ къ губамъ, какъ бы прося замолчать, и въ тотъ же моментъ я услышалъ голосъ синьора, зовущаго насъ ѣхать домой.

...И снова я провожу цѣлые часы въ тихой комнатѣ подлѣ молчаливой синьоры Біанки. Она тонкими пальцами перебираетъ нити кружевъ и только изрѣдка поднимаетъ на меня свои немигающіе глаза. А я смотрю на нее, и, какъ во власти непонятныхъ, но сладкихъ чаръ, не-то думаю, не-то вслухъ говорю свои мысли:

— Да, я уѣду, синьора. Уѣду, быть можетъ, навсегда изъ вашей прекрасной Италіи. Знаю, ужъ рвутся послѣднія нити, видятся послѣдніе сны. О, сладкіе сны Италіи! И вы—послѣднее видѣніе, тихій прощальный свѣтъ. Вашъ

образъ сохраню я. Образъ Венеціи. Призрачная любовь призрачнаго города...

Эту дрему или явь прерываетъ приходъ синьора, смѣхъ бамбино, и я снова на время возвращаюсь къ реальной жизни. Но сильны чары синьоры Біанки.

Въ среду, послѣ обѣда, встрѣтилъ синьоръ меня озабоченно. Синьора Біанка непокойна весь день, а онъ долженъ отлучиться по дѣлу.

— Можетъ быть, синьоръ будетъ любезенъ проводить синьору на музыку? По средамъ, вечеромъ, на площади—гулянье, музыка. Синьора развлечется,—говорилъ онъ.

И вотъ мы идемъ рядомъ. Небо черное, будто натянуть черный бархатъ вровень съ невысокими крышами домовъ. То громче, то совсѣмъ затихая, доносятся звуки духового оркестра. Толпа разноязычная снуеть, не соблюдая направления. Шумъ голосовъ, смѣхъ. Тутъ же—бѣлые столики кафе. Насъ толкають, идти неудобно. И я беру ее подъ-руку. Теперь мнѣ не видно лица синьоры, только нѣжныя морщинки у глаза, только темная прядь волосъ, закрывшая ухо, теплая, такая тонкая рука въ моей рукѣ.

— Ахъ, какъ жаль, что вы не понимаете по-русски, синьора. Я могъ бы рассказать вамъ про Россію, про мою семью. У меня есть дочь,—дочь, о которой вы такъ безутѣшно грустите.

Я не вижу толпы, музыка доносится слабо, мы одни въ этой темной бархатной ночи, и я говорю, близко наклонясь къ плечу синьоры.

— Жаль, что вы не понимаете по-русски, я бы сказалъ вамъ, какъ нѣжно и пламенно люблю я васъ. Нѣжностью невыразимой полно мое средце. Вашъ прекрасный печальный образъ увезу я съ собой на родину. Синьора, синьора Біанка, снова любить, любить васъ русской...

И много-много нѣжныхъ, сладкихъ любовныхъ словъ подслушала въ эту ночь Венеція, и долго ходили мы одинокіе въ шумной толпѣ.

Мы даже не сразу узнали бамбино. Онъ потащилъ насъ въ кафе, и я впервые за этотъ вечеръ увидѣлъ глаза синьоры Біанки. Солнце Италіи было въ нихъ,—такимъ свѣтомъ лучились они.

Въ первый разъ услышалъ я ея оживленную рѣчь, ея смѣхъ. Бамбино почти испугался и смотрѣлъ, не понимая, на мать, на меня. Онъ пересталъ щелкать языкомъ и, вдругъ затихшій, какъ-то пугливо ѣлъ свое пирожное. А синьора, будто стараясь развеселить его, что-то говорила ему по-итальянски, только блестящіе по-новому глаза ея смотрѣли все время на меня. Мы выпили вина, чокаясь, смотря другъ другу въ глаза, и даже не замѣтили, какъ и когда ушелъ бамбино.

Теперь я оглядывалъ толпу, съ ясностью запоминая каждую мелочь, лица, покрой костюмовъ, будто видя все въ послѣдній разъ.

Съ такимъ же чувствомъ отчужденности смотрѣлъ я въ освѣщенныя по случаю музыки окна магазиновъ, отчетливо запоминая и розовыя камни, и нити янтаря.

И поцѣлуй, которымъ я коснулся губъ синьоры Біанки на темной лѣстницѣ въ ея квартиру,—поцѣлуй, отъ котораго она не отстранилась,—былъ для меня,—я зналъ это,—прощаніемъ съ Италіей.

Я снова вышелъ на площадь. Моросилъ дождь. Кружево дворца дождей казалось декорацией. Хотѣлось въ тепло, скорѣе въ свою комнату изъ этой душной сырости.

Дома я засталъ письмо, принесенное съ почты, гдѣ я оставилъ свой адресъ. Жена снова ласково и настойчиво звала меня вернуться.

— Пора!—громко сказалъ я и, приказавъ приготовить счетъ, принялся укладывать чемоданъ.

Утромъ до поѣзда у меня оставалось время, и я въ послѣдній разъ отправился къ русскому синьору.

Онъ встрѣтилъ меня у дверей своей лавки.

— Синьоръ такъ рано всталъ? — удивился онъ.

— Синьоръ уѣзжаетъ,—отвѣтилъ я и самъ удивился, какой радостью звучалъ мой голосъ.

Онъ не понялъ и стоялъ молча. Я хлопнулъ его по плечу.

— Я ѣду въ Россію, въ Петербургъ. Я увижу свою жену, увижу дѣтей.—Я засмѣялся. Но вдругъ вспомнилъ синьору Біанку.—Я хотѣлъ бы купить у васъ что-нибудь на память,—сказалъ я.

— Синьоръ не шутить? Синьоръ, правда, уѣзжаетъ?

Мы вошли въ магазинъ. Синьоры Біанки здѣсь не было.

— Я привезу Россіи вашъ поклонъ,—сказалъ я, и прибавилъ:—Мнѣ хотѣлось бы проститься съ бамбино и съ синьорой Біанкой.

— О, бамбино теперь не найти, а синьора Біанка въ церкви С.-Марка. Можетъ быть, синьоръ подождетъ?

Мнѣ вдругъ стало тоскливо, и не радовалъ уже предстоящій отъѣздъ.

— У меня нѣтъ времени ждать, къ сожалѣнію. Передайте имъ мой привѣтъ. Вотъ бамбино на сласти,—я далъ нѣсколько лиръ.—Я уѣзжаю неожиданно, получилъ письмо, меня зовутъ домой, я не успѣлъ ничего самъ ему купить. Ахъ!..—Я вдругъ замѣтилъ кружево, начатое синьорой Біанкой.—Продайте мнѣ это на память...

Синьоръ дѣловито осмотрѣлъ кружево и отвѣтилъ:

— Работа не кончена. Это, должно быть, на столъ салфеточка. Синьоръ, можетъ быть, возьметъ что-нибудь другое?

— Нѣтъ, нѣтъ, это прелестно,—я держалъ кружева въ рукахъ и не хотѣлъ отдавать.—И жена моя любить такія работы. Она сама по начатому будетъ кончать...

— Если синьоръ такъ желаетъ?...

Я заплатилъ ему и спустился съ лѣстницы.

— Синьоръ вернется еще въ Венецію?

— Врядъ ли. Пейте мой чай. Не забывайте меня совсѣмъ.

Мы поцѣловались и я выбѣжалъ на площадь.

У меня оставалось еще четверть часа. Передъ храмомъ С.-Марка красовались флаги. Я вспомнилъ, что сегодня—праздникъ. Послѣ минутнаго раздумья я вошелъ въ церковь св. Марка. Молящихся было мало. Полутьма. Тишина. Я подошелъ къ боковому притвору и внезапно въ двухъ шагахъ отъ себя увидѣлъ знакомый узелъ темныхъ волосъ, изгибъ шеи... Синьора Біанка стояла на колѣняхъ, поднявъ лицо къ куполу, въ пламенной молитвѣ.

О чемъ молилась она? О дочкѣ своей, о любимой Венеціи, а, можетъ быть, обо мнѣ, о чужомъ русскомъ, вошедшемъ на минуту въ ея тихую жизнь?

Она повернула слегка голову, и я въ послѣдній разъ, какъ тогда на пароходѣ, увидѣлъ ея усталое лицо и большой увядшій ротъ.

Затѣмъ я нечаянно для себя перекрестился и, не оглядываясь, вышелъ изъ церкви.

Венеція. Апрѣль 1914 г.

ВЕСЕННИЕ ДНИ.

I.

Всякій разъ, когда Викторъ Павловичъ, поворотивъ за уголь, видѣлъ этотъ темно-шоколадный домъ, когда кучерь, ловко осаживалъ красавчика у привычнаго подъѣзда, когда старый швейцаръ Пантелей въ выцвѣтшей ливреѣ ласково раскланивался съ нимъ, когда, наконецъ, лукавая Даша, какъ-то многозначительно улынувшись, говорила: «Пожалуйте въ маленькую гостиную, барышня сейчасъ выйдутъ»,—все это неизмѣнно и уже какъ-то привычно радовало и волновало Виктора Павловича Тарасова, три недѣли назадъ сдѣлавшаго Наденькѣ Минаевой предложеніе, принятое благосклонно и невѣстой и ея родителями, хотя свадьба и откладывалась по нѣкоторымъ семейнымъ обстоятельствамъ до Красной Горки.

Такъ же, какъ всегда, быстро взбѣжавъ на третій этажъ, Викторъ Павловичъ въ темной передней задохнулся отъ волненія и подъема по крутой лѣстницѣ. Не Даша сегодня, а толстая няня Агафьюшка участливымъ баскомъ сказала:

— Пройдите, батюшка, невѣстуха съ утра обрягается, не запоздали бы, смотри.

И онъ прошелъ по знакомымъ и милымъ комнатамъ, освѣщеннымъ мартовскимъ солнцемъ сквозь тюлевья занавѣски, мимо чинной залы съ люстрой въ чехлѣ, мимо узкой диванной, мимо попугая въ золоченой клѣткѣ, въ маленькую угловую гостиную, изъ которой завѣшанная портьерой дверь вела въ комнату Наденьки.

Пока герой нашъ, теребя нервно усъ, прохаживается большими шагами по мягкому ковру и тщетно прислушивается, останавливаясь посреди гостиной, къ страннымъ звукамъ изъ соседней комнаты, ничѣмъ, кромѣ нетерпѣливаго покашливанія, не рѣшаясь дать знать о себѣ,—мы, любезный читатель, такъ какъ для насъ нѣтъ запретовъ, проникнемъ въ голубую съ розовыми занавѣсками на окнахъ, на кровати и туалетѣ дѣвичью спальню, въ которой Наденька, еще совсѣмъ не одѣтая, съ голыми руками, распущенными косами, сидитъ въ креслѣ и горько, беззвучно плачетъ, тогда какъ ея наперсница Даша, держа зеленое атласное платье, тщетно старается утѣшить свою госпожу.

— Ну, полно, барышня. Вѣдь онъ-то ужъ здѣсь. Неловко,—шепчетъ Даша.

— Да что мнѣ за дѣло!—отвѣчаетъ Наденька, и, быстро взглянувъ въ зеркало на свои уже все равно распухшіе глаза, принимается плакать снова.

Видимой причиной этихъ слезъ были сушіе пустяки: замѣчаніе татап, что нужно торопиться, такъ какъ неловко заставлятъ ждать жениха; новое платье, которое почему-то казалось Наденькѣ испорченнымъ. Что-то еще въ такомъ же родѣ. Другія же причины, почему уже нѣсколько дней Наденька скучала, капризничала, плакала совершенно неожиданно по цѣлымъ часамъ—были еще неизвѣстны, пожалуй, и ей самой.

Ей было всего семнадцать лѣтъ; идти за Тарасова ее не неволили; напротивъ, упорное ухаживаніе молодого гусара принималось сначала стариками Минаевыми неодобрительно, и только, когда Наденька сама заявила, что Тарасовъ сдѣлалъ предложеніе, ею принятое,—родители, будучи правилъ гуманныхъ, согласились, тѣмъ болѣе, что противъ состоянія, отличной карьеры, спокойнаго нрава жениха трудно было что-либо возразить.

Наденькѣ правилась почтительная влюбленность этого высокаго, нѣсколько сумрачнаго офицера, ей было немножко страшно, когда онъ въ первый разъ просто и прямо, послѣ третьяго бала, на которомъ они были вмѣстѣ, заговорилъ о женитьбѣ. Потомъ ей было забавно, когда всѣ родные и знакомые поздравляли ее, когда пріѣзжалъ женихъ, и ихъ старательно, хотя не надолго, оставляли вдвоемъ, и онъ, конфузясь больше, чѣмъ она, по-французски рассказы-

валь о полковыхъ новостяхъ, осмѣливаясь едва-едва коснуться губами ея руки. А послѣдніе дни ей было все это какъ-то не то скучно, не то тягостно, и сама еще хорошенько не понимая того, что происходило въ ней, она томилась, зная, что измѣнить ничего невозможно, да даже не желая никакихъ измѣненій.

Заставивъ Виктора Павловича промаршировать по гостиной полчаса, Наденька вспомнила, что надо ѣхать въ концертъ, и, вымывъ лицо, подпудрившись, убѣдившись, что заплаканные глаза не дѣлаютъ ее особенно безобразной, торопя Дашу, быстро одѣлась и, застегивая перчатки, уже въ шляпѣ вышла къ жениху.

— Вотъ карточка, которую я обѣщался привезти вамъ!—поздоровавшись, сказалъ Викторъ Павловичъ, подавая конвертъ.

Наденька бѣгло взглянула на безусое тонкое лицо съ полузакрытыми глазами молодого, почти мальчика въ гусарскомъ мундирѣ, и протянула:

— Такъ вотъ какой Вернеръ, спасибо.

И, уже совсѣмъ повеселѣвшая, улыбнулась не то жениху, не то портрету, не то своимъ собственнымъ мыслямъ.

II.

Быстрая ѣзда по этимъ весенне-праздничнымъ улицамъ наполняла Наденьку радостью.

Хотѣлось ѣхать такъ долго, долго, улыбаться солнцу, отъ котораго больно было глазамъ, всѣмъ

проходимъ, казавшимся такими нарядными и веселыми, своему жениху, который, навѣрное, такъ счастливъ, сидя рядомъ съ ней, наконецъ, тому портрету, что для чего-то сунула она въ муфту, портрету незнакомаго офицера, о которомъ почему-то такъ много думала Наденька послѣдніе дни, никогда не выдавъ его.

Впрочемъ, Вернеръ—другъ Виктора Павловича, и именно о немъ чаще всего рассказывалъ Тарасовъ въ тѣ неловкія минуты, когда ихъ оставляли вдвоемъ.

Рассказывали о Вернерѣ, Впрочемъ, и другіе: кузень Жоржикъ, пользовавшійся своимъ правомъ родственника, чтобы нашептывать двумъ смысленные анекдоты, до которыхъ такъ падки барышни; Катя Полозова, слышавшая отъ своего брата о чудачествахъ страннаго офицера, врядъ ли не массона и теософа. То безшабашнымъ гулякой,—героемъ многихъ весьма пикантныхъ приключеній, то чуть ли не святошею, обладающимъ огромной силой внушенія и проріцанія, участвующимъ въ какихъ-то тайныхъ мистическихъ обществахъ,—такимъ вставалъ Вернеръ изъ этихъ противорѣчивыхъ рассказовъ.

Послѣдніе дни, когда непонятнымъ томленіемъ была охвачена Наденька, часто безъ причинъ думала она о Вернерѣ, и настойчиво на всѣхъ собраніяхъ, въ театрѣ, на балахъ просила Виктора Павловича представить ей своего дру-

га, но случилось такъ, что Вернеръ не показывался тамъ, гдѣ ждала его встрѣтить Наденька, и гдѣ, какъ все говорили, обычно онъ бывалъ. Эта случайность еще больше раззадоривала любопытство вѣтренной невѣсты и временами ей казалось, что вся скука, вся тоска причиной своей имѣютъ именно эту неудачу. Казалось, что познакомится она съ нимъ и станетъ все иначе, опять будетъ любопытна и весела жизнь.

Странныя мечты бываютъ у молодыхъ дѣвушекъ въ эти безпокойные мѣсяцы приближающейся весны.

Наденькѣ было даже досадно, когда, наконецъ, остановились у подъѣзда Дворянскаго собранія, гдѣ давалъ концертъ знаменитый пѣвецъ, котораго она еще двѣ недѣли тому назадъ непременно захотѣла услышать.

— Какъ жалко, что пріѣхали. Такъ хорошо на улицѣ,—вдохнула она, и слегка обидѣлась, что женихъ не повялъ намека, не предложилъ, вмѣсто скучнаго, какъ казалось сейчасъ, концерта, поѣхать на острова, долго-долго ѣхать, сидя всегдѣ рядомъ, по весеннимъ аллеямъ; весело и неожиданно заѣхать въ какой-нибудь загородный ресторанъ, о которыхъ такъ много слышала Наденька. Смѣяться безъ причины, быть можетъ, смущенно поцѣловаться.

«Какой онъ скучный», досадливо подумала Наденька, а Викторъ Павловичъ, снисходитель-

но улыбаясь внезапному ея капризу, помогъ выйти изъ экипажа.

Первое отдѣленіе уже кончилось, когда они вошли въ залу.

Послѣ солнца и весенняго воздуха казалось въ большой залѣ душно и тускло, хотя все люстры сіяли.

Они постояли въ тѣсной толпѣ за колоннами. Эстрада, казалось, далеко-далеко, и пѣвецъ, затерявшійся на ней, казался крошечнымъ мальчикомъ. Голосъ его едва доносился. Въ двери все время входили, толкали, кто-то наступилъ на платье.

Сразу стало жарко, и знакомая безпричинная тоска охватила Наденьку.

— Ну, васъ, кажется, всегдѣ не восхищаетъ общій кумиръ. У васъ такой несчастный видъ, Надежда Алексѣевна,—наклонившись сказалъ Викторъ Павловичъ.

— Не мѣшайте мнѣ слушать, почти грубо отвѣтила Наденька, и тотъ удивленно и печально посмотрѣлъ на нее.

Пѣвецъ кончилъ подъ громъ аплодисментовъ, публика задвигалась; вызывали, здоровались, проталкивались къ своимъ мѣстамъ или, наоборотъ, къ выходу.

Пѣвецъ все еще кланялся, прижимая руки къ сердцу, наконецъ, вышла еще разъ хромая аккомпаниаторша, сѣла за рояль и онъ спѣлъ коротенькій романсъ.

Наденька и Тарасовъ стояли въ это время уже посерединѣ залы въ проходѣ и потому слышали лучше.

Какъ серебряный колокольчикъ, сладкій и чистый задорно звенѣлъ голосъ пѣвца, голосъ почти нечеловѣческой прелести, будто пѣніе какой-то небывалой птицы, и отъ этого голоса какое-то томленіе смутное и печальное охватывало, какія-то неясныя, странныя желанія пробуждались.

Наденька слушала и не замѣчала знакомыхъ, кивавшихъ съ разныхъ сторонъ, забыла, что рядомъ стоитъ женихъ...

Пѣвецъ уже кончилъ, аплодисменты смолкли, а Наденька все еще не могла очнуться. Какъ сквозь сонъ донесся до нея голосъ Виктора Павловича:

— Позвольте представить вамъ, Надежда Алексѣевна, моего лучшаго друга—Артура Филипповича Вернера.

Слова почти не дошли до сознанія, и только взглянувъ на стоявшаго передъ ней въ почтительной позѣ офицера въ гусарскомъ мундирѣ, страшно моложавого, на видъ почти мальчика, но уже съ усталыми складками около губъ и полузакрытыхъ глазъ, съ блѣднымъ тонкимъ лицомъ, Наденька подумала:

«Какое знакомое лицо. Кто это?»—и въ ту же минуту съ волненіемъ вспомнила: «Да вѣдь это Вернеръ».

— Я много слышалъ, Надежда Алексѣевна, о васъ отъ Виктора, одного изъ самыхъ близкихъ друзей моихъ. Я такъ счастливъ представиться вамъ,—тихо говорилъ Вернеръ.

— Я тоже, давно хотѣла,—вся вспыхнувъ, растерянно бормотала Наденька.

Всѣ три мѣста ихъ оказались рядомъ. Тарасовъ пошелъ здороваться со знакомыми, Наденька и Вернеръ сѣли.

Нѣкоторое время офицеръ молчалъ, и Наденька украдкой разглядывала его. Онъ былъ менѣе молодъ, чѣмъ на портретѣ; что-то неприятно-надменное и холодное было въ его лицѣ, только улыбка была нѣжная и дѣтская какая-то. На рукѣ Наденька замѣтила тоненькую золотую браслетку и черный перстень съ большимъ изумрудомъ на среднемъ пальцѣ правой руки.

— Я такъ завидую Виктору, видя васъ,—вымолвилъ Вернеръ.

Ожидая обычной любезности, Наденька сдѣлала недовольное движеніе.

— Не бойтесь,—улыбнулся онъ,—я не хочу сказать плоскаго комплимента. Я не знаю еще васъ, но уже самое слово «невѣста», это такое чистое, прекрасное слово, для меня недоступное.

Наденька съ удивленіемъ глянула на него. Будто давно знали они другъ друга, будто нѣжная дружба связывала ихъ, такъ просто и искренно говорилъ Вернеръ. Ей стало даже страш-

но; ей показалось, что онъ знаетъ, какъ много думала она о немъ; ей показалось, что и въ самомъ дѣлѣ что-то связываетъ ихъ.

— Почему же, почему же недоступное?—спросила она противъ воли.

— Потому что меня нельзя любить, нельзя любить свято и чисто, какъ невѣста жениха. Эти слова не для меня.

— А другія?—почему-то понизивъ голосъ, спросила Наденька.

Онъ приподнялъ тяжелыя вѣки, и въ первый разъ, кажется, глянулъ прямо въ глаза, какимъ-то острымъ взглядомъ.

Викторъ Павловичъ наклонился къ Наденькѣ.

— Надѣюсь, не соскучились съ моимъ милымъ Артуромъ.

III.

Наконецъ и Викторъ Павловичъ замѣтилъ, что что-то неладное творится съ Наденькой. То слишкомъ весела и шумна она бывала, точно стараясь скрыть нѣчто тайное подъ маской смѣха, то задумчиво тосковала, не могла удерживать слезъ безпричинныхъ, раздражалась, сердилась, потомъ просила прощенія. Но, какъ ни странно, именно эта неровность отношеній сблизила Тарасова съ его невѣстой. Онъ беспокоился за нее, искренно страдалъ, когда капризничала она и ссорилась съ нимъ, старался утѣшить,

развлечь и безмѣрно радовался, когда это удавалось ему. Чувствовалъ съ каждымъ днемъ, что по-настоящему дорога ему эта взбалмошная, съ непонятными порывами, дѣвочка.

Разъ какъ-то засталъ Тарасовъ Наденьку за непривычнымъ занятіемъ: возилась она съ толстой книгой «Весь Петербургъ», тщательно стараясь найти какую-то справку.

— Какой-нибудь модный магазинъ нуженъ вамъ. Дайте помогу,—съ улыбкой, видя безпомощность, съ которой водила розовымъ пальчикомъ по страницѣ Наденька, сказалъ Викторъ Павловичъ, и нагнулся къ книгѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сама. Да и не къ спѣху это,—торопливо захлопнула книгу Наденька, будто испугавшись чего-то.

Тарасову бросилась въ глаза на верху страницы фамилія «Веретенниковъ».

Тарасовъ, конечно, не обратилъ никакого вниманія на этотъ случай, но черезъ нѣсколько дней пришлось ему вспомнить о немъ.

Горничная провела его въ будуаръ Наденьки, и просила обождать. Онъ прошелся по комнатѣ и случайно остановился около маленькаго письменнаго столика. Нагнувшись, разглядывалъ давно знакомую карточку Наденьки въ дѣтствѣ. Потомъ взглядъ его упалъ на брошенный небрежно пустой лиловатый конвертъ.

«Да вѣдь это почеркъ Вернера», вдругъ узналъ онъ острыя буквы своего пріятеля. Даже

не повѣрилъ, взялъ конвертъ въ руки—знакомыми духами пахнуло на него. Сомнѣній быть не могло: Вернеръ писалъ его невѣстѣ. Вспомнилъ Тарасовъ и мелькнувшую фамилію Веретенникова, и быстро захлопнутую книгу, и странное смущеніе Наденьки.

— Что съ вами, вы такъ блѣдны?—спрашивала участливо Наденька, держа руку жениха.

— Я плохо себя чувствую, не совсѣмъ здоровъ,—бормоталъ онъ, и, глядя въ эти ясные, прозрачные глаза, съ мучительной тоской думалъ:

«Уже, уже обманываетъ. Что же дѣлать? Что же дѣлать! Вѣдь люблю ее больше жизни».

Онъ не только не спросилъ ничего, но даже боялся упомянуть фамилію Вернера, чтобы не выдать своихъ мучительныхъ подозрѣній. Наденька тоже не начинала разговора о Вернерѣ, будто забыла о немъ, будто никогда не интересовалась этимъ почти незнакомымъ офицеромъ.

За каждымъ словомъ, за каждымъ взглядомъ слѣдилъ Тарасовъ, презирая себя, не спалъ по ночамъ, и, наконецъ, рѣшилъ зайти къ Вернеру, самъ еще не зная, какихъ объясненій потребуетъ отъ своего друга.

Тарасовъ шелъ медленно, будто нерѣшительно. Послѣ ночи, проведенной въ тоскливомъ безпокойствѣ, чувствовалъ непріятную слабость.

Совсѣмъ по весеннему пригрѣвало это обманное мартовское петербургское солнце. Какъ весенніе цвѣты нѣжные и причудливые, замелькали на Невскомъ дамскія шляпы. Ласковый дулъ вѣтерокъ въ лицо, и Тарасовъ убѣждалъ себя, что мучительныя сомнѣнія его не что иное, какъ ревнивое воображеніе, что не могутъ же другъ и Наденька, эта дѣвочка съ лучистыми глазами, не могутъ они обманывать его. Вспоминалъ, какъ нѣжна и шаловлива была послѣдніе дни съ нимъ невѣста. Уже улыбался Тарасовъ, входя въ подъѣздъ Вернера.

— Баринъ дома? У него никого нѣтъ?—спросилъ весело Викторъ Павловичъ швейцара, уже разстегивая на ходу пуговицы пальто.

— Къ нимъ-съ барышня пришли,—съ угодливой почтительностью отвѣтилъ швейцаръ.

— Ахъ, такъ. Ну, я найду позднѣе,—вымолвилъ Тарасовъ, и вдругъ будто что-то обрвалось въ немъ.

«Ну, что за глупости,—почти вслухъ думалъ онъ,—какъ это можетъ быть? Какъ пошло съ моей стороны Богъ знаетъ что думать. Мало ли у него авантюръ. Да и ее не отпустили бы одну».

Отъ стыда за скверныя свои мысли даже покраснѣлъ Тарасовъ и, дойдя до угла, рѣшилъ повернуть, выйти на Невскій и заказать цвѣтовъ для невѣсты.

Онъ не дошелъ дома три до сѣраго особняка Вернера, какъ изъ знакомаго подъѣзда быстро

вышла дѣвушка. Тарасовъ узналъ коротенькую бархатную жакетку и голубую шляпку Наденьки.

IV.

Наденька объявила себя больной и не выходила изъ комнаты. Въ капотѣ и ночномъ чепчикѣ лежала она цѣлые дни на кушеткѣ, блѣдная и вялая. Запрещала открывать шторы, держала на колѣняхъ книгу, но не читала. Позвали доктора, старичка Ивана Васильевича, когда-то присутствовавшего при появленіи Наденьки на свѣтъ, опытнаго совѣтника во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Иванъ Васильевичъ постукалъ, посмотрѣлъ и объявилъ:

— Просто отъ весны капризничаетъ барышня. Малокровіе и все такое, конечно, есть, но вотъ свадьбу отпразднуемъ и пройдетъ весенняя лихорадка. Пока оставьте въ покоѣ да вотъ капельки давайте.

Наденьку оставили въ покоѣ, она лежала и думала, все вспоминала одно и то же. Утренній концертъ, сладкій тревожный голосъ пѣвца и острый блестящій взглядъ.

Потомъ письмо. Ахъ, это смутное, стыдное письмо, которое она не имѣла силъ перечитать. Два дня томительно-безпокойнаго ожиданія. На третій день отвѣтъ, всего нѣсколько строкъ, написанныхъ острымъ крупнымъ почеркомъ. По-

читательно ласково писалъ Вернеръ, за что-то благодарилъ, отъ чего-то предостерегалъ, общалъ, что черезъ пять дней уѣзжаетъ въ кругосвѣтное путешествіе, а когда вернется, то будетъ радъ стать преданнымъ другомъ жены своего любимаго товарища Виктора.

Дальше вспоминала Наденька свѣтлый радостный день. Она идетъ по улицамъ, точно опьяненная воздухомъ, цвѣтами, солнцемъ. Вотъ темный подъѣздъ, почтительно-удивленное лицо лакея, отворившаго дверь, и вотъ на порогѣ самъ Артуръ Филипповичъ Вернеръ въ какой-то сѣрой курточкѣ, дѣлающей его совсѣмъ мальчикомъ.

Они стоятъ по срединѣ большого свѣтлаго кабинета. Опустивъ глаза и слегка наклоняя голову, говоритъ Вернеръ:

— Я предчувствовалъ, я опасался, что можетъ такъ случиться. Я зналъ, что мнѣ надо было уѣхать недѣлю назадъ. Вы смѣлы, вы безразсудны, я люблюсь вами, но мнѣ страшно за васъ. Какъ легко отдаетесь вы власти этихъ обманныхъ весеннихъ дней, съ какой жестокой легкостью рѣшаетесь вы разбить столько жизней: свою, Виктора и мою. Впрочемъ, себя я не жалѣю, я бы съ радостью отдалъ мою жизнь, чтобы только были счастливы—вы и Викторъ. Вы еще не знаете всѣхъ опасностей, которыя грозятъ всякому, кто попытается нарушить ходъ событій. Но, что бы ни случилось, знайте, я го-

товъ пожертвовать всѣмъ, и никто никогда не долженъ знать о томъ, что случилось въ эти весенніе дни. Пусть это будетъ наша тайна. Берегите ее. Я же...,—онъ замолчалъ, и на секунду поднялъ глаза. Въ его лицѣ уже не было ничего надменнаго и холоднаго. Онъ взялъ дрожащую Наденькину руку.—Не волнуйтесь. Я знаю, что вы никогда не простите мнѣ этихъ минутъ. Возненавидите меня,—все равно, я навсегда останусь вѣрнымъ и преданнымъ.

Наденька не помнила, какъ она вернулась домой. Ей казалось, что она не переживетъ этого. Она хотѣла одного: умереть, чтобы не помнить, не думать все объ одномъ и томъ же. Три ночи она почти не спала, на четвертую заснула, и, проснувшись утромъ, вдругъ почувствовала такую веселую бодрость, что вскочила съ постели босикомъ, подняла гардину, увидѣла солнце и такъ обрадовалась, будто ничего ужаснаго не случилось. Черезъ минуту она вспомнила, но въ первый разъ за эти дни нашла легкомысленное утѣшеніе:

«Вѣдь этого же никто не узнаетъ. Онъ уйдетъ, я не буду съ нимъ встрѣчаться, и все будетъ хорошо».

— Ну, слава Богу, повеселѣла наша птичка,—говорила мать, когда Наденька въ свѣтломъ платьѣ вышла въ столовую.

— Это еще что такое,—промолвилъ старикъ Минаевъ, читавшій газету.

«Загадочное самоубійство. Вчера въ своей квартирѣ застрѣлился офицеръ гусарскаго полка Артуръ Филипповичъ Вернеръ. Причиной называютъ происшедшее за нѣсколько часовъ до этого въ одномъ изъ модныхъ ресторановъ столкновеніе съ офицеромъ Т., кончившееся вызовомъ на дуэль. Отказавшись отъ дуэли, Вернеръ пріѣхалъ домой и, не оставивъ никакой записки, застрѣлился».

Наденька сидѣла спокойно, только поблѣднѣла. Мать замѣтила это:

— Нужно было читать, разстраивать нашу дѣвочку,—раздраженно сказала она и добавила: вѣдь ты же, кажется, даже не знала этого Вернера. Что тебѣ за дѣло до него? Мало ли теперь стрѣляются.

— Конечно, конечно. Ты не безпокойся, мамочка. Какое мнѣ дѣло!—заговорила Наденька, и встала изъ-за стола.

«Пусть это будетъ наша тайна», вспомнила она слова Вернера.

Спб. Апрѣль 1913 г.

ДАЧА НА ОСТРОВАХЪ.

I.

Многочисленные знакомые и родные покойнаго Александра Павловича Ливерсъ были весьма удивлены, узнавъ, что вдова его, Наталья Николаевна, прислала управляющему письмо съ просьбой приготовить къ ея пріѣзду дачу на Крестовскомъ Островѣ, гдѣ, какъ она писала, предполагаетъ провести весь май, іюнь и іюль. Письмо это управляющій нашель нужнымъ показать теткѣ покойнаго Ливерса, Аннѣ Павловнѣ Мурыгиной, а отъ нея то извѣстіе о предполагаемомъ пріѣздѣ молодой вдовы распространилось уже среди всѣхъ знакомыхъ, и даже совсѣмъ не знавшихъ ни Александра Павловича, ни тѣмъ болѣе Наталью Николаевну.

Дѣло въ томъ, что именно на той самой дачѣ, купленной еще старикомъ Ливерсомъ для старшаго сына, годъ тому назадъ въ третью ночь послѣ свадьбы застрѣлился Александръ Павловичъ. О самоубійствѣ этомъ много было толковъ и разговоровъ, тѣмъ болѣе, что и внезапная женитьба Ливерса на никому неизвѣстной провин-

ціальной барышнѣ, съ которой онъ познакомился гдѣ-то за границей, и неожиданная смерть, необъясненная ни однимъ словомъ, и, наконецъ, поведеніе восемнадцатилѣтней вдовы, не обнаружившей особеннаго отчаянія въ этомъ трагическомъ происшествіи, все это было необычайно, даже въ наше время, когда событія странности самыхъ разнообразныхъ должны были бы, казалось, приучить не удивляться болѣе ничему.

Свадьба Ливерсовъ состоялась въ Тулѣ, гдѣ жили родители невѣсты, и не только не успѣли молодые сдѣлать визитовъ родственникамъ, но и печатные билеты, въ которыхъ извѣщалось о бракосочетаніи Александра Павловича и Натальи Николаевны, были получены въ тотъ же день, когда въ «Новомъ Времени» уже было напечатано другое извѣщеніе...

Выяснилось потомъ, что именно въ день смерти Ливерсъ самъ надписалъ свадебные билеты и самъ завезъ ихъ на почтамтъ.

Такимъ образомъ, познакомиться съ Натальей Николаевной никто не успѣлъ, и только на панихидахъ увидѣли ее въ первый разъ. Кое-кто изъ родственниковъ Ливерса подходилъ къ ней выразить свое соболѣзнованіе, но она была очень неразговорчива, даже суха, и сейчасъ же послѣ службы уходила въ свою комнату, предоставляя распоряжаться и занимать гостей Аннѣ Павловнѣ Мурыгиной. Впрочемъ,

это еще было понятно, но то полное пренебреженіе, которое обнаружила Наталья Николаевна къ родственникамъ мужа, было прямо-таки необъяснимо. На третій день послѣ похоронъ она уѣхала изъ Петербурга, не извѣстивъ даже Анну Павловну. Потомъ, зимой, пріѣхавъ вводиться въ наслѣдство (завѣщаніе въ пользу Натальи Николаевны Ливерсъ написалъ въ день смерти), она тоже не сочла нужнымъ никого изъ родныхъ навѣстить.

— И хорошо сдѣлала,—говаривала Анна Павловна:—и хорошо сдѣлала, что не вздумала нанести мнѣ визита. Я эту авантюристку вовсе не намѣрена считать вошедшей въ нашу семью. Бѣдный Саша! Онъ всегда былъ слишкомъ впечатлительный и увлекающійся. Я не хочу говорить ничего плохого, я не имѣю никакихъ данныхъ, но я увѣрена, увѣрена—знаете, этимъ внутреннимъ ощущеніемъ,—что въ этой ужасной трагедіи роль этой особы не очень красива. И, вы помяните мое слово, мы еще услышимъ о ней. Я не могу безъ содроганія вспомнить того ужаснаго дня. И подумать, что нашъ честный, добрый, несчастный Саша погибъ изъ-за какой-то наглой, развратной дѣвчонки!—такъ, разгорячась, говорила Анна Павловна Мурыгина всякій разъ, когда рѣчь заходила о Натальѣ Николаевнѣ.

Только отъ Ивана Сергѣевича, управляющаго всѣми дѣлами Ливерса, доходили свѣдѣнія о вдовѣ.

Онъ сообщилъ, что всю зиму Наталья Николаевна провела гдѣ-то подѣ Мюнхеномъ въ санаторіи не то для слабогрудыхъ, не то для нервно-больныхъ.

— Все это пустое ломанье,—замѣчала Анна Павловна,—никакихъ и болѣзней-то у нея нѣтъ.

Потомъ Иванъ Сергѣевичъ извѣстилъ о полученномъ письмѣ, въ которомъ говорилось, что никакого ремонта и измѣненій на дачѣ хозяйка просить не дѣлать. И, наконецъ, пятого мая не преминулъ по телефону сообщить, что вчера, четвертого мая, Наталья Николаевна изволила пожаловать. Прямо съ вокзала приѣхала на дачу. Обошла всѣ комнаты, всѣмъ осталась довольна, благодарила Ивана Сергѣевича, и нѣсколько разъ повторила:

— Ну, наконецъ-то я дома!

Расположенія комнатъ измѣнить не велѣла и на осторожные намеки Ивана Сергѣевича относительно спальни, сказала:

— Нѣтъ, не беспокойтесь, пожалуйста. Мнѣ будетъ очень удобно.

Выглядить Наталья Николаевна такой же молоденькой, развѣ слегка поплѣднѣла.

Все это кому лично, кому по телефону Анна Павловна не преминула тотчасъ же сообщить, раскрашивая протокольный рассказъ Ивана Сергѣевича всѣми цвѣтами радуги и негодованія.

— Нѣтъ, какой цинизмъ и издѣвательство,—возмущенно восклицала Анна Павловна.

II.

Наталья Николаевна вставала поздно, очень поздно, не раньше часа или даже половины второго. Въ небольшой уборной сейчасъ же за спальней бывало свѣтло и душно, бѣлый марморъ ванны и умывальника блестѣлъ невыносимо, въ цвѣтныя стекла солнце просачивалось какое-то тусклое. Натальѣ Николаевнѣ всегда вспоминалось лѣто, когда кругомъ горѣли лѣса, солнце было желтое, зловѣщее въ дыму и неподвижное.

Горничную Наталья Николаевна не звонила, сама умывалась, одѣвалась, причесывалась, такъ привыкла съ дѣтства въ большой небогатой семьѣ. Туалетъ свой совершала очень быстро, торопилась уйти изъ душной уборной и мрачной съ задернутыми портьерами спальни. Что-то не позволило ей совсѣмъ перебраться изъ этихъ двухъ комнатъ, но днемъ она никогда сюда не входила.

Въ столовой ее ждала Марія Васильевна, бывшая компаньонка матери Александра Павловича; теперь Марія Васильевна вела все хозяйство, смотрѣла за домомъ и прислугой. Это была еще дама не старая, сухонькая, быстрая, всегда веселая; отъ ея болтовни болѣла голова у Натальи Николаевны, хотя, не слушая ея быстрыхъ словъ, она только разсѣянно улыбалась.

Завтракать не хотѣлось, но Марія Васильевна, какъ хлѣбосольная хозяйка, усердно угощала, и, чтобы успокоить ее, приходилось ѣсть. Май въ томъ году стоялъ жаркій, и въ открытыя окна и дверь на круглый балкончикъ струился воздухъ теплый съ свѣжестью недалекаго моря, манящій какими-то веселыми прогулками, чѣмъ-то бездумнымъ и праздничнымъ.

Въ бѣломъ легкомъ платьѣ, въ гладкой съ косами вокругъ головы прическѣ, чувствовала себя на минуту Наталья Николаевна почти дѣвочкой, выбѣгала на маленькій круглый съ колонками балкончикъ,—но только стояло поглядѣть ей на этотъ будто застывшій садъ съ аккуратными клумбами и желтыми дорожками, отгороженный стальной рѣшеткой отъ сосѣдняго, такого же чиннаго и застывшаго сада, на пустынную въ этотъ часъ дорогу, на все это такое знакомое, гдѣ подъ жаркимъ солнцемъ будто все остановилось, замерло, вспоминала Наталья Николаевна тотчасъ, что ужъ не свободная, веселая дѣвочка она, Наташа Фирсова, а Наталья Николаевна Ливерсъ, вдова столь странно, столь ужасно погибшаго Александра Павловича, и тотчасъ замирало все въ ней и становилась она такая же застывшая, какъ пыльная деревья, какъ дача эта бѣлая. Стояла на бѣломъ балкончикѣ, у колонны, въ своемъ платьѣ ажурномъ, будто статуя, тонко отточенная искуснымъ художникомъ.

— Можетъ быть, въ городъ за покупками поѣдемъ, или такъ прокатиться?—говорила за ее спиной Марія Васильевна, всегда улыбающаяся какой-то сладкой, приторной, давно-заученной улыбкой.

Вздвогнувъ отъ ея словъ, Наталья Николаевна качала головой:

— Нѣтъ, нѣтъ, только не сегодня,—говорила она, и шла въ комнаты.

Дача просторная, восемнадцать комнатъ. Старикъ Ливерсъ любилъ говорить:

— Это тебѣ, Александръ, и для дѣтей, и для внуковъ, и для женъ ихъ, и для свояченицъ, на всѣхъ хватить. Люблю, чтобы шумно и весело жили всѣ вмѣстѣ.

Наталья Николаевна всѣхъ комнатъ даже не знала, а въ верхнемъ этажѣ была всего разъ, когда, приѣхавъ съ поѣзда, въ первый день послѣ свадьбы, смѣясь и шая, обѣжали они съ Александромъ Павловичемъ весь домъ.

Въ глубокихъ комнатахъ прохладно и сумрачно отъ шелковыхъ спущенныхъ шторъ. Мебель старинная, барская, купленная на аукціонахъ. Огромныя венеціанскія мутныя зеркала отражаютъ нѣсколько разъ Наталью Николаевну, неслышно проходящую по мягкимъ коврамъ, будто бѣлыя тѣни наполняютъ комнату.

Лѣниво бродитъ Наталья Николаевна по залѣ съ золочеными люстрами, по восточной курительной, зайдетъ въ кабинетъ съ огромнымъ

дубовымъ столомъ и рѣзными креслами, иногда въ библиотекѣ возьметъ случайно книгу, и, опустившись въ глубокое вольтеровское кресло, не то дремлетъ, не то мечтаетъ, разсѣянно пробѣгая глазами по строчкамъ гривуазнаго стараго французскаго романа, до которыхъ охотникъ былъ старикъ Ливерсъ.

Въ семь часовъ лакей Яковъ, напомаженный, нагло-почтительный, съ подведенными красивыми глазами, въ безукоризненномъ фракѣ, приходилъ, и, опуская голову, любуясь самъ собой, докладывалъ, что обѣдъ поданъ. Марія Васильевна, надѣвшая черное шелковое платье, напудренная, пододвигала изысканныя закуски, и, захлебываясь, рассказывала что-то.

Обѣдали долго и торжественно. Наталья Николаевна едва пригубливая изъ различныхъ наполняемыхъ Яковомъ стакановъ; Марія Васильевна выпивала ихъ цѣликомъ, щеки ея краснѣли, она болтала все развязнѣе и громче. У Натальи Николаевны въ вискахъ стучало, и хотѣлось бросить чѣмъ-нибудь въ нестерпимую болтунию, закричать, сдѣлать что-нибудь рѣзкое и грубое, но она слушала, улыбалась разсѣянно, и ѣла крупную, сладкую землянику, которую присылали каждое утро отъ Елисеѣва.

Послѣ обѣда Наталья Николаевна ѣхала кататься. Старомодная коляска медленно проѣзжала по мостамъ, мимо прекраснаго Каменноостровскаго театра, на Елагинъ, гдѣ такъ со-

блазнительно зеленѣли лужайки и море поблескивало между деревьевъ. Въ тѣсномъ ряду другихъ экипажей и автомобилей коляска дѣлала условный кругъ, и, уже не дожидаясь приказаній, кучеръ Андронъ возвращался обычной дорогой домой.

Наталья Николаевна вспоминала, какъ такъ же невозмутимо спокойно было толстое лицо Андрона съ расчесанной тщательно бородой и въ тотъ день, когда онъ встрѣтилъ ихъ на Николаевскомъ вокзалѣ, и когда везъ ее изъ Александро-Невской Лавры. Глядя на его коренастую спину, красный, въ скобку подстриженный затылокъ, почему-то вспоминала Наталья Николаевна всякій разъ одно и то же. Впрочемъ, уже наступало то тревожное время, котораго съ тоской и ужасомъ ожидала она каждое утро:— уже бѣлесоватая мгла сумерекъ опускалась и дѣлала всѣ предметы странно-четкими, неживыми.

Наталья Николаевна пила чай, прощалась съ Маріей Васильевной, и, отпустивъ горничную, начинала свою долгую прогулку по комнатамъ. Какъ призраки вставали передъ ней всѣ люди, слова, жесты. Цѣлый день, будто во снѣ, она не вспоминала ничего изъ того, что было. Сейчасъ она не могла да и не хотѣла уже отогнать странныхъ, каждый вечеръ однихъ и тѣхъ же видѣній.

III.

Въ семьѣ называютъ Наташу мечтательной. Она нѣ такая хохотушка, какъ Танечка и Анюта. Думала Наташа пойти на сцену; дни, недѣли, нѣсколько лѣтъ ни на минуту не переставая мечтала, во всѣхъ подробностяхъ видѣла, какъ она выйдетъ на ярко-освѣщенную сцену, видѣла каждый жестъ свой, слышала каждое слово. Въ театръ водили Фирсовыхъ рѣдко, почти не знала пьесъ Наташа, сочиняла сама, и всегда одну и ту же.

Она—принцесса, живетъ въ простой семьѣ, простая, какъ всѣ, никто не знаетъ, кто она, какая-то тайна тяготѣетъ надъ ея судьбой, никогда никому не должна она открываться, иначе страшная гибель грозитъ ей. На охотѣ лошадь сбросила принца; его приносятъ блѣднаго, слабаго, со сломанной ногой. Какъ простая служанка, ухаживаетъ за нимъ таинственная принцесса. Потомъ медленное выздоровленіе, первыя прогулки по саду рука объ руку. Любовь. Наташа знала, что не можетъ быть пьесы безъ любви. Сама не влюблялась, какъ сестры, въ товарищей братьевъ, прыщеватыхъ гимназистовъ и даже въ нее никто не влюблялся, но знала еще съ четвертаго класса, когда начала въ первый разъ сочинять свою пьесу, что безъ любви нельзя. Конца придумать Наташа не

успѣвала, да какъ-то и неясно представляла, что должно было бы быть въ концѣ, только чувствовала, что что-то страшное и сладкое.

Такъ мечтала худенькая, бѣленькая, будто изъ воска слѣпленная дѣвочка.

Шестнадцати лѣтъ Наташа кончила гимназію, о сценѣ какъ-то перестала думать, но о пьесѣ своей такъ привыкла мечтать, что невольно являлись картины, образы, и часто представляла себя загадочной принцессой, и ждала чего-то необычайнаго, что должно было случиться, когда бѣдная простая жизнь превратится въ чудесную сказку.

Надъ Наташей смѣялись, называли фантазеркой, но она только улыбалась про себя; впрочемъ, во внѣшнемъ, въ поступкахъ, словахъ, мало отличалась она отъ сестеръ; такъ же, какъ онѣ, любила незатѣйливыя деревенскія радости, когда на лѣто уѣзжали въ небольшую усадьбу Фирсовыхъ, такъ же танцевала на скромныхъ вечерахъ зимою, мечтала о новомъ платьѣ къ праздникамъ. Была совѣмъ, какъ всѣ, только легкая печать задумчивости ложилась на ея лицо. Вѣдь таинственная принцесса должна была терпѣливо нести бремя бѣдной обыденности, никому не смѣла открыть свою странную тайну.

Конца не было радостнымъ восклицаніямъ, когда однажды объявилъ Николай Степановичъ Фирсовъ своимъ домочадцамъ, что неожидан-

ная удача въ дѣлахъ позволяетъ имъ всѣмъ отправиться этимъ лѣтомъ за границу, куда уже давно совѣтовалъ ему докторъ поѣхать подлечиться. Наташа такъ же, какъ всѣ, обрадовалась въ первую минуту, а потомъ ей вдругъ сдѣлалось страшно. Почувствовала вдругъ, что начинается исполненіе того загадочнаго, сладкаго и страшнаго, что ей предназначено.

Послѣднюю ночь, которую провела она въ своей маленькой дѣвичьей комнатѣ, Наташа всю проплакала, прощаясь со всѣмъ простымъ, милымъ, къ чему такъ привыкла съ дѣтства и что навсегда—чувствовала, что навсегда—покидаетъ.

— Что съ тобой, Наташа?—спрашивали на другое утро всѣ поочередно и сестры, и мать, а Николай Степановичъ даже разсердился.

— Вотъ, думалъ удовольствіе доставить, на Божій свѣтъ вывезти, а приходится на кислыя фізіономіи смотрѣть. И глаза заплаканы. Какъ не стыдно!

— Я не буду, папочка милый, больше! Я рада ѣхать, только...—робко оправдывалась Наташа.

— Ну, что еще, только? Вѣчныя фантазіи. Не бойся, въ цѣлости назадъ привезу. Насидитесь еще въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ.

— Ужъ не влюблена ли ты въ Колю Перлова? Онъ такъ на тебя поглядываетъ нѣжно?—шепнула Танечка.

— Нѣтъ, ни въ кого не влюблена, и все это глупости!—спокойно сказала Наташа, вдругъ будто отрезвѣвъ и забывъ про таинственную принцессу и про то необычайное, что должно было произойти.

Радостно и безпечно принимала она все, и непривычную веселую сумятицу путешествія и новые большіе города, которые мелькали, какъ на кинематографическомъ полотнѣ, и, наконецъ, эту прелесть новизны, когда съ удивленіемъ, будто только что родившись, слышишь чужую рѣчь, видишь всѣ предметы, дома, деревья, даже солнце какими-то незнакомыми, новыми, заграничными.

— Вотъ,—съ торжествомъ говорилъ Николай Степановичъ:—вотъ вліяніе путешествія сказывается. Не узнать Наташу. Совсѣмъ другой человѣкъ. Всю эту мечтательность, блѣдную немочь, какъ рукой сняло. Смотрѣть пріятно, какая веселая, бодрая, здоровая стала.

Въ прелестномъ приморскомъ курортѣ должны они были провести двѣ недѣли.

Въ первый же день, когда Фирсовы сидѣли на верандѣ кафе, и громко по русской привычкѣ дѣлились впечатлѣніями, приподнявъ почти-тительно шляпу, подошелъ къ нимъ молодой человѣкъ, блѣдный, черноволосый съ какой-то сладостью большихъ полузакрытыхъ глазъ не то итальянца, не то еврея, и, робко улыбаясь, сказалъ:

— Простите, что рѣшаюсь побезпокоить васъ, но я такъ измученъ, такъ измученъ одиночествомъ. Услышалъ русскій говоръ, и не могъ удержаться.

— Пожалуйста,—сказалъ нѣсколько сухо Николай Степановичъ, котораго предостерегали отъ заграничныхъ знакомствъ.

Молодой человѣкъ стоялъ, опустивъ безпомощно руки, былъ онъ какой-то слабый, болѣзненный, Наташѣ онъ почему-то былъ жалокъ и непрятенъ. «Навѣрное, чахоточный», подумала она, но глядѣла на него пристально. Онъ тоже взглянулъ на Наташу быстрымъ пугливымъ взглядомъ.

— Позвольте тогда представиться, Александръ Павловичъ Ливерсъ,—сказалъ онъ тихо, будто застѣнчиво.

Наташу удивило, какъ вдругъ отецъ засуетился, сталъ любезенъ и почтителенъ.

— Это извѣстный миллионеръ, съ его конторой у меня большія дѣла,—шепнулъ Николай Степановичъ, пока Ливерсъ отошелъ достать себѣ стулъ.

У Наташи почему-то упало сердце, она опять вспомнила, что настало время начаться чему-то необычайному.

IV.

Отъ этой неомрачаемой лазури моря и неба, отъ ровнаго гравія пляжа, отъ бѣлыхъ платьевъ, постоянной музыки, всѣ дни казались одина-

ково праздничными. Свѣтлая, чуть-чуть лѣнивая бездумность охватила Наташу. Она даже особенно не радовалась, не восхищалась разнообразными удовольствіями. Она только улыбалась. Съ улыбкой засыпала, утомленная цѣлымъ днемъ на воздухѣ, съ улыбкой просыпалась, когда горничная поднимала штору, и больно слѣпило солнце. Поѣздки на автомобилѣ въ горы, факельныя шествія студенческаго феррейна, состязанія парусныхъ лодокъ, концертъ заѣзжей знаменитости, импровизированный балъ на песчаномъ кругу кургауза, все это смѣшивалось въ одно пестрое шумное зрѣлище, не давало минуты задуматься, оглядѣться.

Наташа почти не замѣчала, что Александръ Павловичъ Ливерсъ сдѣлался ихъ постояннымъ спутникомъ, что именно благодаря его внимательной предупредительности каждый день приносилъ какое-нибудь новое неожиданное развлеченіе. Было такъ много кругомъ людей, такихъ далекихъ, разноязычныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сближенныхъ звонкомъ къ обѣду, общимъ веселымъ бездѣльемъ. Но, не замѣчая Александра Павловича, Наташа привыкла къ нему. Она не дичилась его, если случалось сидѣть рядомъ, смѣялась надъ его шутками и никогда не вспоминала ни о своей принцессѣ, ни о странномъ появленіи Ливерса, ни о томъ необычайномъ, что должно было случиться, да и вообще ни о чемъ вспоминать, или думать, было некогда,

всегда надо было куда-то спѣшить, куда-то не опоздать, и веселая жадность къ новымъ удовольствіямъ не позволяла даже разглядѣть Наташѣ хорошенько Ливерса и только однажды, когда онъ не подошелъ во время утренняго кофе, не заговорилъ о программѣ этого дня, Наташа удивилась, почти испугалась.

— Гдѣ же Александръ Павловичъ?

— Что-то прихворнулъ Александръ Павловичъ,—отвѣтилъ Николай Степановичъ:—я къ нему заходилъ. Лежить въ креслѣ, говоритъ, слабость такая, что спуститься не можетъ. Вѣдь вотъ какой милый, предупредительный, только и заботы, чтобы сегодняшняя экскурсія изъ-за него не разстроилась. Вы бы къ нему, дѣвицы, зашли, какъ онъ всегда съ вами возится.

— Ну, это Наташа о немъ справляется, пусть сама и навѣщаетъ. Вѣдь онъ только для нея и старается,—съ неожиданнымъ раздраженіемъ сказала вдругъ Таня.

— Вотъ глупая дѣвчонка!—прикрикнулъ на нее Николай Степановичъ:—при чемъ тутъ Наташа, просто воспитанный и любезный человѣкъ. У васъ всегда вздоръ на умѣ.

— Ничего не вздоръ. Развѣ я не замѣчаю...—начала было Таня, но Николай Степановичъ совсѣмъ разсердился:

— Перестань, и чтобы я не слышалъ больше.

Кофе кончили молча. И въ первый разъ за все время жизни въ курортѣ встали изъ-за стола

недовольные и раздраженные. Таня и Анюта, обиженно шепчась, прохаживались, обнявшись, по садику. Николай Степановичъ ушелъ въ читальню; къ матери подошла старая болтливая французенка, а Наташа не знала, чѣмъ ей заняться. Какая-то досада отъ запальчивыхъ словъ сестры томила. Солнце казалось несносно жаркимъ. Было какъ-то безпокойно и скучно.

Наташа побродила по пляжу, прошла по пустыннымъ заламъ курзала и медленно стала подыматься по лѣстницѣ наверхъ, гдѣ помѣщались комнаты пансіонеровъ. Въ задумчивости она ошиблась этажемъ и долго шла по огибающему весь домъ коридору.

Въ самомъ концѣ коридора одна дверь была открыта, и она увидѣла стоящаго посреди комнаты Александра Павловича. Онъ былъ въ какой-то мягкой блѣдно-сиреневой курточкѣ съ низкимъ отложнымъ воротникомъ, и Наташу почему-то поразила блѣлая, страшно худая шея. Онъ смотрѣлъ на Наташу почти испуганно, и нѣсколько секундъ они молчали. Потомъ онъ заговорилъ слабымъ, срывающимся голосомъ, совсѣмъ непохожимъ на его обычный.

— Вотъ, хотѣлъ встать, да, видно, еще рано. Ужасная слабость.

Онъ улыбался какъ-то виновато, и, слегка пошатываясь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ креслу и опустился въ него, закрывъ глаза.

Наташѣ вдругъ показалось, что скоро-скоро,

можетъ быть, вотъ сейчасъ, этотъ блѣдный худенькій мальчикъ умереть, и, какъ бы желая чѣмъ-то помочь ему, она быстро вошла въ комнату и нагнулась почти къ самому совершенно блѣдному лицу его.

Открывъ глаза, Александръ Павловичъ заговорилъ:

— Спасибо, что навѣстили меня, хотя не стоило беспокоиться, вѣдь такъ скучно возиться съ больными.

Наташа слушала этотъ тихій, почти переходящій въ шопоть голосъ, видѣла это блѣдное лицо и бѣлую тонкую шею, и ей казалось, что это что-то знакомое, что вотъ такъ стояла она когда-то, нагнувшись къ креслу, въ которомъ лежалъ умирающій блѣдный неизвѣстный, но почему-то дорогой ей юноша. И это чувство сладко пронзающей жалости тоже когда-то она уже испытывала, но мучительно не могла вспомнить, когда все это было.

На бѣломъ столигѣ стоялъ стаканъ лимонада и лежала книга въ кожаномъ переплетѣ, синія жалюзи были спущены, въ комнатѣ было душно, пахло лекарствомъ и розами, Александръ Павловичъ сидѣлъ неподвижно, покорно сложивъ блѣдныя, будто восковыя, руки съ синими жилками.

Будто сонъ видѣла Наташа, хотѣла проснуться, и не могла. Вдругъ вспомнила: да вѣдь это—больной принцъ, котораго на охотѣ сбро-

сила лошадь. Досадно сдѣлалось Наташѣ отъ этой ребяческой мысли. А Александръ Павловичъ, пріоткрывъ глаза, улыбаясь, спрашивалъ:

— Вы что-то сказали? Я не слышалъ. Совсѣмъ раскисъ. Но къ вечеру лучше будетъ, вы не волнуйтесь.

Онъ будто зналъ, что должна Наташа за него волноваться, о немъ заботиться.

Наташа сердилась, но не могла избавиться отъ этой безпокойной жалости цѣлый день. Она заставляла себя быть веселой, смѣялась, была разговорчива, но все же чуть ли не всѣ знакомые поочереди ее спрашивали: «Вы чѣмъ-то обезпокоены?»

У Наташи отъ вопросовъ этихъ дрожало сердце, и краснѣли не только щеки, но даже уши.

Къ вечеру Александръ Павловичъ, поддерживаемый лакеемъ, спустился внизъ. Сидѣлъ въ креслѣ тихій, слабый, но какой-то сіяющій.

Шель дождь, а потому всѣ были въ комнатахъ. Механическое піанино играло танцы. Наташа танцевала до упада. Съ красивымъ итальянцемъ вальсировала такъ долго, что голова затуманилась, а тотъ, задыхающійся, прижималъ ее все крѣпче, шепча сладкія непонятныя ей слова. Потомъ она ходила съ нимъ подъ руку, и слушала, улыбаясь, какъ запыхавшійся итальянецъ, смотря на нее круглыми глазами, говорилъ патетически какія-то любезности.

— Я не понимаю по-итальянски!—вдруг расхохоталась Наташа прямо въ лицо озадаченному кавалеру, и, вырвавъ почти силой свою руку, она, смѣясь, подошла къ Александру Павловичу, котораго весь вечеръ почему-то избѣгала.

— Вы очень веселы сегодня,—сказалъ Ливерсъ, улыбаясь нѣжно и устало:—я такъ радъ. Я тоже сегодня счастливъ. Я угадываю по вашимъ глазамъ, что вы знаете, почему я такъ счастливъ. Не правда ли? Сегодня утромъ мнѣ казалось, что умру, а сейчасъ...—онъ слегка закашлялся, и Наташа была рада, что онъ не кончилъ своихъ словъ.

Ей сдѣлалось такъ страшно, ноги подкашивались, и въ душной залѣ сдѣлалось холодно ей. Итальянецъ смотрѣлъ на нее злыми и насмѣшливыми глазами, а Ливерсъ сидѣлъ, сложивъ руки, такъ же неподвижно, какъ утромъ. Наташѣ опять показалось, что онъ сейчасъ умретъ, и опять острая жалость пронзила сердце.

— Ну, какъ вы себя чувствуете, Александръ Павловичъ?—спросилъ участливо Николай Степановичъ, подойдя, и почему-то пытливо взглянувъ на Наташу.

— Мнѣ совсѣмъ хорошо,—встрепенулся Ливерсъ,—мнѣ совсѣмъ хорошо. Вотъ Наталья Николаевна такъ добра ко мнѣ.

Будто сквозь сонъ слышала Наташа слова Николая Степановича:

— Ну, а намъ черезъ недѣльку придется и домой собираться.

Будто не касались ея вовсе эти слова. Будто уже знала она, что не вернуться ей въ родную Тулу; что-то неизбежное, что должно было случиться, уже случилось.

V.

Наташа возвращалась въ Россію невѣстой. Врядъ ли бы сумѣла она рассказать, какъ это случилось. Послѣдняя недѣля прошла очень весело, опять безконечныя прогулки, поѣздки, танцы, музыка. Было бы грустно думать, что все это кончается, а теперь казалось, что Наташина свадьба, потомъ жизнь, такая необычайная, богатая, все это будетъ продолженіемъ веселыхъ безпечныхъ недѣль, проведенныхъ въ курортѣ.

Возвращались Фирсовы очень весело, даже, можетъ быть, веселѣе, чѣмъ ѣхали впередъ; благодаря Ливерсу, который ѣхалъ съ ними, путешествіе оказалось совсѣмъ легкимъ, неутомительнымъ и праздничнымъ.

Почему-то совсѣмъ не раздумывала Наташа—любить ли она Ливерса, или нѣтъ, что будетъ дальше. Просто было ей, какъ и всѣмъ, очень весело. Цѣлый день проходилъ въ бездумныхъ шуткахъ и смѣхѣ, не оставалась она съ женихомъ ни на минуту одна, не было между ними

ни разговоровъ, ни объясненій, будто все было давно рѣшено и непреложно.

Только мать иногда качала задумчиво головой и тревожно спрашивала:

— Какъ же это ты, Наташечка, такъ быстро? Человѣкъ-то онъ, кажется, хорошій, а все же...

Наташа же, не находя словъ для отвѣта, только цѣловала мать.

Въ Москвѣ Александръ Павловичъ разстался съ Фирсовыми, поѣхалъ въ Петербургъ устраивать дѣла, условившись, что приѣдетъ черезъ мѣсяць, въ августѣ, и тогда же свадьба. Простились легко и весело. Александръ Павловичъ поцѣловалъ, правда, руку на прощанье, но не только у Наташи, а и у Тани и Анюты, какъ братъ. Было видно изъ окна вагона, какъ шель онъ по платформѣ за уходящимъ поѣздомъ, улыбаясь, и помахивая шляпой. Потомъ замелькали какіе-то сараи, сады, наконецъ, поля и рощи. Фирсовы остались одни въ купе; какъ бы послѣ долгой разлуки снова всѣ встрѣтились. Почему-то всѣ чувствовали себя не совсѣмъ ловко. Покусывая сѣдоватый усъ, Николай Степановичъ промолвилъ:

— Такъ-то, Наташа, вотъ и невѣстой стала. А будешь милліонершей. Просто и не вѣрится.

Мать заплакала. Таня и Анюта внимательно смотрѣли въ окна, а Наташа странно ничего не чувствовала, сама даже этому удивляясь, ни радости, ни горечи, ни даже простого волненія.

Въ Тулѣ не останавливались, проѣхали прямо въ имѣнье. Зажили, какъ всегда, лѣниво-радостной деревенской жизнью. Только Николай Степановичъ былъ очень веселъ, не скупился на расходы, да во флигелѣ поселилась самая лучшая тульская портниха съ двумя мастерицами. Шила и для Наташи, и для Тани съ Анютой. Было такъ необычайно, весело выбирать по журналамъ платья, не одно, а сразу чуть не десятокъ.

Какъ всегда, приѣзжали гости, катались на лодкѣ, играли въ крокетъ, а вечеромъ часто танцевали. И опять цѣлый день смѣялись.

Александръ Павловичъ писалъ довольно часто, его письма были очень интересны. Наташа почти всегда читала ихъ Танѣ и Анечкѣ; такъ много въ нихъ было остроумныхъ замѣчаній, красивыхъ описаній. Ливерсъ описывалъ свой домъ, острова, прогулки, которыя онъ совершалъ, одиноко мечтая. Подробно рисовалъ всѣхъ знакомыхъ и родныхъ, съ которыми видѣлся. Наташѣ нравился его неровный женскій почеркъ, нѣжные духи толстой англійской бумаги.

Совсѣмъ незамѣтно пролетѣли эти лѣтніе дни. Вечера уже становились темными, пригорки зажелтѣли спѣлой рожью. Стоя какъ-то въ комнатѣ, гдѣ работала портниха, и примѣряя толстаго шелка бѣлое платье, Наташа, какъ бы очнувшись, вдругъ вспомнила, что платье это—подвѣчное, и скоро уже, скоро все измѣ-

нится. Въ первый разъ какъ-то ясно поняла Наташа, что этотъ почти незнакомый человекъ будетъ ея мужемъ, она будетъ жить вдвоемъ съ нимъ въ его домѣ, онъ будетъ цѣловать ее, говорить ей «ты». Обо всемъ этомъ она какъ-то не думала, и тутъ вдругъ представила. Казалось это невозможнымъ, было жутко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сладко.

— Значить, онъ любить меня, а я его?— почти вслухъ произнесла она, такъ что портниха, ползавшая по полу съ булавками во рту, вопросительно подняла глаза на нее.

— Кажется, рукавъ рѣжетъ,—вся вспыхнувъ, досадливо промолвила Наташа.

— Ну, барышня, этого быть не можетъ. Рукава свободнѣй свободнаго,—отвѣчала портниха.

— А я говорю вамъ,—почти закричала Наташа, и слезы показались на глазахъ. Портниха посмотрѣла съ удивленіемъ, будто не узнавая, всегда такую тихую и деликатную Наташу.

Пришелъ, наконецъ, и день свадьбы. Въ домѣ стало тѣсно и суетливо, такъ какъ съѣхалось нѣсколько родственныхъ семей.

Женихъ долженъ былъ пріѣхать только въ самый день свадьбы. Наташины родители находили, что такъ приличнѣе и торжественнѣе.

Съ утра было пасмурно, и даже мелкій дождь накрапывалъ; все время Наташу окружали. Приходилось говорить о чемъ-то неважномъ, невольно мысли разбѣгались и только голова была

слегка тяжелой, можетъ быть, отъ слишкомъ туго закрученныхъ папильотокъ.

Въ три часа пріѣхалъ Александръ Павловичъ. Но Наташа его не видѣла. Ее уже одѣвали, портниха, сестры, пріѣзжія барышни. Отъ столькихъ помощницъ получалась безтолковая суетолока.

Изъ другихъ комнатъ приходили извѣстія, что Александръ Павловичъ пріѣхалъ совсѣмъ одинъ, что онъ очень веселъ, только блѣдный, видимо, уставшій съ дороги.

Къ пяти часамъ невѣста и ея подруги, наконецъ, были готовы.

Наташа ѣхала съ шаферомъ, двоюроднымъ братомъ, студентомъ. Онъ болталъ что-то съ преувеличенной веселостью, видимо смущенный необычайностью положенія. Погода разгулялась и солнце золотило далекіе пригорки сжатой ржи. Знакомой дороги до церкви Наташа не узнавала и съ какимъ-то любопытствомъ разглядывала, все запоминая, и видъ на село, когда въѣхали въ гору, и мальчишекъ у отводовъ, кричащихъ: «Гостинца!» и парня въ красной рубашкѣ, играющаго на гармоникѣ, и церковь, низкую, деревянную, потемнѣвшую, все запоминая съ необычайной точностью.

У всѣхъ лица были озабочены и серьезны, и Наташѣ казалось, что среди всѣхъ этихъ встрѣтившихъ ее не было ни одного знакомаго лица.

Наташу вводятъ въ церковь. Нестройный звонкій хоръ поетъ ей привѣтствіе. Кто-то блѣдный, въ черномъ фракѣ, стройный, идетъ къ ней навстрѣчу. Только вставъ рядомъ съ нимъ около аналоя, вдругъ вспоминаетъ Наташа, что это— женихъ ея, Александръ Павловичъ Ливерсъ. Ей дѣлается почему-то смѣшно, но, взглянувъ на Ливерса, такого блѣднаго съ глубокой синевой около глазъ, опять, какъ на курортѣ, думаетъ Наташа, что онъ скоро умретъ, и мучительная жалость охватываетъ ее. Жалость и страхъ, почти ужасъ. Она крестится быстро. Свѣча капаетъ ей на платье. Когда священникъ соединяетъ ихъ руки, Наташа чувствуетъ, какъ холодная, влажная рука ея жениха дрожить, и, стараясь успокоить его и подбодрить, она крѣпко сжимаетъ его руку.

Молодыхъ поздравляютъ. Мужчины цѣлуютъ Наташѣ руку. Она стоитъ на амвонѣ, выше всѣхъ, рядомъ съ ней мужъ ея. Какая-то горделивая радость наполняетъ Наташу.

Черезъ нѣсколько минутъ они ѣдутъ въ мягкой коляскѣ. Александръ Павловичъ въ пальто и круглой черной шляпѣ дѣлается совсѣмъ такимъ, какъ за границей.

Спускаются сумерки. Багровая полоса догораетъ за синѣющимъ на горѣ лѣсомъ. Вѣтеръ развѣваетъ волосы и ласкаетъ лицо. Они разговариваютъ просто и весело, будто ничего не случилось. Говорятъ другъ другу «вы» и много

смѣются. Александръ Павловичъ рассказываетъ про Петербургъ. Рассказываетъ, какъ они будутъ жить сначала на Островахъ, потомъ на городской квартирѣ. Спрашиваетъ Наташинаго мнѣнія.

— Вѣдь вотъ ужъ теперь ничего не могу рѣшать самъ!—говоритъ Александръ Павловичъ и улыбается.

Наташа вся вспыхиваетъ отъ какого-то восторга. Ей хочется зашѣть, закричать, захлопать въ ладоши.

Вечеромъ послѣ ужина молодые уѣхали въ Тулу и съ ночнымъ поѣздомъ въ Петербургъ.

VI.

Эти первые часы, проведенные молодыми наединѣ, были странны. Въ Тулѣ ночью, прохаживаясь по темному перрону, подойдя къ самому концу платформы, около водокачки, они поцѣловались. Правда, ихъ заставляли уже цѣловаться и въ церкви и во время ужина, но тѣ поцѣлуи были холодные, вынужденные. Они поцѣловались, и будто испугались чего-то.

— Тебѣ не холодно, милая?—спросилъ совсѣмъ шопотомъ Александръ Павловичъ, и голосъ его былъ какой-то новый, совсѣмъ незнакомый.

Наташѣ было страшно чуть-чуть и отъ этого неожиданнаго поцѣлуя и отъ шопота прерыви-

стаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ сладко, и, сама понижая голосъ, она прошептала: «мнѣ хорошо».

Они стояли, прижавшись другъ къ другу, и опять какъ бы случайно ихъ губы встрѣтились. Было такъ темно, что даже глазъ мужа своего не видѣла Наташа.

Пришелъ поѣздъ. Стало свѣтло и суетливо на платформѣ. Наташа и Александръ Павловичъ были опять, какъ веселые товарищи. Уже сидя въ вагонѣ, они долго болтали о всевозможныхъ предметахъ, какъ люди, встрѣтившіеся послѣ долгой разлуки. Наташѣ захотѣлось пить, и Александръ Павловичъ побѣждалъ на станцію за апельсинами. Только когда въ окно уже заблѣл тусклый разсвѣтъ, Наташа, прикурнувъ въ уголь, задремала какъ-то незамѣтно на полу словѣ. Александръ Павловичъ заботливо укуталъ ее пледомъ и вышелъ въ коридоръ.

Весь слѣдующій день въ вагонѣ они были усталые и вялые. У Наташи болѣла голова и, когда Александръ Павловичъ, послѣ завтрака, сидя, задремалъ, Наташа неожиданно для самой себя заплакала. Ей стало грустно отъ мысли, которая какъ-то не приходила въ голову всѣ эти дни, отъ мысли, что она надолго, быть можетъ навсегда, рассталась съ матерью, отцомъ, съ сестрами, съ этой ровной тихой провинціальной жизнью. Она старалась плакать совсѣмъ тихо, но все же Александръ Павловичъ очнулся, и бросился къ ней.

— Наташа, моя милая, что съ тобой, не нужно...—беспомощно говорилъ онъ, и ставъ на колѣни, бралъ руки, которыми она закрывала лицо, цѣловалъ и такъ нѣжно, такъ ласково утѣшалъ, что Наташѣ уже не казалось, что она одинока, что оставлена одна для новой шумной, незнакомой жизни.

Къ вечеру пріѣхали въ Петербургъ. Ясными розовыми сумерками проѣхали они по всему городу, такому необычному съ его дворцами, каналами, Марсовымъ полемъ, полному такого волнующаго очарованія, воплотившему самыя несбыточные мечты.

Наташа почти съ испугомъ разглядывала вечернюю толпу, сіяющія окна магазиновъ, блистательный мостъ черезъ Неву.

Было уже почти темно, когда они подъѣхали къ бѣлому съ колонками дому Ливерса. Ихъ встрѣтила, присѣдая низко, Марія Васильевна. Въ большихъ комнатахъ Наташа сразу стала робкой, и хоть Александръ Павловичъ старался шутить, показывалъ оживленно весь домъ, любимыя вещи свои, но была какая-то неловкость и, казалось, что чувствовалъ это даже лакей Яковъ, подававшій изысканный ужинъ.

Послѣ ужина постояли на маленькомъ балкончикѣ.

— Ты устала, милая. Не хочешь ли пойти отдохнуть? Вѣдь ты не видѣла еще спальни,—сказалъ Александръ Павловичъ.

Отъ этихъ словъ вспыхнула Наташа. Она, никого не поцѣловавшая до свадьбы, конечно, что-то знала, что-то угадывала изъ того таинственнаго и страшнаго, что несетъ съ собою любовь.

У туалетнаго столика горѣли свѣчи. Наташа отослала горничную, и, стараясь не глядѣть въ зеркало, такъ какъ пугало ее собственное лицо, такое блѣдное, такое измѣнившееся, причесалась на ночь. Александръ Павловичъ, поцѣловавъ жену въ лобъ, неопредѣленно сказалъ, что ему надо заняться въ кабинетѣ разборкой писемъ.

Наташа, вся дрожа въ этой высокой большой комнатѣ, быстро раздѣлась и спряталась подъ одѣяло. Ей было тоскливо и жутко, минутами ей даже хотѣлось, чтобы скорѣй пришелъ Александръ Павловичъ, и голосомъ своимъ нарушилъ эту мрачную тишину.

Но Александръ Павловичъ не шелъ и рядомъ кровать уныло бѣлѣла подушками и простыней. Истомленная предыдущей бессонной ночью, Наташа забывалась, и снова просыпалась, но было такъ же тихо, только свѣчи оплывали на столикѣ. Наташа рѣшилась наконецъ погасить ихъ и, шепча въ темнотѣ молитву, которыхъ давно ужъ не произносила, вся сжавшись въ комочекъ, наконецъ, согрѣлась и уснула.

Наташа долго не могла понять, что съ ней, гдѣ она, когда проснувшись утромъ увидѣла себя лежащей въ большой краснаго дерева кро-

вати, увидѣла комнату, обитую синимъ шелкомъ съ бѣлыми ромашками. Какъ смутный сонъ вставали картины вчерашняго дня; тяжелый и жуткій сонъ.

Но вотъ въ дверь постучали, вошла горничная, пожелала барынѣ добраго утра и почтительно ждала приказаній. Наташѣ почему-то сдѣлалось стыдно ея, и, не рѣшаясь прямо отослать, она мучительно морщила лобъ, чтобы придумать предлогъ. Наконецъ сказала неожиданно для самой себя сухо:

— Вы не нужны мнѣ пока, я позвоню.

И, когда горничная почтительно и нѣсколько испуганно поклонившись вышла, Наташа вдругъ поняла, что это не сонъ, что эта комната, этотъ домъ, много другихъ вещей принадлежать ей, и что, какъ настоящая принцесса, можетъ она приказывать и распоряжаться. Такая радость наполнила сердце, такъ радостно ярко показалось солнце, и только внезапная мысль объ Александрѣ Павловичѣ смутила.

Наташа, накинувъ шелковый капоть, сидѣла передъ туалетнымъ столикомъ, когда въ дверь опять постучали. Думая, что это горничная, Наташа раздраженно крикнула: «Войдите», и, увидѣвъ въ зеркалѣ глубокую злую складку между бровей, сама удивилась на свое лицо.

— Здравствуй, милая, — какъ-то неувѣренно заговорилъ Александръ Павловичъ, не безъ робости и удивленія взглянувъ на Наташу, видимо,

тоже подмѣтивъ неожиданную суровую складку между бровей.

— Какъ странно,—говорилъ Александръ Павловичъ:—какъ странно. Я почувствовалъ себя вчера худо, прилежъ на диванѣ и проспалъ всю ночь.

— Почему ты не позвалъ меня?—прервала Наташа и, вскочивъ, подбѣжала къ нему, смотря въ глаза ласково и тревожно, вдругъ чувствуя то знакомое чувство жалости, теперь какое-то сладкое и нѣжное.—Тебѣ было плохо и ты не позвалъ меня,—повторила она съ укоромъ.

— Спасибо, милая моя, заботливая. Но мнѣ сегодня такъ хорошо, такъ хорошо. Такъ радостно и свѣтло.—Онъ привлекъ Наташу къ себѣ, и такіе слабые, такіе нѣжные поцѣлуи его будто кололи ее, заставляя дрожать отъ сладкой мучительной истомы.

Весь этотъ день, такой ясный, по-осеннему прозрачный, провели они, какъ окутанные нѣжнымъ облакомъ. То безъ причины смѣялись, то вдругъ смущались и, проходя узкимъ коридоромъ, тайкомъ быстро цѣловались, будто преслѣдуемые любовники.

Днемъ ѣздили въ городъ, и вновь очарованіе этихъ стройныхъ широкихъ проспектовъ, золотого блеска Адмиралтейскаго шпица, простора площадей, это таинственное несказанное очарованіе Сѣверной Пальмиры овладѣвало ду-

шой Наташи, а Александръ Павловичъ, перебирая пакеты съ извѣстительными о ихъ свадьбѣ билетиками, читалъ адреса и рассказывалъ о многочисленныхъ знакомыхъ своихъ и родныхъ, среди которыхъ должна будетъ протекать новая, такая несхожая съ прежней, жизнь Натальи Николаевны Ливерсъ, владѣлицы многомилліоннаго состоянія.

Такъ мягко укачивали пружины коляски, и, касаясь нечаянно руки мужа, встрѣчаясь глазами съ его взглядомъ, испытывала Наташа неизвѣданный томительно-сладкій восторгъ.

Послѣ обѣда въ сумеркахъ рука объ руку долго ходили по желтымъ дорожкамъ сада, мимо багровѣющихъ клумбъ осеннихъ астръ. Ходили тихо, изрѣдка переговариваясь. Холодная догорала заря, домъ освѣтился электрическими лампами, и казалось, что въ столовой ждетъ много милыхъ близкихъ людей, весело сядутъ все за столъ, шумя и смѣясь.

Было странно сидѣть вдвоемъ за большимъ столомъ. Александръ Павловичъ почти ничего не ѣлъ, былъ блѣденъ и только глаза изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ выпыхивали. Наташа опять, какъ вчера, чувствовала себя среди этихъ большихъ комнатъ маленькой и потерянной. Какъ бы ища защиты, подошла она къ Александру Павловичу. Тотъ взялъ ея холодныя руки и сталъ цѣловать. Какими-то новыми были его поцѣлуи; отъ нихъ становилось жарко и стыдно.

Хотѣлось вырвать руки, но какая-то чужая воля подчиняла, а онъ уже обнималъ Наташу, и руки его были по новому сильны и властны, будто все тѣло охватывали онѣ, овладѣвая.

Послышались шаги—это шель лакей Яковъ убирать со стола. Не глядя на Наташу, сказалъ Александръ Павловичъ, почти приказаль:

— Ты пойдн ложись, и я сейчасъ приду.

Быстро раздѣлась Наташа. Все тѣло горѣло, въ вискахъ стучало, казалось жгли еще поцѣлуи, такіе жадные, новые казалось, обнимали сильныя властныя руки, и Наташа уже не противилась, не боялась, наплывало душное облако, падало сердце.

Въ сосѣдней со спальнѣй уборной раздались шаги. Наташа не подумала, а какъ-то догадалась, что это Александръ Павловичъ прошелъ туда черезъ боковую дверь изъ коридора. Сейчасъ онъ придетъ къ ней, и будетъ новымъ, чужимъ и страшнымъ. Наташа надвинула одѣяло и, будто желая спастись, закрыла глаза.

Ровно и странно стукнуло что-то въ уборной. Сама не понимая почему, Наташа выскочила въ одной рубашкѣ, босикомъ и бросилась въ уборную.

Въ плетеномъ соломенномъ креслѣ сидѣлъ, опустивъ на бокъ голову, Александръ Павловичъ Ливерсъ, и слегка дымилась бѣлая ночная рубашка возлѣ груди.

VII.

Не совсѣмъ хорошо чувствовала себя Наталья Николаевна. Знобило, и къ вечеру легкій жаръ ломилъ тѣло. Погода тоже испортилась. Часто шель дождь, съ моря холоднымъ вѣтромъ несло. Небо въ тучахъ, зелень вся приникла, съезжилась. Только тускляя ночи были попрежнему безпокойно свѣтлы. Марія Васильевна предложила уже послать за докторомъ, но Наталья Николаевна рѣзко воспротивилась. За обѣдомъ Марія Васильевна все менѣе и менѣе стѣснялась выпивать одинъ стаканъ за другимъ, румянилась и болтала много лишняго. Слова ея часто бывали просто-на-просто безстыдны. Наталья Николаевна едва терпѣла ея общество.

Послѣ обѣда кататься можно было ѣздить не всегда, и въ тѣ дни Наталья Николаевна приказывала затопить каминъ въ кабинетѣ, и сидѣла, кутаясь въ большой черный платокъ, съ ногами на диванѣ, зябкая и вялая.

Только передъ ужиномъ приходилъ къ ней лакей Яковъ, и потому Наталья Николаевна была очень удивлена, когда въ одинъ изъ такихъ дождливыхъ вечеровъ послышались въ залѣ шаги и, наконецъ, дверь открылась. Наталья Николаевна не вскрикнула только потому, что подлинный ужасъ всегда безмолвенъ—въ дверяхъ стоялъ Александръ Павловичъ Ли-

версь. Такія знакомыя блѣдныя черты рисовались въ полумракѣ на синемъ бархатѣ драпир; также сложены были руки, такъ же глаза едва поблескивали какимъ-то больнымъ внутреннимъ жаромъ изъ-подъ тяжелыхъ спущенныхъ вѣкъ.

— Простите, что рѣшился нарушить ваше уединеніе,—заговорилъ стоящій въ дверяхъ и голосъ этотъ, въ которомъ не была сладкой нѣжности Александра Павловича, а слышалась, наоборотъ, какая-то твердая насмѣшливость, голосъ этотъ привелъ въ сознаніе Наталью Николаевну, и она сдѣлала движеніе, какъ бы защищаясь или отгоняя нѣчто страшное.

— Я знаю, я могъ смутить васъ, такъ какъ мое сходство съ покойнымъ братомъ Александромъ, говорятъ, поразительно, и поэтому еще разъ принужденъ просить извиненія,—такъ говорилъ Павелъ Павловичъ Ливерсъ, все еще не двигаясь отъ дверей и только взглядомъ какъ бы пронзая насквозь Наталью Николаевну.

— Я весь этотъ годъ провелъ въ Калифорніи, и потому не могъ повидать васъ раньше. Последнее время мы рѣдко видѣлись съ братомъ, но все же мы были очень дружны, и я былъ страшно потрясенъ, узнавъ о несчастіи, хотя долженъ признаться, что почему-то оно не было для меня неожиданнымъ. Я пріѣхалъ сейчасъ къ вамъ прямо съ вокзала, я не могъ больше ждать, я долженъ узнать все, что произошло. Я—единственный, знавшій Александра не только

внѣшне, и я имѣю право узнать всю правду о немъ.

Павелъ Павловичъ говорилъ, будто приказывалъ что-то и уже совсѣмъ не казался Наталіи Николаевнѣ схожимъ съ ея покойнымъ мужемъ.

— Но я вижу, что я васъ сильно взволновалъ, простите, вѣдь вы знаете, у меня, кромѣ брата, никого близкихъ родныхъ нѣтъ, и теперь только вы одна сестра моя остались. Потому такъ снѣшилъ...—Онъ говорилъ ласково, улыбался, и опять странная двойственность ужасала Наталью Николаевну, то былъ онъ совсѣмъ Александромъ Павловичемъ, то вдругъ властнымъ, чего-то требующимъ, чужимъ.

Больше Павелъ Павловичъ не спрашивалъ о братѣ, говорилъ о себѣ, о своихъ путешествіяхъ, дѣлахъ, о своей тоскѣ и горделивыхъ желаніяхъ удвоить, утроить, удесятерить оставленные отцомъ капиталы.

Сидѣлъ онъ на диванѣ рядомъ съ Натальей Николаевной, и когда нагибался въ красноватомъ кругѣ свѣта отъ абажура, возникалъ тонкій, блѣдный, такой знакомый мучительно силуэтъ. Когда откидывался на спинку дивана, лица не было видно и голосъ, твердый и насмѣшливый, казался совсѣмъ незнакомымъ.

Павелъ Павловичъ остался ужинать, и за столомъ былъ простъ и веселъ, почти шаловливъ и опять казалось Натальѣ Николаевнѣ, что сидятъ они за ужиномъ въ первый день пріѣзда въ

Петербургъ, и почему-то не было уже страха передъ странной призрачностью этого веселаго незнакомаго человѣка и только сердце падало отъ какого-то сладкаго и жуткаго томленія.

Наталья Николаевна выпила всѣ стаканы, которые наливалъ ей Яковъ.

Прощаясь послѣ ужина, Павелъ Павловичъ поцѣловалъ ей руку.

— Я не понимаю, не понимаю,—промолвилъ онъ какъ бы въ раздумьѣ:—какъ могъ братъ, будучи любимъ вами, все же... Вѣдь вы любили его?—Онъ почти прошепталъ эти слова и настойчивый твердый взглядъ кольнулъ Наталью Николаевну.

— Я не знаю,—отвѣтила она, чувствуя, что кружится голова:—я не знаю, я такъ мало его знала. Но, кажется, да.

Она говорила, какъ во снѣ, будто вынужденная къ тяжелому признанію твердымъ взглядомъ насмѣшливо-острыхъ глазъ, трепещущая и блѣдная.

— Да, вы не знаете, любили ли его. Можетъ быть, это и было причиной...—спрашивалъ Павелъ Павловичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я готова была полюбить его, я готова была... онъ самъ...—почти крикнула Наталья Николаевна, пытаясь вырвать свою руку изъ руки Павла Павловича, но тотъ, еще разъ поцѣловавъ руку, сказалъ:

— Прощайте. Завтра я опять приѣду къ вамъ. Прощайте, сестричка.

Наталья Николаевна долго стояла у окна, глядя на тусклымъ мертвеннымъ свѣтомъ озаренныя деревья и, какъ бѣлесоватое пятно въ дали, воду залива.

Весь день провела Наталья Николаевна въ страшномъ безпокойствѣ. За завтракомъ Марія Васильевна, сообщая вычитанныя въ газетахъ новости, рассказала, что сегодня въ ночь ожидается появленіе кометы Галлея. День былъ свѣтлый, но безсолнечный. Наталья Николаевна бродила по комнатамъ, сжимая руки, и все казалось ей необычайнымъ, зловѣщимъ, но она была почти весела, повторяя про себя:

— Комета Галлея, комета Галлея!

Ей казалось, что вчерашняго вечера не было, не могло быть, что все ей приснилось, и твердый насмѣшливый голосъ, и властный блестящій взглядъ, и черты лица, такія знакомыя, почти забытыя (карточекъ послѣ Александра Павловича не осталось).

Она ждала вечера, какъ разрѣшенія мучительной загадки. Павелъ Павловичъ приѣхалъ гораздо раньше, еще засвѣтло. Когда онъ вошелъ, Наталья Николаевна не могла сразу поднять глазъ на него. Онъ поцѣловалъ руку, и что-то ласковое, нѣжное пробѣжало по всему тѣлу отъ этого поцѣлуя. Наталья Николаевна взглянула на него и удивилась. При дневномъ свѣтѣ

онъ совсѣмъ не такъ разительно былъ похожъ на Александра Павловича; гораздо крѣпче, грубѣе выглядѣлъ Павелъ Павловичъ, шея тонкая, но сильно загорѣлая, маленькія руки очень сильны, на блѣдныхъ щекахъ смуглый румянецъ, только улыбка такая же неопредѣленно нѣжная, да полузакрытые глаза.

Заговорилъ Павелъ Павловичъ просто, какъ съ давно знакомой, близкой, называлъ сестрицей. Вышли въ садъ, ходили мимо клумбъ, и Наталья Николаевна на минуту вспомнила такую же прогулку въ послѣдній вечеръ, но слова Павла Павловича, быстрыя и увлекательныя, отогнали смутное воспоминаніе. Разговаривая, Павелъ Павловичъ взялъ Наталью Николаевну подъ руку и держалъ крѣпко.

Когда сумерки перешли въ молочный туманъ, возвратились въ домъ.

— Не надо зажигать огня,—сказалъ Павелъ Павловичъ, когда они вошли въ кабинетъ:—въ темнотѣ вамъ легче будетъ рассказать все, что случилось. Завтра я уѣзжаю надолго, можетъ быть, навсегда. Я долженъ знать.

Наталья Николаевна опять чувствовала, будто въ магнетическомъ снѣ она должна повиноваться чьей-то волѣ и она заговорила:

— Я не знаю. Я ничего не знаю. Онъ былъ весь день очень веселъ и ласковъ. Онъ велѣлъ мнѣ идти въ спальню и сказалъ, что сейчасъ придетъ... Я ждала его и услышала выстрѣлъ. Я не знаю, что съ нимъ случилось.

Въ сумеркахъ долго молчали. Наконецъ, Павелъ Павловичъ промолвилъ:

— Вы не любите его. Это ужасная случайность, что все такъ случилось. А, скажите, кого-нибудь вы любите?

— Нѣтъ,—тихо отвѣтила Наталья Николаевна, не видя, но чувствуя, что Павелъ Павловичъ совсѣмъ близко уже около нея.

— Вы не любите его, но вы полюбите меня. Я ѣхалъ сюда, боялся, но, зналъ, зналъ навѣрное, что такъ будетъ.

Его голосъ уже не былъ твердымъ и наемѣшливимъ, какъ всегда. Лица не было видно, но, когда онъ обнялъ ее, Наталья Николаевна узнала руки, которыя уже обнимали ее, когда онъ поцѣловалъ ее, эти жадныя губы не были чужими. Она не противилась, она не помнила ничего, и только, вдругъ сама обнявъ его, прошептала: «Саша»—имя, которымъ ни разу не назвала она Александра Павловича.

VIII.

Опять стояли ясные душныя дни, а ночи были прозрачны и тусклы. Наталья Николаевна по-прежнему бродила по длинной залѣ, перебирала разсѣянно книги въ библіотекѣ, ѣздила послѣ обѣда кататься.

Только вечеромъ пробиралась по крутой лѣстницѣ во второй этажъ.

Въ первый разъ пришла она сюда въ тотъ вечеръ, который помнила теперь, какъ сквозь сонъ. Помнила прикосновеніе холодныхъ губъ къ рукѣ, когда въ передней провожала она Павла Павловича, помнила темное безпокойство, которое не позволило ей больше ни минуты оставаться одной въ пустыхъ комнатахъ.

На кругломъ стеклянномъ балконѣ горѣла свѣча въ тотъ вечеръ, и у стола, на которомъ стояли двѣ бутылки, сидѣла Марія Васильевна въ сиреновомъ капотѣ. Она не удивилась приходу хозяйки.

— Ну, вотъ, милости просимъ. А то сидимъ мы по своимъ угламъ, и скучно и страшно. Я вотъ комету сижу дожидаясь. Не угодно ли выпить,—и она налила стаканъ.

И уже не было для Натальи Николаевны жизни прошлой и настоящей. Бѣлый призрачный сумракъ окутывалъ со всехъ сторонъ круглый стеклянный балкончикъ. Отъ выпитаго залпомъ стакана горѣло горло.

Каждый вечеръ поднималась она теперь сюда, едва слушая пьяныя безсвязныя слова Маріи Васильевны, смотрѣла на застывшій сумракъ, и не знала уже, что было, а что только пригрезилось, и, покорная, не ждала ничего.

Венеція. Апрель 1914 г.

ВЪ МОНАСТЫРѢ.

I.

Въ просторной, ярко освѣщенной иконописной мастерской сидѣло нѣсколько послушницъ.

Работала, собственно, одна Маша. Она сняла шлыкъ, такъ что толстая свѣтлая коса ея упала до полу, загнула рукава ряски и осторожно на гладко выструганной дощечкѣ вырисовывала контуры Владычицы Казанской.

Никакъ не удавались руки, держація Младенца, и Маша уже нѣсколько разъ стирала рисунокъ и принималась снова старательно выводить тонкія линіи.

Остальныя же послушницы лѣнливо жевали яблоки и болтали.

— Ну, и тоска у васъ, дѣвушки,—говорила высокая, бойкая Феклуша:—не монастырь, а мурье какое-то. Только черемисскія рожи и видишь.

— Чего же тебѣ нужно, коли въ монастырь пошла?—возразила ей горбатая, почти дѣвочка

еще, съ блѣднымъ восковымъ лицомъ и большими удивленными будто глазами Настя.

— Чего нужно!—передразнила досадливо Оеклуша.—Много ты понимаешь, убогая. Нѣтъ, вотъ у насъ, дѣвушки, въ Зачатьевской, такъ къ празднику со всей округи съѣзжаются купцы, помѣщики сосѣдніе. Дня три ярмарка идетъ, да и въ будній день никогда гостиница пустой не стоитъ. Ужъ такъ-то весело!

— Вотъ и довеселилась, что къ намъ сослали,—насмѣшливо поддѣла одна изъ послушницъ, и всѣ засмѣялись.

— Ну, да съ вами не стоворишь, тетери. Только и радость у васъ, что яблоки воровать,—гнѣвно кричала Оеклуша.—Тихони, а на криворылаго Матвѣя заглядываетесь, какъ гусыни. Смотрѣть противно, а онѣ: «Матвѣюшка, голубчикъ».

— А ты не завидуй,—смѣялись дѣвушки.

Не любили онѣ Оеклушу, присланную изъ городской обители за легкомысленное поведеніе; считали ее гордячкой и модницей.

Споръ, вѣроятно, продолжался бы еще долго, если бы въ сѣняхъ не послышались шаги и шелестъ мантии игуменьи. Послушницы поспѣшили приняться за работу.

Войдя, мать Елисавета медленно перекрестилась и зоркимъ взглядомъ окинула дѣвушекъ.

Это была женщина, вовсе не старая, съ блѣднымъ, гордымъ лицомъ. Она подошла прямо къ

Машѣ и, ставъ за спиной ея, долго разглядывала рисункъ.

— Прилежная птичка моя,—ласково промолвила игуменья, погладила по головѣ и прошла къ другимъ.—Стыдились бы,—осмотрѣвъ работы, мало подвинувшіяся впередъ, сурово заговорила мать Елисавета.—Сторожа мнѣ, что ли, ставить за вами? Только языки точить знаете. Вотъ пошлю васъ на скотный. Мать Евлампія заведетъ порядокъ.

Долго еще отчитывала игуменья присмирѣвшихъ дѣвушекъ. Голосъ ея суровый, хотя и не громкій, звонко разносился по мастерской, и глаза злыми вспыхивали огоньками. Знали послушницы, что въ такія минуты готова была мать Елисавета, всегда такая сдержанная и тихая, придумать самое жестокое и позорное наказаніе провинившейся.

Не вмѣшивалась мать Елисавета ни въ хозяйство, ни въ обиходъ монастырской—все отдала подъ присмотръ строгой Евлампіи. Себѣ же оставила только иконописную, гдѣ иногда проводила по цѣлымъ днямъ; объясняя послушницамъ, какъ класть краски, какъ вычерчивать контуры. Не было для игуменьи занятія болѣе любезнаго сердцу, чѣмъ живопись, поэтому не прощала она здѣсь нерадѣнія и небрежности. Одна Маша въ такія минуты раздраженія своимъ прилежаніемъ и смѣтливостью могла смягчить гнѣвъ матери Елисаветы. Поэтому, дождавшись,

когда игуменья замолкла, Маша подошла къ ней, чтобы спросить указаній. Та стала объяснять, увлеклась и скоро успокоилась.

Отпустивъ Машу, мать Елисавета заговорила уже безъ гнѣва:

— Ахъ, дѣвушки, дѣвушки, все вы помышляете о мірскомъ, о радостяхъ и соблазнахъ и не знаете, что все тамъ суетно, обманчиво и минутно. Не цѣните вы радости невиннаго спокойствія, манить васъ призракъ суеты мірской, и не знаете, что нѣтъ мукъ горше пустоты сердца, вѣчно неуспокоеннаго.

Не вслушивалась Маша въ слова, слышала только голосъ матушкинъ, ласковый, успокаивающій и будто зачаровывающій, и становилось такъ сладостно, что хотѣлось плакать отъ непонятной радости. Дѣвушки, успокоившись, перешептывались и пересмѣивались.

Ярко горѣла большая всякая лампа, пахло красками и яблоками въ просторной мастерской. А когда взглянула Маша въ окно, увидѣла темное осеннее небо въ яркихъ звѣздахъ. Все такъ привычно и мило было; а съ разрисованной дощечки ласково и смутно еще, будто изъ тумана, нѣжныя улыбались губы Владычицы, тонко вычерченныя игуменьей.

Не упрекала уже мать Елисавета дѣвушекъ, ласково журчалъ ея голосъ, и ласково улыбалась она. Въ сладостномъ восторгѣ, взглядывая то на рисунокъ свой, то на матушку, не раз-

личала Маша ихъ улыбокъ; казалось ей, что обѣ одинаково улыбались, сладкую, непонятную, тихую радость обѣщая.

Маша такъ увлеклась работой, что долго не замѣчала какого-то шума на дворѣ, къ которому прислушивалась уже вся мастерская. Заливаясь хриплымъ лаемъ, рвались съ цѣпей монастырскіе псы; кто-то прошелъ поспѣшно мимо оконъ съ фонаремъ.

Мать Елисавета послала бойкую Оеклушу разузнать, что случилось. Дѣвушки побросали работу, съ нетерпѣніемъ заглядывая въ окна и прислушиваясь къ приближающимся голосамъ.

Наконецъ, брякнула дверь въ сѣнцахъ, и, тяжело волоча ноги, вошла мать Евлампія—казначая...

Спѣшно перекрестившись, она заговорила взволнованно:

— Матушка, пріѣзжіе тамъ. Помѣщикъ изъ Верхоярья въ городъ ѣхалъ, несчастіе съ нимъ. Разболѣлся дорогой. Пріюта, матушка, въ обители просить.

— Да онъ одинъ или съ кѣмъ?—спросила мать Елисавета.

— Дамочка съ нимъ какая-то, жена или родственница, не знаю. Съ вами, матушка, просить поговорить.

— Ну, что жъ,пусти ее, мать,—сказала игуменья.

Мать Евлампія вышла и черезъ минуту ввела даму. Сѣрое атласное манто ея раздувалось, голубой, съ золотымъ перомъ, диковинной формы колпачокъ съѣхалъ на бокъ. Видимо, дама была въ большомъ волненіи. Секунду она постояла въ дверяхъ, какъ бы не зная, съ какими словами слѣдуетъ обратиться къ игуменьѣ.

— Вотъ, матушка...—промолвила Евлампія.

Дама, какъ бы поймавъ нужное слово, заговорила быстро, часто, даже захлебываясь:

— Матушка (она произносила это слово очень часто, дѣлая какое-то странное, неподходящее выраженіе въ немъ):—матушка, я умоляю васъ прійти намъ на помощь. Господинъ Верхояровъ почувствовалъ себя вдругъ дурно въ дорогѣ. Онъ лишился сознанія, у него сильный жаръ, повидимому. До города сорокъ верстъ, возвращаться домой не ближе... Я умоляю васъ, матушка, пріютить больного. Завтра утромъ я пришлю доктора...

— А развы вы сами не предполагаете остаться при больномъ, сударыня?—тихо спросила мать Елисавета, слушавшая до сихъ поръ даму молча.

— Если бы вы знали, матушка, какъ больно мнѣ, что я должна покинуть милаго моего Васеньку, но я должна поспѣть къ ночному пароходу и завтра быть въ Нижнемъ. Я—актриса, матушка, и завтра вечеромъ должна играть. Если бы вы знали, матушка...—Дама по-театральному заломила руки, и кукольное ея личико, тщатель-

но подкрашенное, исказилось неподдѣльнымъ отчаяніемъ.

Послушницы съ любопытствомъ разглядывали неожиданную, невиданную посѣтительницу. Мать Елисавета, какъ бы защищая своихъ питомицъ, выступила впередъ:

— Не знаю, что вамъ сказать, сударыня. Обитель наша бѣдная, гостиныхъ комнатъ не имѣеть. Да и удобства предоставить больному мы не можемъ.

— Къ отцу Ивану,—вмѣшалась Евлампія:—думала помѣстить, да уѣхалъ онъ въ городъ, и дверь на запорѣ.

— Сжальтесь же, матушка,—заливаясь слезами, продолжала дама:—куда ночью намъ дѣться? Завтра же пришлю доктора, а черезъ два дня сама за нимъ пріѣду, буду ухаживать, если не оправится.

Казалось, мать Елисавета колебалась, что-то смущало ее, но, наконецъ, она промолвила твердо:

— Конечно, это долгъ нашъ принять болящаго. Прими, мать Евлампія, къ себѣ въ келью, у тебя просторнѣе будетъ, въ Машину свѣтелку помѣсти, а Машу къ себѣ возьми—потѣснитесь. Пойди, Машенька, приготовь все въ своей свѣтелкѣ, а вы, дѣвушки, принимайтесь за работу. Сохрани васъ Христось, сударыня,—отпуская даму, кончила игуменья.

Маша, собравъ краски, надѣла шлыкъ и пошла за Евлампіей.

Матвѣй открылъ монастырскія ворота, и тройка въѣхала во дворъ.

— Тише, Ѳедоръ, ради Бога, тише,—волновалась дама.

Обогнавшая Машу въ темной аллеѣ коляска, съ поднятымъ верхомъ, казалась гигантской.

Поспѣшая за ворчащей Евлампіей и взглядывая на темное осеннее небо въ звѣздахъ, думала Маша о томъ, какъ по разному глядятъ на эти же звѣзды невѣдомые милліоны людей, чья жизнь такъ необычайно далека отъ этой затерявшейся, среди полей и лѣсовъ, обители, отъ тихой радости скромной работы, ласковой улыбки матери Елисаветы,—улыбки, такой же, какъ у Владычицы Казанской; и эта тройка фыркающихъ коней, и эта женщина въ сѣромъ пальто, съ золотымъ перомъ на шляпѣ, этотъ больной баринъ— все это было изъ какой-то другой жизни, другого міра.

Смутно и тревожно было почему-то на сердцѣ Маши, когда подходила она къ знакомому крыльцу Евлампіевой келейки, у котораго темнѣла теперь коляска, и кучеръ Ѳедоръ съ монастырскимъ работникомъ Матвѣемъ неумѣло топтались, стараясь бережнѣе поднять больного, а голосъ дамы умоляюще звенѣлъ едва сдерживаемыми слезами:

— Осторожнѣе, ради Бога, осторожнѣе!

Въ ту минуту, когда Маша взошла на крыльцо, Ѳедоръ и Матвѣй вынесли изъ коляски больного.

При свѣтѣ фонаря разглядѣла Маша только безжизненно свѣсившіяся руки, и это непонятной жалостью и страхомъ наполнило ее. Быстро вбѣжала она по лѣстницѣ въ свою свѣтелку; не сразу нашла въ темнотѣ спички, лежавшія на одномъ и томъ же всегда мѣстѣ; не сразу дрожащими руками зажгла свѣчу. Хотѣла приготовить что-нибудь и не знала, за что приняться, а по лѣстницѣ уже слышались тяжелые шаги Ѳедора и Матвѣя.

Мать Евлампія не позволила положить больного на Машину кровать.

— На ивоческое ложе мужчину класть уставъ не позволяетъ, сударыня,—сурово сказала она дамѣ, которая было заикнулась, что на обитомъ ситцемъ деревянномъ диванчикѣ больному будетъ неудобно.

Подушки принесли изъ коляски, и больного, съ трудомъ раздѣвъ, уложили.

Онъ не приходилъ въ себя; съ заведенными мутными глазами лежалъ онъ неподвижно, и только губы, изрѣдка что-то шептавшія неясное, говорили о жизни.

Мать Евлампія засвѣтила лампаду передъ кіотомъ и вполголоса читала молитвы. Мужчины ушли внизъ. Дама, такъ, какъ была, въ шляпѣ и пальто, упала на колѣни передъ диваномъ и, обнявъ неподвижное тѣло, беззвучно плакала. Маша растерянно стояла въ дверяхъ.

Окончивъ молитву, Евлампія сказала:

— Вы не обезпокоивались бы, сударыня, и больного не тревожили.

— Да, да,—вытирая слезы, заговорила дама, поднявшись.—Пора ѣхать. Скорѣе доктора прислать... Да, да... а ночью вы посмотрите за нимъ, ради Бога,—умоляла она Евлампію.

— Не безпокойтесь, сама у него посижу. Богъ дастъ, оправится,—какъ бы смягчившись, отвѣтила Евлампія.

— И вы тоже поберегите его, дѣвушка,—неожиданно обратилась дама къ Машѣ:—вы тоже, умоляю васъ! Вася, милый мой, любимый!—И она опять стала на колѣни и долго не могла оторваться, покрывая поцѣлуями лицо, руки больного.

Мать Евлампія почти силой подняла ее и повела къ двери.

— Побудь минутку, сейчасъ справлюсь,—сказала она Машѣ.

Оставшись одна, Маша стояла, прислонившись къ косяку двери. Ей было страшно пошевелиться, взглянуть на больного. Она слышала, какъ тройка тронулась, хлопнула внизу дверь, и стало совсѣмъ тихо.

Вдругъ незнакомый голосъ произнесъ тихо, но явственно:

— Женя.

Маша вздрогнула; въ первую минуту она даже не поняла, что это голосъ больного. Непонятный

ужасъ охватилъ ее въ этой, такой привычной, милой свѣтелкѣ.

Больной пошевелился.

— Больно, больно... Зачѣмъ ты, Женя...—опять заговорилъ онъ въ бреду.

Маша пересилила свой страхъ и подошла къ дивану.

Больной лежалъ съ открытыми, но невидящими глазами. Онъ казался совсѣмъ мальчикомъ, безъ усовъ и бороды, съ гладко подстриженными волосами.

— Ахъ, какъ больно, Женя, какъ больно!—тоскливо говорилъ онъ и что-то просилъ жалобно.

— Что?—невольно спросила Маша, нагибаясь къ самому лицу и чувствуя, какъ жаромъ пахнуло на нее отъ горячаго тѣла больного.

— Люблю вѣдь тебя, такъ люблю... а ты мучишь!..—совсѣмъ явственно произнесъ больной.

На лѣстницѣ слышались шаги матери Евлампіи.

Маша поспѣшно отошла отъ дивана и зачѣмъ-то стала поправлять фитиль лампы, горѣвшей вполне исправно.

II.

Маша плохо спала эту ночь. Душно было лежать въ тяжелыхъ пуховикахъ матушки Евлампіи, которая, уложивъ Машу въ свою постель, сама пошла къ больному.

Въ непривычной комнатѣ все страшило: то, прислушиваясь безпокойно, слышала Маша, будто стоны доносились изъ свѣтелки, то неподвижная тишина казалась ей угрожающей тишиной смерти, уже вошедшей въ этотъ домъ. Только подъ утро заснула Маша, и странные, безпокойные сны она видѣла.

Рано утромъ разбудилъ ее шумъ у крыльца. Тревожно вскочила Маша, подбѣжавъ къ окну, отогнула занавѣску и увидѣла, какъ изъ вчерашней коляски вылѣзаль человѣкъ въ сѣромъ парусиновомъ балахонѣ. Это пріѣхаль докторъ, и сразу всѣ мысли Машины направились къ больному, судьба котораго рѣшалась, какъ ей казалось, сейчасъ тамъ, наверху.

Съ лихорадочной поспѣшностью одѣлась Маша, какъ-будто нужно было ей куда-то торопиться.

Ставъ на молитву, не могла вспомнить такихъ привычныхъ, каждый день повторяемыхъ, словъ. Положивъ нѣсколько поклоновъ, вышла Маша на крылечко.

Федоръ, посвистывая, ходилъ около лошадей.

— Ну, какъ баринъ нашъ, сестричка? Лучше ему за ночь стало?—спросилъ онъ Машу.

— Не была я при немъ, не знаю. Матушка Евлампія за нимъ ходить,—отвѣтила Маша.

— Молоденькихъ боится подпускать и къ больному. Строгая она у васъ. Нельзя, говорить, мужчину на монашескую постель. Что онъ, проспигъ, что ли, постель-то? Смотрѣла бы зорче за

здоровыми. Да гдѣ за вами, молодками, ей, старой, усмотрѣть, — говорилъ Федоръ, усмѣхаясь.

Смутилась Маша отъ веселыхъ, наглыхъ глазъ красиваго кучера. Чтобы перевести разговоръ, спросила:

— А эта барыня жена будетъ барина вашего?

— Какая тамъ жена! Такъ-себѣ, актриска. Много съ нимъ такихъ путается,—засмѣялся Федоръ.—Всю дорогу въ голосъ ревѣла, а на пристани слезы утерла, да, смотрю, съ полковникомъ какимъ-то чай пьеть.

Въ это время прибѣжала Феклуша.

— Ну, что, Машенька, голубка, у васъ тутъ дѣлается?—затараторила она.—А матушка-то такъ вчера разстроилась. Ходила изъ угла въ уголь, ходила. Въ мастерской насъ чуть не до полуночи продержала; какъ будто въ забвеніи какомъ-то была. А у васъ-то, у васъ-то какъ? Больного-то видѣла? Какая шляпка была у дамы, вотъ это я понимаю, а пальто атласное, такъ и шумить.

Долго еще продолжала свою болтовню Феклуша, бросая задорные взгляды на усмѣхающагося Федора.

Августовское солнце ярко свѣтило, низко свѣшивались тяжелыя вѣтки яблонь; передъ флигелемъ игуменьи пламенѣли осеннія астры и георгины. Все это, такое милое и знакомое, привычнымъ видомъ своимъ возбуждавшее всегда въ

Машѣ тихую радость безопасности, казалось сейчасъ чужимъ и тревожило смутно.

Колебалась въ открытомъ окнѣ Машиной свѣтелки бѣлая занавѣска, и казалось Машѣ, что страшное что-то совершается тамъ, въ ея свѣтлой, милой комнатѣ.

Оеклуша уже пересмѣивалась съ Оедоромъ.

— Ужъ вы за бариномъ нашимъ, сестричка, поухаживайте, а какъ встанетъ на ноги—онъ за вами ухаживать начнетъ. Баринъ-то нашъ обходительный,—говорилъ Оедоръ жеманящейся Оеклушѣ.

Кощунственными казались Машѣ эти слова.

«Господи, да неужели помретъ онъ,—думала она съ тоской:—неужели помретъ? И, можетъ быть, ужъ ночью померъ. Господи, не дай!»

Падало сердце, вспоминалось Машѣ вчерашнее, когда, наклонясь къ больному, наполнившія страннымъ волненіемъ слова его разслышала.

— А молодой баринъ-то у васъ?—стрѣляя глазами, спрашивала Оеклуша.

— Молодой да пригожій. И ужъ такой-то ласковый, особливо съ дѣвцами,—смѣялся Оедоръ.

На лѣстницѣ слышались шаги. Мать Евлампія осторожно выглянула на крыльцо.

— Оеклуша, добѣги до матери Евдокии, скажи, пусть придетъ у больного посидить, а то я съ ногъ сбилась. Ты же, Маша, пойдѣ къ доктору въ горницу, можетъ, чаю захочетъ или чего.

Докторъ, снявъ чесучевый пиджакъ, мылъ руки, когда Маша вошла въ комнату. Думая, что это Евлампія, докторъ сердито заговорилъ, не оборачиваясь къ вошедшей:

— Такъ не перепутайте: каждые два часа микстуру, три раза въ день порошки, и діету, какъ я сказалъ. Уходъ долженъ быть самый тщательный.—Обернувшись, онъ сердито посмотрѣлъ на Машу черезъ очки и, молча, съ ожесточеніемъ комкая полотенце, началъ вытираться.

Это былъ тучный, приземистый человѣкъ, съ лысиной во всю голову и длинной черной бородой; видимо, онъ былъ чѣмъ-то очень раздраженъ.

— Самоваръ, можетъ-быть, позволите?—робко спросила Маша.

— Я думаю,—забасилъ докторъ:—послѣ сорока верстъ можете хоть стаканъ чаю дать. Да сливокъ не забудьте и поѣсть чего-нибудь,—крикнулъ онъ, когда Маша почти бѣгомъ бросилась за самоваромъ.

У Маши руки дрожали, когда, торопя толстую сестру-стряпуху, приготовляла она посуду для докторскаго чаю.

— Что это съ тобой, Машенька?—спросила стряпуха:—чего ты такъ растревожилась?

— Больной у насъ тамъ тяжелый,—пробормотала Маша.

— Слышала, слышала,—начала неодобрительно, растягивая слова, стряпуха.—Слышала

и дивилась. Куда въ нашей обители съ больными. Комнатъ гостиныхъ нѣтъ, доктора нѣтъ, еще помереть. Молва пойдетъ, и хлопотъ не обернется, а ужъ разговоровъ сколько будетъ...

— Что же на дорогѣ его было оставить помирать?—огрызнулась Маша.

— Да тебѣ-то что за забота? Свать, братъ тебѣ, что ли? Распустила васъ матушка, прости Господи, бѣгаете, какъ оглашенные,—и она сердито заворочалась у печи.

Докторъ, прежде чѣмъ приняться за ѣду, презрительно осмотрѣлъ все принесенное Машей и даже понюхалъ. Наливъ себѣ крѣпкаго, почти чернаго чаю, онъ сумрачно прихлебывалъ съ блюдечка. Маша не рѣшалась спросить его о больномъ, хотя слова жгли ея губы. Дѣлая видъ, что прибираетъ въ комнатѣ, Маша медлила выйти, повторяя про себя слова молитвы: «Господи, Господи, не дай ему умереть!»

Наконецъ, почти задыхаясь, промолвила Маша:

— А какъ больной, господинъ докторъ, что съ нимъ?

Докторъ въ первую минуту, какъ бы не слышалъ, потомъ съ сердцемъ поставилъ блюдо на столъ и, сурово взглянувъ на послушницу, спросилъ:

— Ну, что еще?

— Какъ больной?—едва слышно повторила Маша.

— Больной, больной!—опять принимаясь за ѣду, ворчливо заговорилъ докторъ:—не святой я вамъ дался. Почему я знаю? Если изъ-за каждаго барина мнѣ скакать сорокъ верстъ и сидѣть надъ нимъ, такъ это жизни не хватить. Сказаль, давайте порошки да микстуру. Молебны слушайте, если усердія хватить.

Вошедшая мать Евлампія заставила доктора прекратить его воркотню.

— Поди, Машенька, мать игуменья тебя въ мастерскую зоветь,—сказала Евлампія.

Въ мастерской уже всѣ дѣвушки сидѣли за работой.

Въ первый разъ Маша опоздала и, только входя въ мастерскую, объ этомъ вспомнила.

Сумрачно было лицо матери Елисаветы. Она ничего не сказала Машѣ, даже не посмотрѣла въ ея сторону.

Поклонившись, Маша сѣла за свой станокъ, но заставить себя думать о работѣ она не могла; какъ во снѣ, накладывала она краски и опять снимала.

Осматривая работы, мать Елисавета постояла минуту за Машиной спиной и, видимо недовольная, молча отошла. Еле дождалась Маша колокола, сзывавшаго къ обѣду.

Слушала Маша веселые разговоры послушницъ и не понимала; спрашивала ее что-то Феклуша о больномъ, о докторѣ, о пригожемъ кучерѣ Федорѣ, но слова не доходили до Машинаго сознанія.

На закатѣ послали послушницѣ подѣ присмотромъ старой, но бодрой еще и веселой матушки Елены въ садѣ собирать опавшія яблоки.

Садъ монастырскій большой, до самаго озера; съ пѣснями (пѣли не только духовныя, но и мірскія, деревенскія пѣсни) и со смѣхомъ разбредлись дѣвушки по саду по-двое и по-трое.

Оеклуша не отставала отъ Маши.

— Скучная ты, Машенька, сегодня, сама не своя,—говорила Оеклуша:—да и то, съ чего тутъ веселой быть? Вотъ ужъ я, на что легкій характеръ имѣю, да и то иной разъ хоть вѣшайся. Нѣтъ, вотъ у насъ въ Зачатьевской... Вѣдь ты знаешь, только ты не говори никому,—понижила она голосъ:—вѣдь въ меня тамъ влюбился одинъ купчикъ молоденькій, все увезти подбивалъ. Вотъ весело-то было! А одинъ разъ вышла я это къ нему за ограду подѣ липы, а онъ какъ обниметъ да начнетъ меня цѣловать... если бы ты знала только...

— Что это ты говоришь?—вздвогнувъ, перебила Маша:—что ты говоришь? И слушать тебя не хочу!..

— Эхъ, ты, чернявка-слонявка!—досадливо промолвила Оеклуша и, махнувъ рукой, пошла на веселые голоса послушницѣ.

Долго бродила между яблонь Маша.

Холодно краснѣло закатное небо; съ холма виднѣлось посинѣвшее озеро, и далеко на дру-

гомъ берегу ярко блестѣли вечернимъ багрянцемъ окна деревенскихъ избъ.

Сама не понимала своихъ смутныхъ мыслей Маша и только одно постоянно твердила:—Ужели помретъ, ужели?.. Не дай, Господи!

III.

Прошло нѣсколько дней. Маша какъ-то привыкла уже и къ чужой комнатѣ, куда перенесли ея кровать и вещи, и къ тревожнымъ мыслямъ о больномъ. У добродушной Евдокіи каждый день справлялась Маша, и радостнымъ праздникомъ показался ей тотъ день, когда сказала Евдокія:

— Поправляется. Вѣрь мнѣ, дѣвушка, черезъ недѣлю на ноги встанетъ. А такой-то ужъ ласковый и простой, даромъ-что богачъ, первый помѣщикъ въ уѣздѣ. Проснулся вчера ночью да и говоритъ мнѣ: «Что это вы, бабушка, не спите? Мнѣ, говоритъ, и такъ совѣстно, столько хлопотъ вамъ доставилъ. Вы спите, бабушка, а меня сторожить нечего, никто не украдетъ». И такъ-то я его полюбила, дѣвушка, будто, правда, внукъ онъ мнѣ родной али сынъ.

Какъ-то работникъ Матвѣй, ѣздившій въ городъ, привезъ съ почты письмо. «Василію Петровичу Верхоярову»,—прочитала Маша, когда Евлампія, сунувъ конвертъ за зеркало, вышла изъ кельи.

Часто вынимала это письмо Маша и подолгу разсматривала толстый зеленоватый конвертъ, большую печать сѣраго сургуча, тонкими, неровными буквами написанный адресъ. Тонкимъ ароматомъ сладкихъ духовъ было пропитано письмо, и что-то враждебное поднималось въ Машѣ, догадывалась она, отъ кого это письмо, и досадливо думала:

«Бросила его здѣсь больного, а самой и горя мало. Онъ, поди, бѣдный, убивается, вспоминаетъ о ней».

Ловя себя на этой мысли, удивлялась Маша и стыдилась чего-то.

Мать Евлампія уѣхала на монастырскій хуторъ.

Въ сумеркахъ Маша сидѣла въ кельѣ съ рукодѣльемъ. Услышавъ на лѣстницѣ шаги Евдокіи, она, какъ всегда, вышла къ ней навстрѣчу, чтобы спросить о больномъ.

— Что казначея-то наша не возвращалась еще?—спросила Евдокія.

Получивъ отрицательный отвѣтъ, она забеспокоилась:

— Ужъ какъ быть, и не знаю. Надо мнѣ до сумерекъ на пчельникъ сходить, непременно надо, а больного матушка не велѣла одного оставлять! Вотъ развѣ что ты, Машенька, послужишь, полчаса посидишь наверху, а я прибѣгу лѣкарство-то давать, не запоздаю.

Маша поблѣднѣла даже. Мысли за эти дни

не приходило ей, что можетъ она увидѣть еще хоть разъ больного, о которомъ ни на минуту не забывала, и отъ котораго отдѣляла ее не лѣсенка въ двѣнадцать ступенекъ, а стѣна неприступная, какъ казалось ей.

— Такъ посидишь, Машенька? Спать онъ, навѣрно, и не проснется,—проговорила Евдокія, въ темнотѣ сѣней не замѣчая волненія дѣвушки.

— Хорошо,—тихо отвѣтила Маша и медленно начала подыматься по крутой лѣстницѣ, принужденная придерживать за перила, чтобы не упасть; вдругъ охваченная какой-то странной слабостью.

На темной площадкѣ долго не могла найти знакомую дверь въ свою комнату. Когда, наконецъ открыла дверь и остановилась на порогѣ, не узнала Маша своей свѣтелки. Не только кровать, стоявшая посреди комнаты, передвинутая мебель, но и все казалось чужимъ: сами стѣны, занавѣски на окнахъ, кіотъ въ углу.

Робко переступила Маша порогъ и опустилась на стулъ около двери. За высокой спинкой кровати не было видно больного, и страшно становилось отъ чужой комнаты и неживой тишины.

Холодныя осеннія сумерки быстро надвигались; въ окно виднѣлись далекія, за садомъ, желтыя, безконечныя поля; въ палисадникѣ передъ своимъ флигелемъ медленно прохаживалась мать

Елисавета, налибаясь къ цвѣтамъ, и зловѣщей казалась ей черная ряса.

Маша вздрогнула.

— Бабушка, — позволь больной: — какой страшный сонъ я видѣлъ...

Маша едва заставила себя встать и подойти къ кровати.

— Ахъ, бабушки нѣтъ, это вы! — произнесъ больной и молча нѣсколько минутъ разглядывалъ Машу.

— Мнѣ кажется, я васъ уже видѣлъ. Какъ сквозь сонъ помню, а когда — не знаю.

— Въ первый вечеръ, но вы безъ памяти тогда были, — тихо промолвила Маша и покраснѣла, будто вспомнила что-то стыдное.

— Въ первый вечеръ... Это давно было... — задумчиво повторилъ больной, и его лицо сдѣлалось грустнымъ. — Такъ давно, но я помню, я все помню. Только вотъ что она сказала тогда, не могу вспомнить... Ахъ, простите, это я такъ, про себя вспоминаю, — спохватился онъ и улыбнулся: — старушка-то меня въ строгости держитъ, слова не позволяетъ про нее, про Женю, спросить. Но онѣ милыя, очень милыя старушки. Что бы имъ подарить, когда поправлюсь?

Онъ говорилъ, будто давно зналъ Машу.

На высокихъ подушкахъ, похудѣвшій, поблѣднѣвшій, въ бѣлой рубашкѣ съ отложнымъ воротничкомъ, выглядѣлъ еще больше мальчишомъ.

Маша стояла въ ногахъ, облокотясь на спинку кровати.

Больной устало закрылъ глаза, продолжая улыбаться, будто вспоминалъ что-то радостное.

— Вы приходили, когда меня внесли только-что въ эту комнату, — заговорилъ онъ тихо: — вы ко мнѣ подошли и наклонились такъ близко-близко. Я еще подумалъ, что это Женя, а потомъ испугался. Теперь понимаю, что я вашей черной шапочки испугался. Потомъ я часто вспоминалъ и сначала пугался: страшила меня черная шапочка ваша, а потомъ привыкъ, а вотъ теперь мнѣ даже нравится, что вы такая.

— Какая? — переспросила Маша съ нѣкоторымъ испугомъ.

Казалось ей, что не то онъ, не то она сама бредитъ.

— Монахиня, — отвѣтилъ больной серьезно: — это хорошо. Тихо у васъ и свѣтло: и бабушки тихія, и вы тихая, и ходите всѣ неслышными шагами, и одѣты всѣ одинаково. — Онъ помолчалъ и вдругъ заговорилъ быстрымъ шопотомъ, тревожно озираясь, какъ бы не подслушалъ кто: — Скажите, она сюда больше не пріѣзжала, или какихъ-нибудь извѣстій о ней... Ради Бога, скажите! Вы — добрая, пожалѣйте!

— Не знаю я, ничего не знаю, — смутившись, отвѣтила Маша.

— Нѣтъ, вы знаете, знаете. Я никому не скажу, я ужъ совсѣмъ здоровъ. Я не могу боль-

ше ждать и не знать. Пожалѣйте!—Верхояровъ почти приподнялся въ постели, простирая къ Машѣ руки съ мольбой.

— Письмо есть,—промолвила Маша тоже шопотомъ.

— Милая, принесите скорѣе, пока никого нѣтъ. Я такъ его спрячу, что никто не найдетъ,—жалобно просилъ Верхояровъ.

— Хорошо,—сказала Маша. Уже не помня объ опасности попасться матери Евлампіи, побѣжала внизъ, схватила конвертъ и черезъ минуту подала его Верхоярову.

— Спасибо, спасибо вамъ!—бормоталъ онъ, пряча письмо подъ рубашку.

Евдокія, тяжело дыша, подымалась уже по лѣстницѣ.

Маша, спустившись внизъ, долго сидѣла въ сгустившихся сумеркахъ у окна, не принимаясь за работу.

IV.

Съ торжественной медлительностью велъ службу отецъ Іоаннъ.

Давно такъ радостно не слушала Маша, стоя на клиросѣ, трогательныхъ таинственныхъ словъ литургіи.

Солнце, прорываясь въ узкія окна купола, весело играло шаловливыми зайчиками на позолотѣ иконостаса. Пищали ребятишки, принесенные для причастія. Мать Елисавета стояла на

своемъ возвышеніи, въ парадной мантии. Ласковымъ и печальнымъ казалось Машѣ ея лицо.

Все было радостнымъ и свѣтлымъ сегодня, и Маша сама не понимала, что съ нею, только иногда вспоминала она о вчерашнемъ пріѣздѣ доктора и его словахъ: «ну, довольно навалялся, можетъ встать завтра». Вспоминая это, Маша улыбалась, но, будто стыдясь чего-то, гнала радостную мысль и усердно принималась молиться.

По случаю праздника дольше обычного продолжалась трапеза, и какое-то волненіе охватило Машу, и хотѣлось ей скорѣй побѣжать къ себѣ въ келью, окончательно убѣдиться въ счастливомъ исходѣ болѣзни, и боялась она чего-то.

Выходя изъ трапезной, Маша увидѣла, что мать Евлампіи прошла къ игуменѣ, Евдокія же вынимала сегодня соты на пчельникѣ. Въ одну минуту сообразила Маша это, и захотѣлось ей бѣгомъ пробѣжать по аллеякѣ, взбѣжать, не переводя дыханія, по крутой лѣстницѣ и только секунду, одну секунду посмотрѣть на него, правда ли, что здоровъ онъ, что кончились тяжелые дни постоянной тревоги. Но Маша не побѣжала, а, едва передвигая ноги, шла, съ каждымъ шагомъ раздумывая, не вернуться ли ей.

Мутилось въ глазахъ у Маши, когда подошла она къ крыльцу. Опершись о перила, нѣсколько минутъ медлила взойти по ступенькамъ. Вдругъ знакомый голосъ окликнулъ ее:

— Это вы?

Маша испуганно обернулась, будто кто-то подсмотрѣлъ или подслушалъ ее.

Подъ яблоней, въ глубокомъ креслѣ, сидѣлъ Василій Петровичъ Верхояровъ. Онъ улыбался дѣвушкамъ и дѣлалъ знаки подойти.

— Отчего вы испугались такъ?—спросилъ онъ.

— Задумалась я, васъ и не замѣтила,—чувствую, что краснѣетъ, промолвила Маша.

— О чемъ же вы задумались такъ крѣпко, и о чемъ думать у васъ здѣсь? Вотъ я ужъ сколько дней не думаю, ни о чемъ не думаю. Такъ тихо, радостно у васъ. Яблони, цвѣты, тишина, какъ въ раю, а есть у меня о чемъ подумать,—на минуту что-то грустное мелькнуло въ глазахъ его, но сейчасъ же, опять улыбаясь дѣтской какой-то улыбкой, заговорилъ Верхояровъ:—вотъ не знаю, какъ называть васъ мнѣ. Объ этомъ вотъ думалъ. И о васъ думалъ. Такъ какъ называть васъ?

— Сестрами больше зовутъ насъ, а меня сестрой Маріей,—отвѣтила Маша и тоже улыбнулась.

— Сестра Марія,—повторилъ Верхояровъ:—какъ хорошо, да именно сестра, милая, ласковая сестра. Какая вы хорошая,—вдругъ, какъ бы смутившись, поправился онъ:—всѣ хорошия. Мать Евдокія. Вотъ матери у меня нѣтъ, а она какъ мать за мной ходила, а вы сестра,—сестеръ тоже у меня нѣтъ, сестра Марія.

Верхояровъ замолчалъ, Маша тоже мол-

чала. Между яблонь замелькала черная фигура Евлампіи.

— Прощайте,—быстро шепнула Маша и поспѣшно убѣжала, какъ бы пойманная на мѣстѣ какого-то преступленія.

Удивленно взглянулъ ей вслѣдъ Верхояровъ.

Вечеромъ по случаю воскресенья не было занятій въ мастерской. Маша пробовала взяться за вышиваніе, но путала крестики, рвала шелкъ. Изъ окна видѣла она, какъ провела Евлампія больного наверхъ. Когда они проходили по лѣстницѣ, донесся до нея голосъ Верхоярова: «Хорошо мнѣ у васъ, матушка!» и ворчливый отвѣтъ Евлампіи: «Уѣдете и не вспомните о насъ, сударь».

Невыносимой тоской защемило сердце у Маши, когда подумала она объ отъѣздѣ Василія Петровича и, вѣроятно, скоромъ. Въ первый разъ безнадежно-скучной показалась ей эта тихая, недавно столь любимая, монастырская жизнь.

Не выдержавъ одиночества, накинула Маша платокъ и выбѣжала на дворъ.

Мычали гдѣ-то коровы; было холодно; наверху, въ Машиной свѣтелкѣ, за бѣлой занавѣской горѣла лампа.

Маша вышла за ворота монастыря. Нѣсколько телѣгъ стояло вдоль стѣны, кружкомъ сидѣли богомольцы, оставшіеся еще отъ обѣдни. Уныло постояла Маша и пошла обратно, хотѣла

зайти на пасѣку къ матери Евдокии, но въ саду окликнула ее Оеклуша.

— Тоскуешь, Машенька?—спросила она и вдругъ такъ ласково, такъ нѣжно обняла Машу, что та, послѣ разговора въ саду избѣгавшая Оеклушу, сама довѣрчиво прижалась къ подругѣ.

Закутавшись въ одинъ платокъ, обнявшись, долго ходили онѣ въ сгустившихся сумеркахъ по крайней дорожкѣ сада.

— Дивлюсь я на тебя,—говорила Оеклуша:—тихая ты у насъ такая, незлобивая, а тоскуешь. Чего тебѣ нужно? Вѣдь вотъ мнѣ, правда, трудно: не для монастыря я и не своей волей попала. Ахъ, Машенька, какъ воли-то хлебнешь, такъ ужъ трудно потомъ. Али и ты ужъ не такая тихая, какъ кажешь?

Молчала Маша, но не пугали ее больше Оеклушины рассказы о вольной жизни въ Зачатьевской обители, о поѣздкахъ на сѣнокосъ, куда, какъ на гулянку, съѣзжались купчики и господа; о вечеринкахъ, что устраивались за плотно занавѣшенными окнами въ монастырской гостиницѣ; о жаркихъ поцѣлуяхъ какого-то удалого Оеди Михѣева, который и отсюда обѣщаль выкрасть, да, видно, забылъ.

— Ну, да все равно, не долго еще ждать буду,—раскраснѣвшись, говорила Оеклуша:—не могу я здѣсь. Если Оедька забылъ, то и другого найдемъ. Только бы на волю попасть, рясу эту постылую скинуть, а тамъ я сумѣю не пуще

другой барыни себя показать. Вотъ хоть бы нашего болящаго барина захоронить, что ли.

— А развѣ ты думаешь...—начала было Маша и, смутившись, замолчала.

— Да что думать-то,—горячо продолжала Оеклуша:—они мужчины все одинаковы. А про нашего мнѣ кучеръ рассказывалъ—такой добрякъ да богатый, говорить, и изъ себя недурень. Больно только строго стерегутъ его наши-то старухи. Ты-то его видѣла?

— Да, одинъ разъ, случайно,—робко отвѣтила Маша.

— Эхъ, мнѣ бы съ нимъ перемигнуться. Увезъ бы меня непременно, ужъ я бы устроила. На колѣняхъ бы умолялъ, золотомъ бы осыпалъ. Я умѣю это.

Но Маша не слушала больше. То холодно, то жарко становилось ей, и странныя жгучія мысли вертѣлись въ головѣ.

Будто почувствовавъ волненіе Машино, Оеклуша замолчала, стараясь въ темнотѣ разглядѣть лицо подруги, и потомъ, прижавшись еще ближе, совсемъ на ухо зашептала вкрадчиво:

— А ты, Машенька, скажи, если бы полюбился тебѣ кто, обѣщаль бы жениться, на волю бы звалъ—пошла бы ты, скажи, милая?

— Не знаю,—тихо прошептала Маша, сама не слыша своего голоса, будто другой кто-то отвѣчалъ за нее, и будто ужъ не Оеклуша обнимала такъ крѣпко, заглядывала ласково въ глаза,

ждала отвѣта, не Ѳеклуша а онъ, милый, любимый; но вдругъ, какъ бы борясь еще, оттолкнула Маша Ѳеклушу и почти крикнула:—А грѣхъ, грѣхъ-то какой!

Громко засмѣялась Ѳеклуша:—Ну, какой тамъ грѣхъ! Пострига мы не приняли еще. А ты, Машенька, тихая да скрытная. Вотъ ты какая.

Блестѣли зеленоватымъ, какъ у кошки, блескомъ глаза Ѳеклуши и, нагибаясь, шептала она:

— А съ баринкомъ нашимъ убѣждала бы? Хочешь сосватаю, хочешь, миленькая моя?

Мѣрно ударилъ колоколь.

— Загулялись-то мы,—заговорила Ѳеклуша:—спать пора, а то попадетъ еще. А объ этомъ мы поговоримъ еще, поговоримъ,—и, поцѣловавъ крѣпко Машу, Ѳеклуша побѣжала къ себѣ.

На крыльцѣ Машу остановила мать Евдокія. Тщательно оглядѣвши, она заговорила шопотомъ:

— Вотъ, дѣвушка, хоть и знаю, что нехорошо дѣлаю, да ужъ очень онъ просилъ передать тебѣ письмецо. Смотри только, чтобы никто, никто не узналъ,—и, сунувъ въ руки Маши, мало понимавшей слова ея, конвертъ, мать Евдокія быстро скрылась.

Шатаясь почти отъ нахлынувшихъ странныхъ и противорѣчивыхъ чувствъ, вошла Маша въ келью. Мать Евлампія уже легла и сердито ворчала:

Долго стояла Маша передъ образомъ, но губы, не повинуюсь, не произносили словъ молитвы.

Какъ въ бреду, провела эту ночь Маша. Жгло письмо, несшее что-то невѣдомое, страшное и вмѣстѣ радостное; путались мысли: то хотѣла Маша броситься къ матери Евлампіи, разбудить и покаяться въ страшномъ грѣхѣ, то слышала лукавый шопотъ Ѳеклуши; близкое чье-то видѣла лицо надъ собой; трепетала и чувствовала, что не можетъ, не можетъ противиться.

Подъ утро, прижимая письмо къ груди, забилась Маша тяжелымъ сномъ.

Звонъ бубенчиковъ разбудилъ ее.—Пора, пора,—зашептала она сама себѣ и босикомъ бросилась къ окну.

— Да что съ тобой, Марья?—сердито крикнула Евлампія:—съ ума спятила. Чего выскочила, безстыдница!

Маша, какъ бы опомнившись отъ забытья, покорно вернулась къ своей кровати.

— Уѣзжаетъ, слава Господу,—ворчала Евлампія сквозь сонъ:—тише теперь станетъ.

Боясь шевельнуться, не дыша почти, прислушивалась Маша, какъ хлопали двери, выносили вещи, и, наконецъ, зазвенѣли бубенчики и, удаляясь, стихли.

«Зачѣмъ же онъ уѣхалъ? Какъ же?»—думала тревожно Маша. Вѣками показались ей часы, пока Евлампія спала, потомъ, охая, вставала, долго молилась и наконецъ вышла.

Быстро разорвала Маша тонкій конвертъ, двадцатипятирублевка упала на полъ.

«Милая сестрица,—писаль Верхояровъ:—ласковая, милая сестрица, мнѣ хотѣлось подарить вамъ что-нибудь на память и за безпокойство, которое причинилъ, занявъ вашу комнату, но матушка Евдокія сказала, что игуменья не позволить принять подарка.

«Хорошо мнѣ было у васъ. Часто буду вспоминать вашу тихую обитель и васъ, милая сестра Марія, но пора ѣхать. Право, иногда я завидовалъ тому миру, ласковому и тихому, что царствуетъ у васъ, а мнѣ опять приходится возвращаться въ свѣтъ, бурный, мятежный, наполненный горестями и страстями, вамъ незнакомыми. Прощайте, милая, ласковая сестрица моя; правда, вы надолго останетесь для меня, какъ сестра, добрая и родная.

Вашъ В. Верхояровъ».

Непонимающими глазами пробѣжала Маша эту записку и долго стояла неподвижно.

Яркое свѣтило солнце въ окно. По аллеѣ изъ сада шла мать Елисавета съ большимъ букетомъ въ рукахъ. Темныя фигуры послушницъ тянулись къ мастерской. Маша тщательно, на мелкіе куски, разорвала записку, сунула деньги подъ тюфякъ и начала одѣваться.

Ярославль Ноябрь 1910.

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

Послѣ дождя зелень нѣжно благоухала. Тройная радуга протянула дуги свои надъ горой, и когда тяжелая коляска, взятая напрокатъ у доктора, подымалась по крутой, прямой дорогѣ, то Алешѣ казалось, что на горѣ построены триумфальныя арки въ честь него и той, которую онъ ѣхалъ сейчасъ встрѣчать.

Эта дорога, эти веселые перелѣски, эти зеленныя полянки—все такое знакомое, съ дѣтства привычное, казалось Алешѣ новымъ и прекраснымъ. Или, въ самомъ дѣлѣ, послѣ дождя все словно вымылось, обновилось, ярче зеленѣлъ молодой овесъ на пригоркахъ, весело бѣжали ручейки по желтому песку, вдоль дороги, громче щебетали птицы, клейкія вѣтки, свѣшиваясь надъ дорогой, задѣвали лицо и осыпали мелкимъ дождемъ. Бѣлыя круглыя облака плыли по яркому голубому небу, и когда лошади ступали по мокрымъ камнямъ, отражающимъ небо, то казалось будто дорога выложена голубыми камнями.

Весь день Алеша былъ спокоенъ, только, когда передъ обѣдомъ пошелъ крупный первый лѣт-

ній дождь, было неприятно, зато теперь радостью и волненіемъ необычайнымъ былъ охваченъ Алеша. Онъ даже забылъ, что это только простая шутка, шалость, которая такъ забавляла ихъ вотъ уже два мѣсяца—выдать себя за жениха и невѣсту.

Алешѣ двадцать одинъ годъ, но съ виду онъ совсѣмъ мальчикъ, такъ лѣтъ шестнадцати-семнадцати; когда надѣваетъ свой студенческій сюртукъ, всѣ удивляются; «такой молоденькій и уже въ университетѣ».

Еще въ гимназіи Алеша былъ друженъ съ Володей Зуевымъ, но бывать у Зуевыхъ Алеша сталъ только въ этомъ году. За Вѣрочкой, сестрой Володи, онъ не ухаживалъ, не просилъ у нея карточки, не объяснялся въ любви, просто имъ бывало ужасно весело вмѣстѣ, и часто такъ случалось, что втроемъ съ Володей бывали они въ театрахъ, на выставкахъ, на концертахъ; кромѣ того, и Алеша, и Вѣрочка—музыканты, и часто самъ генераль Зуевъ, усаживаясь подремать послѣ обѣда въ кресло, говорилъ: «Ну, ребяташки, сыграйте мнѣ этотъ маршъ, гдѣ пробоговъ», и они усердно колотили по клавишамъ, разыгрывая маршъ изъ «Нибеллунговъ», а потомъ, когда генераль засыпалъ, они играли Шопена, веселую нѣжность котораго предпочитали суровому героизму Вагнера.

Весною Володя готовился къ экзаменамъ, и имъ чаще приходилось бывать вдвоемъ. Они

ѣздили на парходикахъ на Острова, бродили въ Лѣтнемъ саду. Никогда Алешѣ не казалось такой прекрасной блѣдная петроградская весна, никогда такъ бодро и весело не чувствовалъ онъ себя здоровымъ, молодымъ, а жизнь—общающей такъ много неожиданнаго.

Еще передъ Пасхой какъ-то Алеша рассказывалъ съ увлеченіемъ о жизни у нихъ въ маленькомъ имѣньѣ Новгородской губерніи, о своей семьѣ съ тремя сестрами-подростками, о смѣшныхъ сосѣдяхъ, о жизни простой, веселой и безпечной.

— А вотъ я никогда не была въ деревнѣ,—вздыхнула Вѣрочка.

— Приѣзжайте къ намъ съ Володей,—подхватилъ Алеша.

— Да вы съ ума сошли! Развѣ меня пустятъ? Я вѣдь и теперь не говорю, что съ вами гуляю, а все къ подругѣ хожу. До седьмого класса меня въ гимназію съ горничной посылали.

Смѣясь, придумывали планы бѣгства. Говорили объ этомъ не разъ и не два, а каждый день, и какъ-то договорились до того, чтобы объявить себя женихомъ и невѣстой.

Въ первый разъ, когда заговорили объ этомъ въ полутемной каютѣ невскаго парходика, было жутко и сладко Алешѣ. Первую ночь послѣ этого разговора плохо онъ спалъ, а когда шелъ привычной дорогой, чтобы въ условленный часъ встрѣтить Вѣрочку на углу Владимір-

скаго и Невскаго, куда приѣзжала она на трамваѣ, чувствовалъ волненіе и смущеніе небывалое. Вѣрочка тоже была какая-то вялая, задумчивая, говорила, что голова болитъ, что мать нездорова и это ее беспокоитъ; о вчерашнемъ планѣ, о поѣздкѣ въ Медвѣдевку (имѣніе родителей Алеши), не говорили, и разговоръ вообще не клеился. Только уже прощаясь, Вѣрочка, стараясь улыбаться непринужденно, хотя углы губъ дрожали, спросила:

— Ну, что же, сказать о нашемъ планѣ Володѣ или не стоитъ?

— Конечно, конечно, скажите. Такъ весело будетъ поѣхать. Верхомъ покатаемся,—отвѣчалъ Алеша, а какое-то беспокойство смутное охватывало его.

Володя принялъ рѣшеніе Алеши и Вѣрочки сочувственно и серьезно. Онъ вообще былъ дѣловитъ и точенъ.

— Когда же думаете вѣнчаться?—спросилъ онъ.

— Да вѣдь это только пока еще проекты,—заторопилась Вѣрочка, будто чего-то испугавшись.

— Ну, въ этомъ я не понимаю неопредѣленности,—возразилъ Володя, и, шагая передъ смущенными женихомъ и невестой, дѣловито развивалъ планы, какъ и когда удобнѣе все сдѣлать.

— Вотъ такъ попались,—засмѣялась Вѣрочка, когда они остались вдвоемъ съ Алешей.—

Смотрите, быть бычку на веревочкѣ, благословятъ васъ Лажечниковымъ, тогда поздно будетъ бѣжать.

Но черезъ нѣсколько дней они какъ бы призывкли къ новому положенію своему, безъ смущенія выслушивали Володины планы относительно того, гдѣ квартиру снять, какую мебель купить, какую взять у домашнихъ, какъ удобнѣе воздѣйствовать на стариковъ въ случаѣ возможнаго протеста. И даже уже одни, когда Володя деликатно оставлялъ ихъ, продолжали они странную шутку, забавлявшую и волновавшую ихъ.

Бродили по городу, выбирали улицы, дома, гдѣ будутъ жить, и даже разъ зашли посмотрѣть одну квартиру.

— Очень веселая квартира,—уговаривалъ ихъ бойкій швейцаръ.—Недорого и со всѣми удобствами. Извольте-ка, барыня, взглянуть. Вотъ здѣсь ванная, кухня, небольшая, конечно, но вѣдь и семейство ваше маленькое.

Вѣрочка дѣловито морщила лобъ, чтобы не размѣяться, и съ любопытствомъ осматривала и ванную, и кухню, и каморку для прислуги.

Когда мечты ихъ заходили слишкомъ далеко, Вѣрочка иногда рѣзко обрывала:

— Ну, что это мы, какъ дѣти. Столько времени пустяками занимаемся. Право, мнѣ начинаетъ казаться, что овчинка не стоитъ выдѣлки. Изъ-за одной поѣздки не стоило подымать столько сложностей. А еще сколько неприятныхъ раз-

говоровъ съ мамой предстоитъ. Про папу я и не говорю. Тутъ будетъ цѣлая трагедія.

Тоскливо и почему-то обидно становилось Алешѣ, будто, въ самомъ дѣлѣ, что-то рушилось счастливое и веселое. Но возразить онъ не умѣлъ и уныло молчалъ. Хорошо, что Вѣрочка не могла долго быть мрачной и раздраженной. Она опять начинала смѣяться.

— Ну, не будьте же такимъ букой, женихъ мой неожиданный. Пока весело, будемъ веселиться, а надоѣсть—бросимъ. Вотъ и все. Трагедій же не изъ-за чего устраивать. Вѣдь это же только забавный водевиль.

И опять они начинали мечтать, и опять возникала какая-то странная призрачность чего-то подлиннаго, сладкаго, немножко жуткаго. Будто на сценѣ представляли, говорили чужія слова, почти вѣрили имъ, и чувствовали веселую свободу кончить или продолжать дальше.

Въ серединѣ мая Алеша уѣхалъ въ Медвѣдевку. Вѣрочка провожала на вокзалъ. Была грустна и ласкова.

— Право, мнѣ будетъ ужасно скучно безъ васъ. Я такъ привыкла къ нашимъ прогулкамъ и...—она замялась,—разговорамъ. Мы, какъ два хорошихъ товарища. Ну, не бойтесь, я буду не я, если не удеру изъ нашего противнаго Павловска и не приѣду къ вамъ. Такъ или иначе сумѣю добиться отпуска. Да и Володя общалъ

содѣйствовать, а онъ человѣкъ серьезный. Сегодня же начну подготовительную работу.

Алеша то же уѣзжалъ невеселый. Только мысль о томъ, какъ онъ объявитъ свою новость въ Медвѣдевку, а потомъ будетъ встрѣчать Вѣрочку и показывать ей всѣ милыя мѣста, утѣшала его. Всѣ шесть часовъ дороги провелъ онъ, прохаживаясь по коридорчику купе и поглядывая на зеленыя поля и нѣжно по-весеннему, краснѣющее закатное небо.

Дома встрѣтили его всей семьей, съ собаками и прислугой, шумно и весело. Тормошили сестры: Зина, Шура и Раечка, наперерывъ рассказывая свои гимназическія и деревенскія новости и съ еще дѣтскимъ нетерпѣніемъ ожидая маленькихъ подарковъ, которые не забывалъ обычно Алеша привезти всѣмъ, начиная съ главы семейства Анатолія Ивановича, кончая кучеромъ Иваномъ и старой нянюшкой Авдотьей.

Но Алеша былъ, какъ на иголкахъ. Не терпѣлось ему сообщить свою новость.

Когда, наконецъ, всѣ разошлись, и, взявъ свѣчу, пошла Елизавета Сергѣевна проводить Алешу и посмотрѣть, все ли у него въ комнатѣ устроено, почувствовалъ Алеша, какъ бьется сильно сердце и даже голова слегка кружится отъ волненія. Когда мать, поцѣловавъ его, хотѣла уже уйти, Алеша удержалъ ее за руку.

— Мама, я хотѣлъ сказать тебѣ важную новость,—и смущенно замолчалъ.

— Ты женишься?—вдруг спросила Елизавета Сергѣевна и даже присѣла на кровать.

— Да,—тихо отвѣтил Алеша.

Елизавета Сергѣевна не удивилась особенно, и волненіе ея скорѣе было радостнымъ.

— Ну, что же, это хорошо, трудно будетъ только вамъ, ты совсѣмъ еще мальчикъ, но ничего. Мы съ отцомъ тоже на первыхъ порахъ поступенчески жили, въ одной комнатѣ, по урокамъ бѣгали. А какое хорошее, свѣтлое время это было!—говорила Елизавета Сергѣевна, и лицо ея, еще не старое, но уже въ мелкихъ морщинкахъ, дѣлалось мечтательнымъ и молодымъ.— Только насъ не забывай. Вотъ теперь хоть и не живешь ты съ нами давно, а знаю, что пріѣдешь и будешь опять нашъ милый, близкій. Не забывай насъ, Алеша.

Долго еще говорили они. Разказалъ Алеша подробно о Вѣрочкѣ, и чувствовалъ, что не только это забавная шутка,—настоящія слезы умиленія и радости поднимались къ горлу и застилали глаза.

Рѣшено было, что Елизавета Сергѣевна предупредить Анатоля Ивановича, когда тотъ пріѣдетъ изъ города. Конечно, онъ противъ женитьбы сына ничего имѣть не будетъ, такъ какъ всегда былъ принципиальнымъ сторонникомъ раннихъ браковъ; но что останется все это пока втайнѣ и Вѣрочка съ братомъ пріѣдутъ просто въ качествѣ гостей, которыхъ много бывало въ Медвѣдевкѣ.

Однако, когда Алеша вышелъ въ столовую за водой, въ дѣтской стоялъ шумъ. Дѣвочки въ ночныхъ кофтахъ, босыя, окружили Елизавету Сергѣевну и наперерывъ допрашивали:

— Что тебѣ Алеша сказалъ? Онъ женится? Правда? Она хорошенькая? Ну, разкажи, мамуля дорогая! Свадьбу у насъ справлять будутъ?

— Ну, что вы выдумали глупости. Ложитесь спать,—беспомощно отмахивалась отъ нихъ Елизавета Сергѣевна.

Увидѣвъ Алешу, сестры бросились къ нему.

— Лешечка, разкажи. Это правда? Вотъ весело-то! Намъ новыя платья сошьютъ.

Онѣ смѣялись, хлопали въ ладоши, дергали Алешу и цѣловали, упрашивая:

— Разкажи, милый.

Долго ходилъ Алеша по своей маленькой, оклеенной голубыми обоями, съ окнами на огородъ и прудъ, комнатѣ. Радостно и свѣтло было на душѣ. Онъ не могъ успокоить своего волненія, раньше чѣмъ сѣлъ за старенькій, еще дѣтскій, весь изрѣзанный перочиннымъ ножикомъ свой столъ и не началъ письма Вѣрочкѣ, начинавшагося словами нѣжными, которыхъ никогда не произносилъ онъ, но вѣдь долженъ же былъ онъ играть роль жениха, нѣжнаго, помнящаго, влюбленнаго.

А черезъ три дня его разбудила старшая изъ сестръ, Зина, и, сунувъ ему конвертъ, съ любо-

пытствомъ наблюдала, какое впечатлѣніе произведетъ на Алешу письмо невѣсты.

Вѣрочка отвѣчала нѣсколько шутливо, но все же въ тонѣ нѣжной невѣсты. Сообщала, что очень скучаетъ, что противъ ожиданія старики особеннаго протеста не оказываютъ, хотя все же дуются, откладывая, повидимому, окончательное рѣшеніе до выясненія всѣхъ обстоятельствъ. «Такимъ образомъ, все благополучно и очень просто. Я даже не думала, что сдѣлаться невѣстой такъ просто и легко», писала Вѣрочка.

Алеша исправно отвѣчалъ. Письма приходили не очень часто, и каждое утро Алеша ждалъ, принесетъ ли ему Зина знакомый желтоватый конвертикъ. Если письма не было, Алеша чувствовалъ разочарованіе, дѣлалось скучно и какъ-то пусто. Наконецъ, пришло извѣщеніе, что вечеромъ наканунѣ Троицы Вѣрочка и Володя пріѣдутъ. Весь домъ былъ въ волненіи. Анатолий Ивановичъ послалъ нарочнаго въ городъ за закусками. У живущаго въ трехъ верстахъ доктора взяли напрокатъ тяжелую четырехмѣстную коляску, въ которой и самъ-то докторъ выѣзжалъ только въ день своихъ именинъ въ церковь. Комнаты всѣ вымыли и даже коверъ выложили уже спрятанный на лѣто. Алеша усиленно просилъ не дѣлать никакихъ демонстрацій, но самъ тоже готовился, какъ къ какому-то большому празднику.

И вотъ онъ ѣхалъ въ свѣтлый предвечерній часъ встрѣчать Вѣрочку и Володю.

На станцію пріѣхали слишкомъ рано, и долго еще пришлось ходить Алешѣ по длинной платформѣ. Въ станціонномъ садикѣ цвѣла сирень. Гуляли барышни съ щеголеватымъ телеграфистомъ. На розовомъ небѣ четко виднѣлся семафоръ, и прямая лента рельсовъ уходила, казалось, въ самое небо. Уже спустились ясныя сумерки и зажгли огромные газовые фонари на платформѣ, когда блестящей точкой показался, наконецъ, поѣздъ. Далекій волнующій шумъ поѣзда становился явственнѣе, и, наконецъ, совсѣмъ близки стали фонари паровоза.

Алеша беспомощно метался по платформѣ. Какъ всегда бываетъ при встрѣчахъ, онъ долго не могъ найти вагона, уже отчаялся встрѣтить гостей, и, увидѣвъ въ окнѣ озабоченное лицо Володи, не сразу даже узналъ его.

Володя, въ свѣтломъ пальто и круглой соломенной шляпѣ, вынесъ маленькій клѣтчатый чемоданчикъ. За нимъ выпрыгнула Вѣрочка, раньше, чѣмъ ей успѣли помочь.

Она была въ сѣренькомъ дорожномъ костюмѣ, въ сѣренькомъ шелковомъ колпачкѣ, съ сумкой черезъ плечо.

Первыя минуты встрѣчи были тягостны и смутны.

— Вотъ видите, я сдержала слово и пріѣхала, — сказала Вѣрочка. — А сколько хло-

потъ было, папа проклясть хотѣлъ, да раздумалъ.

— Да, дѣти мои,—промолвилъ Володя,—надо дѣйствовать энергично, если вы хотите, чтобы что-нибудь вышло. А то одна канитель.

Почему-то отъ словъ Володи сдѣлалось неприятно Алешѣ, и вся радость, съ которой онъ мечталъ о прогулкахъ по весеннему лѣсу, о далекихъ поѣздкахъ, объ уютныхъ вечерахъ на крылечкѣ,—вся радость упала.

— Вы какъ будто даже не рады намъ,—обиженно проговорила Вѣрочка.

Но когда усѣлись въ коляску, заговорили о петроградскихъ новостяхъ, потомъ Алеша показывалъ всѣ примѣчательныя мѣста, попадавшіяся по дорогѣ, опять стало хорошо и дружелюбно.

Поднимался легкій туманъ изъ долинъ, на блѣдно-розовомъ небѣ выходила изъ-за облаковъ оранжевая луна. Ярко вспыхнула и замигала изумрудная звѣзда.

Когда Володя уже соскочилъ и твердо направился со своимъ чемоданчикомъ къ большой террасѣ, украшенной вѣтками березы и длинными гирляндами, а Алеша помогалъ выйти изъ экипажа Вѣрочкѣ, она вдругъ шепнула:

— Миѣ страшно. Какъ-то меня встрѣтятъ!—и слегка прижалась локтемъ къ Алешѣ.

Онъ почувствовалъ къ ней нѣжность, показала она ему такой маленькой и такой родной

въ своемъ сѣренькомъ колпачкѣ, съ приподнятыми испуганно бровями и широко раскрытыми свѣтлыми глазами.

— Миѣ страшно,—еще разъ шепнула она.

И Алеша покровительственно, какъ старшій улыбнулся ей и повелъ къ террасѣ, гдѣ Володя уже познакомился самъ съ Елизаветой Сергѣевной, Анатолиемъ Ивановичемъ и дѣвочками.

— Какая вы молоденькая, совсѣмъ какъ мои дѣвочки,—сказала Елизавета Сергѣевна, здороваясь съ Вѣрой.

Зина, Шура и Раечка разглядывали невѣсту во всѣ глаза, какъ диковиннаго звѣря. Разговоръ шель вяло о дорогѣ, погодѣ, поѣздахъ, но за чаемъ въ столовой сталъ болѣе оживленнымъ и непринужденнымъ. Алеша, выпивъ то ропливо свой стаканъ, заходилъ по комнатѣ.

— Да посиди ты, Алеша,—сказала Елизавета Сергѣевна,—какъ взволнуется чѣмъ-нибудь, такъ и начинаетъ маршировать безъ конца. Прямо въ глазахъ рябитъ.

Всѣ, почему-то улыбаясь, посмотрѣли на Вѣрочку, и она сконфуженно опустила глаза. Послѣ чая, когда Анатолий Ивановичъ и Елизавета Сергѣевна ушли спать, долго еще сидѣли на большомъ балконномъ диванѣ. Володя шутилъ съ дѣвочками, а онѣ, меньше робѣя въ темнотѣ, уже рѣшались поддерживать разговоръ.

Алеша сидѣлъ рядомъ съ Вѣрочкой, совсѣмъ близко, и она вполголоса рассказывала ему о

тѣхъ сценахъ, которыя ей пришлось перенести изъ-за этой поѣздки. Алеша не волновался, не смущался и, дотрогиваясь случайно до руки Вѣрочкиной, какую-то незнакомую тихую радость испытывалъ.

Потомъ Зина предложила побѣгать на гигантскихъ шагахъ. И въ бѣломъ сумракѣ замелькали фантастическія тѣни, взлетающія и падающія, раздался сдавленный смѣхъ, а Вѣрочка и Алеша сидѣли на скамеечкѣ подъ акаціей, оба какіе-то тихіе, радостные.

— Вамъ не холодно?—спрашивалъ заботливо Алеша.

— Нѣтъ, такъ хорошо. И посмотрите, какое небо за прудомъ красивое и цвѣтами пахнетъ такъ сладко,—говорила Вѣрочка.

И казалось, что въ словахъ этихъ простыхъ, незначительныхъ, для обоихъ другой уже смыслъ таился.

Наконецъ, разошлись. Вѣрочку помѣстили въ Алешиную комнату, а молодыхъ людей въ кабинетъ.

Володя, оставшись съ Алешей, сдѣлался почему-то сумрачнымъ.

— Надо, надо все вырѣшить окончательно,— началъ онъ, но сейчасъ же оборвалъ.— Впрочемъ, завтра поговоримъ, а сейчасъ спать нужно.

Опять отъ этихъ настойчивыхъ словъ сдѣлалось Алешѣ непріятно, и, быстро раздѣвшись

и потушивъ свѣчу, они замолчали каждый на своемъ диванѣ.

Утромъ ихъ разбудили и сказали, что всѣ уже встали, и сейчасъ лошадей подаютъ ѣхать къ обѣднѣ. Зина, Шура, Раечка и Вѣра— всѣ въ свѣтлыхъ платьяхъ съ цвѣтами за поясомъ встрѣтили ихъ шумно и весело. Онѣ уже успѣли побывать и въ саду, и на пруду, и на птичникѣ. Дѣвочки уже не дичились Вѣры и съ обожаніемъ смотрѣли ей въ глаза.

— Твоя Вѣрочка— прелесть!—шепнула Зина, обнимая Алешу.

У крыльца уже звякали бубенцы, яркое солнце врывалось въ комнаты. Во всѣхъ уголкахъ были натканы зеленыя вѣтки, и свѣжимъ запахомъ листьевъ, лѣснымъ и бодримъ, былъ наполненъ весь домъ. Не безъ труда, со смѣхомъ и шутками, наконецъ, размѣстились въ двухъ экипажахъ. Никто изъ дѣвочекъ не хотѣлъ разстаться съ Вѣрой и всѣхъ ихъ зачихнули въ докторскую коляску, а Алеша взобрался на козлы. Володя чинно сидѣлъ на передней скамейкѣ съ Анатолиемъ Ивановичемъ и Елизаветой Сергѣевной. Кучеръ Иванъ, для праздника намазавшій волосы масломъ, въ красной рубашкѣ и плисовой безрукавкѣ, лихо погикивалъ на лошадей. Утренній зной, еще не тягостный, пріятно ласкалъ все тѣло. Смѣялись дѣвочки, треща, какъ сороки, улыбалась имъ Вѣрочка; дорога шла лѣсомъ, потомъ съ обрыва открылся далекій видъ

на деревни, поля и синѣющей боръ. Восторгомъ свѣтлымъ былъ охваченъ Алеша. Въ селѣ бѣжали ребятишки, клянча копеечку, бабы низко кланялись въ поясъ и съ любопытствомъ разглядывали господъ. Церковь деревянная, старенькая, еще николаевской архитектуры, съ колонками пожелтѣвшими. Служба уже шла. Дряхлый отецъ Герасимъ дребезжающимъ теноркомъ выводилъ возгласы. Хоръ учениковъ пѣлъ нестройно, но громко и какъ-то весело. Запахъ ладана мѣшался съ запахомъ дегтя отъ новыхъ сапогъ, березовыхъ листьевъ, которыми убрана была церковь. Вѣрочка, сгибая голову, какъ-то по-дѣтски, крестилась быстрыми крестиками, и тонкій лучъ солнца изъ круглаго окна въ куполѣ золотилъ ея русыя косы, скромно, совсѣмъ не по-петроградскому обвитыя вокругъ головы. И казалась она Алешѣ какой-то новой, не петроградской барышней, а скромной, милой дѣвочкой, почти сестрой. Послѣ службы всѣ задержались, чтобы поздороваться съ отцомъ Герасимомъ. Тотъ вышелъ, низенькій, сѣденькій, въ бѣломъ подрясникѣ, бодрый, съ веселыми добрыми глазами подъ нависшими бровями.

— Ужъ не невѣста ли твоя будетъ, Алешенька?—оглядѣвъ Вѣрочку, спросилъ отецъ Герасимъ.—Смотри, вѣнчать буду я. Я крестилъ. Я, дастъ Богъ, и обвѣнчаю.

Онъ говорилъ грубовато, какъ-то по-про-

стонародному, а добрые глаза лукаво смѣялись.

До сихъ поръ никто не выдавалъ ни однимъ словомъ тайны, и теперь всѣмъ стало неловко; одна Вѣрочка осталась спокойной и слегка грустной.

— Ну, такъ смотри, не обойди старика,—крикнулъ отецъ Герасимъ, провожая и помахая привѣтственно своей широкополой шляпой.

Послѣ сытнаго деревенскаго обѣда съ пирогомъ, индѣйкой и опять пирогомъ, уже сладкимъ, всѣ какъ-то немножно раскисли. Барышни пошли переодѣться, такъ какъ предполагалось ѣхать на лодкѣ. Володя походилъ по гостинной, а потомъ сказалъ:

— Ну, Алеша, пойдѣмъ, поговоримъ.

И отъ тона этихъ словъ, и отъ того, что, войдя въ кабинетъ, Володя прикрылъ дверь, Алешѣ сдѣлалось почти страшно.

— Видишь ли, на мнѣ лежитъ непріятная миссія узнать подробно твои планы. Ты знаешь, что я очень люблю тебя. Вашей женитьбѣ очень сочувствую, но вѣдь пока были все одни слова, притомъ довольно смутныя. Расскажи же мнѣ, какъ вы предполагаете устроиться, на что жить, пока ты кончишь университетъ и все прочее.

Онъ замолчалъ и смотрѣлъ вопросительно.

— Я не знаю, я объ этомъ не думалъ,—жа-

лобно, чуть не плача, отвѣтилъ Алеша, и, вѣроятно, лицо его было такъ недоумѣвающе, что Володя не удержался отъ улыбки.

— Ну, видишь, какой ты еще мальчикъ. А Вѣра тоже вѣдь совсѣмъ ребенокъ, притомъ избалованный. Ты не подумай, что тривиальными соображеніями я буду убѣждать тебя отказаться, отложить, — напротивъ, я бы поддерживалъ самое героическое рѣшеніе, но родители беспокоятся.

— Какъ-нибудь все устроится, — бормоталъ Алеша. — Надо придумать.

— Я понимаю, — опять заговорилъ Володя, видя, что толку отъ Алеши не добиться. — Я понимаю, что все это очень неприятно — думать, чѣмъ платить за квартиру, за обѣдъ... но надо же все вырѣшить; чѣмъ дальше откладывать, тѣмъ хуже; ну, скажи, каковы твои ресурсы и на что ты можешь рассчитывать.

— Мнѣ изъ дома даютъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ и больше давать не могутъ, — весь красный, запинаясь, сказалъ Алеша.

Володя будто обрадовался.

— Ну, вотъ, договорились, по крайней мѣрѣ, до цифръ. Видишь ли, наши помогать врядъ ли много смогутъ да и особеннаго сочувствія вашему браку врядъ ли можно будетъ отъ нихъ ждать. Не подумай, что я тебя отговариваю, только вамъ очень и очень надо подумать, сумѣете ли вы перенести почти нужду. Конечно,

можно найти какіе-нибудь уроки. Вѣра тоже могла бы зарабатывать, но все это будетъ не очень легко и потому вамъ необходимо все взвѣсить окончательно. Тебѣ нужно много заниматься. Вѣра не привыкла ни о чемъ матеріальномъ заботиться. Я ничего не рѣшаюсь совѣтовать; если вы останетесь тверды въ своемъ намѣреніи, я буду очень радъ; но, можетъ быть, для васъ обоихъ, такихъ еще неприспособленныхъ, было бы благоразумнѣе отложить, что ли, подождать. Впрочемъ, я впадаю съ сухое доктринерство; конечно, поступайте такъ, какъ вы почувствуете, что нужно поступить. Только идите впередъ съ открытыми глазами.

Алеша сидѣлъ, будто раздавленный, ему было мучительно стыдно, но почему-то и въ голову не приходило сказать, что все это только шутка, что никакой свадьбы не будетъ. Онъ будто забылъ, что это такъ.

— Да, еще, — прибавилъ Володя. — Можетъ быть, это будетъ жестоко, но я буду очень настаивать, чтобы мы сегодня же вечеромъ уѣхали. Я обѣщаль это нашимъ, и считаю, что раздражать ихъ, вносить новыя сложности вовсе не стоитъ. Посовѣтуй, пожалуйста, Вѣрѣ поэтому согласиться уѣхать.

— Хорошо, я поговорю съ ней, — промолвилъ Алеша тихо.

— Ну, не надо же такъ унывать. Ты самъ на себя не похожъ. Вѣдь ничего неприятнаго я

тебѣ не сказалъ. Все зависитъ отъ тебя и Вѣры. Я же во всякомъ случаѣ приложу все силы, чтобы помочь вамъ, насколько могу.

Вѣрочка уже ждала нетерпѣливо конца разговора ихъ на балконѣ.

— Что тебѣ говорилъ Володя?—взволнованно спросила Вѣрочка и взяла Алешу за руку.

Она не замѣтила, что обратилась къ нему на «ты», не замѣтилъ этого и Алеша.

— Скорѣй, скорѣй, мнѣ нужно все знать. Что онъ наговорилъ вамъ? Вы совсѣмъ блѣдный, торопила она и сама блѣднѣла отъ волненія.

Они вошли въ садъ. Вѣрочка держала Алешу за руку, и такъ они ходили долго по круглой дорожкѣ около клумбы.

— Володя сказалъ, что вамъ сегодня же нужно уѣхать,—промолвилъ Алеша, будто это было самое главное.—Онъ говоритъ, что нужно все рѣшить окончательно...

— Что рѣшить?—спросила Вѣрочка.

— Относительно... относительно нашей свадьбы. Онъ говоритъ, что намъ будетъ очень трудно и врядъ ли вы сумѣете перенести.

Вѣрочка задумчиво повторила:

— Да, очень трудно. Я объ этомъ уже думала. Но онъ напрасно думаетъ, что я слабая, я могу снести все, если нужно, отказаться отъ всего. Я сумѣю.

Она говорила долго и горячо и потомъ вдругъ оборвала:

— Да къ чему же все эти разговоры? Вѣдь это только шутка. Какъ глупо! Не правда ли?

Они остановились и съ недоумѣніемъ посмотрѣли другъ на друга.

— Нѣтъ, это не шутка,—тихо сказалъ Алеша.—Это не можетъ быть только шуткой.

Вѣрочка отпустила его руку и пошла по дорожкѣ, склонивъ голову. Алеша шелъ за ней. На поворотѣ они встрѣтились. Вѣрочка подняла голову. Будто пеленой какой-то было окутано ея лицо.

— А вы, вы, то сможете? Вы такой слабый, вамъ будетъ трудно.

Нѣжность и радость нахлынули на Алешу, онъ уже не помнилъ тяжелыхъ сомнѣній.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—повторялъ онъ.— Мнѣ будетъ хорошо, все будетъ хорошо. Милая, милая...

Солнце уже склонялось къ пруду, изъ деревни доносилась гармоника, на террасѣ накрывали къ чаю. Алеша и Вѣрочка стояли у куста сирени и, какъ зачарованные, глядѣли другъ на друга, улыбались и не находили словъ.

Нагнувшись къ бѣлой вѣткѣ сирени, Вѣрочка сорвала лепестокъ и сказала:

— Я нашла счастье,—и потомъ добавила, вздохнувъ:—но тогда сегодня надо ѣхать, Володя правъ.

Дѣвочки бѣжали звать къ чаю.

Они шли, взявшись подъ руку, уже не таясь; не конфузясь, и Володя улыбался имъ съ верхней ступеньки террасы, какъ бы привѣтствуя ихъ рѣшеніе.

Алеша и Вѣрочка поднимались по украшенной березками лѣстницѣ спокойные, твердые, свѣтлые.

Павловскъ. Май 1913 г.

РОЗЫ ПРИНЦА.

I.

Камилла встала на столик, за которым она продавала свои цветы и газеты, чтобы лучше разглядеть принца. Всѣ обитатели Grande Hôtel столпились въ вестибюль. Только рыжіе англичане, не перемѣнивъ позъ, съ сигарами въ зубахъ и съ газетами, продолжали сидѣть, задравъ ноги выше головы.

Когда автомобиль остановился, пыхтя, у подъѣзда, хозяинъ, господинъ Густавъ, самъ распахнулъ обѣ половинки двери, и началъ кланяться еще за нѣсколько минутъ до того, какъ въ дверяхъ показался принцъ.

Краснощекая хозяйская дочь Берта стала пунцовѣе тѣхъ пунцовыхъ розъ, которыми она должна была привѣтствовать знатнаго гостя.

Когда въ дверяхъ, наконецъ, появился худенькій мальчикъ въ сѣромъ дорожномъ костюмѣ, мягкой шляпѣ и оранжевыхъ перчаткахъ, Камила какъ-то не догадалась, что это и есть принцъ. Она продолжала пристально смотрѣть

въ открытую дверь, въ которую виднѣлось темное небо съ яркими звѣздами и фонари набережной. Но за мальчикомъ вышелъ только молодой человекъ въ черномъ сюртукѣ и лакей въ ливреѣ.

Между тѣмъ, Берта, дѣлая тройные реверансы, подавала мальчику свой букетъ.

Камилла чувствовала какое-то разочарованіе; совсѣмъ не такимъ представлялся ей воображенію принцъ, наслѣдникъ далекой, почти таинственной страны.

Мальчикъ сконфуженно улыбался и раскланивался съ гостями. Огромный букетъ стѣснялъ его, и, обернувшись, онъ вопросительно посмотрѣлъ на своего спутника. Тотъ сдѣлалъ какой-то знакъ хозяину, и они быстро прошли къ лѣстницѣ.

Собравшіеся для встрѣчи расходились.

Камилла спрятала газеты въ ящикъ.

Госпожа Сацъ, любившая поболтать, подошла къ ней.

— Святая Мадонна, совсѣмъ мальчикъ, — горячо по своему обыкновенію, заговорила она: — совсѣмъ мальчикъ. Ничего царственного и какой худенькій! Секретарь его очень разсердился на господина Густава за встрѣчу. Принцъ хочетъ соблюдать полное инкогнито. Просятъ не кланяться ему, не дѣлать реверансовъ и называть просто: «господинъ Вернеръ» — такова воля его величества короля, да и самъ принцъ не любитъ этикета. Онъ пріѣхалъ сюда отдохнуть. Онъ

отказался принять бургомистра и консуловъ. Боленъ онъ, бѣдняжка. Сегодня даже ужина не дождался.

Камилла слушала болтовню госпожи Сацъ, разсѣянно перебирая ключи.

На улицѣ, какъ всегда, Камиллу поджидалъ Карлъ.

— Почему ты такъ долго? — спросилъ онъ, и сейчасъ же началъ рассказывать о выгодномъ заказѣ, который ему удалось сегодня получить. Камилла молчала всю дорогу. Карлъ былъ веселъ и болтливъ. Онъ звалъ невѣсту (Камилла уже больше года была объявлена его невѣстой) въ кафе, но испуганно какъ-то она отказалась.

Какъ всегда передъ самымъ домомъ, въ темной улицѣ, Карлъ обнялъ ее и поцѣловалъ. Его жесткіе усы кололи шею и щеки Камиллы. Поспѣшно она вырвалась, и, не сказавъ ни одного слова, захлопнула калитку.

Не слушая воркотни матери, долго ходила Камилла по комнатѣ, останавливаясь иногда у окна и глядя на яркія звѣзды; она думала о принцѣ, не объ этомъ блѣдномъ господинѣ Вернерѣ, а о другомъ, котораго она ждала и не дождалась.

II.

Принцъ и его секретарь вышли утромъ одни изъ самыхъ первыхъ. Они пили кофе на маленькой террасѣ, обращенной къ морю.

Господинъ Вернеръ былъ въ бѣломъ костюмѣ и панамѣ, Камилла видѣла изъ-за своего столика, какъ онъ весело смѣялся, часто соскакивалъ съ мѣста и подбѣгалъ къ периламъ, разглядывая море, сегодня тихое, ласково блестящее на солнцѣ, и далекія, едва розовѣющія скалы острова.

Все, видимо, радовало принца. До Камиллы доносился его звонкій, почти по-дѣтски звонкій голосъ, произносившій слова на непонятномъ ей языкѣ.

Когда они кончили свой кофе и проходили черезъ залу, принцъ продолжалъ весело говорить, съ нескрываемымъ радостнымъ любопытствомъ, оглядывая все, будто онъ видѣлъ эту обычную обстановку ресторанаго зала въ первый разъ.

Когда они проходили мимо столика съ газетами и цвѣтами, Камилла поклонилась имъ, какъ кланялась всѣмъ гостямъ.

Блестящій взглядъ господина Вернера остановился на Камиллѣ. Онъ снялъ шляпу и раскланялся съ ней съ такой изысканной почтительностью, будто привѣтствовалъ принцессу, тогда какъ секретарь надменно едва дотронулся до полей своей панамы.

Уже въ дверяхъ господинъ Вернеръ сказалъ что-то секретарю и, обернувшись, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ обратно.

Секретарь отвѣтилъ недовольно, и, перегнавъ принца, быстро подошелъ къ Камиллѣ.

— Двѣ гвоздики, пожалуйста, — сухо, и слишкомъ отчетливо выговаривая слова, сказалъ онъ.

Принцъ, стоя въ дверяхъ, улыбался, довольный своей выдумкой.

Камилла выбрала двѣ самыя яркія гвоздики и подала ихъ секретарю. Не поблагодаривъ, тотъ бросилъ монету на столъ и отошелъ.

Камилла смотрѣла, какъ принцъ взялъ гвоздику и закололъ ее въ петлицу. Сдѣлавъ это, онъ поднялъ глаза на Камиллу и улыбнулся ей.

Противъ воли она тоже улыбнулась. Одну секунду такъ глядѣли они другъ на друга, улыбаясь.

Камилла выбѣжала на террасу посмотреть, какъ они поѣдутъ. Но принцъ не оглянулся на нее, хотя она ждала почему-то этого. Онъ былъ слишкомъ занятъ предстоящей прогулкой и спрашивалъ о чемъ-то кучера.

Долго смотрѣла Камилла на мелькающую въ аллеѣ бѣлую съ синей лентой панаму господина Вернера.

Госпожѣ Сацъ пришлось окликнуть Камиллу, такъ какъ русскій министръ уже спрашивалъ свою газету.

Оживленнѣе и веселѣе болтала сегодня Камилла съ посѣтителями, подходившими къ ней за газетами и цвѣтами.

Она слышала, какъ два французъ, пріѣхавшіе вчера вечеромъ, говорили про нее: «Она прелестна

эта маленькая продавщица». Смѣясь, они прошли мимо, оглядываясь, и продолжая говорить про нее.

Обычно любезности и эти слишком пристальные взгляды богатых иностранцев смущали Камиллу, ей дѣлалось стыдно и обидно, но сегодня такъ весело свѣтило солнце, такъ радостно было на душѣ, что, не узнавая себя, Камилла улыбулась, не отворачиваясь отъ этихъ смѣшныхъ французовъ.

Камилла ловила себя на томъ, что оборачивалась каждый разъ къ двери, когда входили собиравшіеся къ завтраку иностранцы.

Господинъ Вернеръ и его секретарь пріѣхали почти передъ самымъ завтракомъ. Они заняли столикъ въ далекомъ углу, и, разложивъ карту, обсуждали планы новыхъ экскурсій.

Секретарь всталъ изъ-за стола, и вышелъ изъ залы. Почти въ ту же секунду, какъ онъ скрылся за дверью, господинъ Вернеръ тоже поднялся.

Сконфуженно пробираясь между столиками (все слѣдили за принцемъ), онъ направился къ Камиллѣ. Она чувствовала, что краснѣетъ и дѣлала видъ, что очень занята раскладкой газетъ.

— Я потерялъ вашу цвѣтокъ,—неувѣренно выговаривая слова, произнесъ принцъ,—и хотѣлъ васъ попросить дать мнѣ новый.

Камилла подняла глаза на него.

Господинъ Вернеръ не улыбался и стоялъ,

опустивъ глаза; длинныя рѣсницы клали тѣнь на щеки.

Почему-то у Камиллы дрожали руки, когда она вытаскивала гвоздику, уже не выбирая лучшую. Она не рѣшилась протянуть цвѣтокъ принцу и положила гвоздику на край стола.

Въ дверяхъ показался секретарь. Будто поймаанный на мѣстѣ преступленія, съ мальчишескимъ смущеніемъ принцъ взялъ цвѣтокъ и, позабывъ заплатить, пошелъ къ своему ментору.

Вся зала наблюдала эту сцену. Г-жа Сацъ одобрительно кивала головой изъ-за своей стойки.

III.

Прошло нѣсколько дней.

Къ присутствію принца все привыкли и общее вниманіе гораздо больше привлекала пріѣхавшая на курортъ дама, героиня недавняго громкаго уголовного процесса.

Только Камилла досадливо чувствовала, что краснѣетъ, когда въ залу входили принцъ и баронъ, его секретарь.

Принцъ не покупалъ больше гвоздики и только издали раскланивался съ продавщицей.

Впрочемъ, вообще онъ появлялся въ общей залѣ все рѣже и рѣже, обѣды и ужины посылали въ его комнаты, тамъ же онъ большую часть дня проводилъ, лежа на своемъ балкончикѣ. Говорили, что принцъ чувствуетъ себя нехорошо,

и знаменитый профессоръ приѣзжалъ экстреннымъ поѣздомъ изъ Парижа три раза на одной недѣлѣ.

Г-жа Сацъ, умѣвшая вмѣшаться во всякое дѣло, взялась ухаживать за принцемъ, и побѣдила даже горделивое пренебреженіе барона. Она варила принцу какую-то особенную кашку и развлекала его своей неутомимой болтовней.

Она одна изъ всей прислуги отеля допускалась въ комнаты принца и даже нерѣдко, замѣняя барона, сопровождала принца въ его прогулкѣ къ берегу моря.

Камилла видѣла изъ окна, какъ они медленно проходили по аллеѣ и принцъ садился отдыхать на скамейку, а г-жа Сацъ, выразительно жестикуюлирую, рассказывала ему что-то.

Однажды вечеромъ, когда Камилла уже собиралась уходить, къ ней подошла г-жа Сацъ.

— Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами, милая Камилла,—сказала она нѣсколько слащаво,—съ этими хлопотами мы совсѣмъ не видимся, а у меня есть кое-что рассказать вамъ. Я вѣдь никогда никого не забываю и забочусь обо всѣхъ. Можетъ быть, вы зайдете ко мнѣ поболтать полчаса. Къ тому времени, можетъ быть, и дождь перестанетъ.

Камиллѣ почему-то сдѣлалась противна г-жа Сацъ съ ея сладкой улыбкой, кромѣ того, Карль, навѣрно, уже давно ждалъ ее, и неловко было заставлять его мокнуть на дождѣ.

Видя ея нерѣшительность, г-жа Сацъ повторила выразительно:

— Мнѣ очень бы хотѣлось рассказать вамъ кое-что, милая Камилла.

Она взяла за руку дѣвушку и почти насильно повела за собой.

Въ комнатѣ г-жи Сацъ былъ приготовленъ ужинъ и два прибора, очевидно, она заранѣе рѣшила пригласить Камиллу.

— Садитесь, душенька, вы такъ устали, подъ глазами синяки... ай, ай, надо заботиться о себѣ. Положимъ, вамъ еще все идетъ и эта томная блѣдность... Вы очаровательны, милая!

Г-жа Сацъ суетилась, усаживая Камиллу, пододвигая ей кушанья и наливая въ стаканъ вино.

— Попробуйте это вино, оно со стола его высочества,—угощала г-жа Сацъ.

Камилла сдѣлала нѣсколько глотковъ. Нѣжная теплота разлилась по тѣлу, стало веселѣе, и г-жа Сацъ, съ ея суетливой заставляющей насторожиться ласковостью, не была такъ противна.

— Отличное вино!—промолвила Камилла, откидываясь на спинку стула.—Какъ счастливы эти принцы!

— Вотъ ужъ нѣтъ,—заговорила г-жа Сацъ,—вотъ ужъ нѣтъ. Посмотрѣли бы вы на нашего господина Вернера. Трудно представить себѣ принца болѣе добраго, красиваго, изящнаго, ласко-

ваго, простого, а, вы думаете, онъ счастливъ? Болѣзнь его, это что—пустяки. Ему гораздо лучше и онъ давно бы поправился, если бы былъ немножко счастливѣе.

Она помолчала, выпила почти полный стаканъ вина и, пододвинувшись къ Камиллѣ, заговорила;

— Знаете, онъ плакалъ, клянусь Мадонной, плакалъ цѣлую ночь и знаете почему?—Я сказала ему, что вы—невѣста другого.

— Что вы говорите, госпожа Сацъ!—воскликнула съ какимъ-то ужасомъ Камилла.—Что вы говорите, не надо!

— Говорю то, что было, только то, что было,—еще ближе придвигаясь къ Камиллѣ, касаясь ея колѣнь, повторяла г-жа Сацъ.—Только о васъ то и разговоръ у насъ. Какъ онъ страдаетъ, какъ мучается, бѣдненькій. Оттого-то и хуже ему стало, только оттого.

Камилла почти не слышала г-жи Сацъ, а та, будто заколдовывая ее, шептала, заглядывая въ глаза.

— Только вы можете спасти принца, только о васъ дни и ночи мечтаетъ онъ. Подумайте, принцъ! Какая радость, какое счастье ожидаетъ васъ обоихъ, если вы захотите. Царская роскошь окружитъ васъ и любовь такого прекраснаго, такого нѣжнаго принца. Вы будете первой его любовью. Подумайте!

Наконецъ она замолчала. Камилла сидѣла, закрывъ лицо руками, не двигаясь.

Г-жа Сацъ сказала другимъ, своимъ обычнымъ голосомъ, будто все уже было рѣшено:

— Принцъ очень робокъ, онъ не осмѣлится первый сказать вамъ. Вы пошлете ему букетъ красныхъ розъ, и это будетъ вашимъ признаніемъ. Такъ будетъ удобнѣе и для васъ, и для него.

Карль не дождался въ этотъ вечеръ своей невѣсты, хотя онъ терпѣливо ходилъ подъ дождемъ, пока не погасли всѣ огни отеля.

Камилла прошла заднимъ ходомъ.

IV.

Весь слѣдующій день Камилла провела въ тревогѣ.

Ей казалось, что она не можетъ увидѣть сегодня принца. Почти съ ужасомъ быстро взглядывала она всякій разъ, когда открывалась дверь, но ни принцъ, ни его секретарь не показывались въ тотъ день въ залѣ.

Госпожа Сацъ тоже не подходила къ Камиллѣ, она казалась очень озабоченной чѣмъ-то.

Отъ волненія Камилла ничего не ѣла цѣлый день и къ вечеру почти лишилась чувствъ отъ слабости и напряженнаго ожиданія чего-то страшнаго, что могло случиться каждую минуту,

когда откроется дверь и войдетъ онъ—господинъ Вернеръ.

Камилла вздрогнула, когда на улицѣ ее окликнули:

— Камилла, милая, наконецъ-то.

На секунду невозможное представилось ей, показалось, что человѣкъ, протягивающій къ ней руки,—это принцъ.

— Не нужно, не нужно!—въ ужасѣ вскрикнула она, пытаясь бѣжать.

— Что съ тобой, милочка?—удивленно спрашивалъ Карлъ, несмотря на дождь и вчерашнюю неудачу, поджидавшій ее.

Идя подъ руку съ женихомъ, вздрагивала Камилла отъ неяснаго и вмѣстѣ сладостнаго почему-то смущенія. Она не слышала словъ Карла, радостно болтавшаго, что, если дѣла пойдутъ хорошо, то недѣли черезъ три можно будетъ отпраздновать свадьбу.

Будто въ бреду, казалось Камиллѣ, что не Карлъ идетъ рядомъ съ ней, властно держа въ своей рукѣ ея руку, нѣжно наклоняется къ ней, не его, такія простыя слова о квартирѣ, которую они наймутъ, о мебели и заказахъ слышались ей. Вель кто-то другой, таинственный, Камиллу, говорилъ слова нѣжныя, сулящія необычайное и страшное.

Только, когда въ переулкѣ крѣпче, чѣмъ обычно, обнялъ Карлъ свою невѣсту и жадныя губы его коснулись ея губъ, вдругъ опомнилась Камилла и ужасъ овладѣлъ ея душой.

— Нѣтъ, нѣтъ,—почти крикнула она и вырвалась изъ его объятій.—Нѣтъ, нѣтъ! Никогда этого не будетъ!—повторила Камилла грозно.

— Какъ не будетъ? Да что съ тобой?—сказалъ Карлъ со смѣшкомъ.—Кто же запретить мнѣ цѣловать черезъ три недѣли мою милую женушку.

— Не будетъ этого, никогда не будетъ,—съ рыданіями воскликнула Камилла и побѣжала домой.

Всю ночь странныя безпокойныя видѣнія преслѣдовали ее. Снилось ей, будто по безконечному ряду пышныхъ залъ ведетъ ее блѣдный, прекрасный принцъ.

— Все это твое и будешь ты богаче всѣхъ принцессъ міра, потому что ты прекраснѣе всѣхъ,—говоритъ онъ, и узнаетъ Камилла нѣжную, ласковую улыбку,—такъ улыбался господинъ Вернеръ, закалывая ея цвѣтокъ въ петлицу.

• Вотъ совсѣмъ близко наклоняется къ ней лицо принца.

— Милая!—шепчетъ онъ.

Его губы касаются ея губъ, но нѣтъ, не его это сладкіе, нѣжныя поцѣлуи, это грубые, такіе привычныя поцѣлуи Карла, и вся въ слезахъ проснулась Камилла, съ отвращеніемъ повторяя:

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда этого не будетъ.

Утромъ едва встала Камилла.

— Что вы такая блѣдная, душенька?—находу спросила г-жа Сацъ, но не остановилась,

не дождалась отвѣта, и побѣжала озабоченно наверхъ, туда въ комнаты господина Вернера.

Какъ во снѣ провела этотъ день Камилла. Она отвѣчала на вопросы покупателей, улыбалась, но, покорная, уже не тревожилась, не мучилась, даже не думала, будто кто-то рѣшилъ ея судьбу и сладкая безвольность овладѣла Камиллой.

Спокойно заказала она по телефону въ садоводство, чтобы прислали букетъ красныхъ розъ; спокойно, тщательно осмотрѣвъ букетъ, отдала его кельнеру, и сказала:

— Отнесите, Фридрихъ, этотъ букетъ господину Вернеру, скажите, что эти цвѣты отъ меня, онъ знаетъ.

Спокойно спрятала газеты въ шкафъ, и ушла черезъ задній ходъ, чтобы избѣжать ненужной теперь встрѣчи съ Карломъ.

Фридриху пришлось три раза постучать въ дверь. Баронъ открылъ ему.

— Эти цвѣты, ваше превосходительство, мадемуазель Камилла просила передать господину Вернеру,—сказалъ лакей, протягивая букетъ.

— Господину Вернеру?—переспросилъ баронъ, въ какой-то нерѣшительности не беря букета.

— Такъ точно, ваше превосходительство. Господинъ Вернеръ самъ заказалъ эти цвѣты, онъ знаетъ.

— Хорошо,—проговорилъ баронъ, какъ бы рѣшивъ что-то, и взялъ букетъ.

Въ первойбо льшой комнатѣ, служившей гостиной, знаменитый парижскій профессоръ, прохаживаясь, диктовалъ своему ассистенту исторію болѣзни. Два доктора тихо разговаривали въ углу.

— Ихъ величество придутъ въ десять часовъ, до тѣхъ поръ ничего не должно быть извѣстно,—сказалъ баронъ.

— Я знаю,—досадливо отвѣтилъ профессоръ, и продолжалъ диктовать:—Слабое развитіе грудной клѣтки и общая слабость организма не давали возможности успѣшно бороться....

Баронъ прошелъ въ сосѣдную комнату, держа букетъ Камиллы въ рукахъ, и, какъ бы не зная, какъ съ нимъ поступить.

Спущенныя занавѣси на открытыхъ окнахъ колебались. Въ комнатѣ было почти темно. На широкой кровати лежалъ господинъ Вернеръ. Въ сумракѣ едва бѣлѣло его лицо на высокой подушкѣ, бѣлая рубашка и сложенные на груди тонкія руки. Баронъ нагнулся надъ кроватью. Лицо господина Вернера было спокойно, длинныя рѣсницы полуопущены, полуоткрытыя губы, казалось, улыбаются нѣжной улыбкой.

Баронъ развязалъ букетъ, и сталъ раскладывать розы на подушку и одѣяло.

— Это первые цвѣты вамъ, мой принцъ,—растроганно прошепталъ баронъ.

СПБ. Апрѣль 1912 г.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ БАРОНА
ФОНЪ-КИРИЛОВА.

Нѣжно прозвенѣли куранты, семь разъ склонился томный пастушокъ къ фарфоровой возлюбленной своей, по хитрой выдумкѣ гамбургскаго механика каждый часъ обозначая поцѣлуемъ. Поднявъ глаза, меланхолически наблюдалъ знакомую сцену баронъ фонъ-Кириловъ, и, когда опять возвратился пастушокъ въ свою бронзовую хижину, баронъ вздохнулъ и тоненькимъ голосомъ, аккомпанируя себѣ на разбитыхъ клавесинахъ, запѣлъ:

«Птичка вылетаетъ,
Любовь возвращаетъ.
— Ахъ, гдѣ найти подругу,
Чѣмъ разогнать любовну скуку?»

Выходило не слишкомъ складно, но трогательно. Слабость имѣлъ юный баронъ къ сочиненію нѣжныхъ стишковъ, чѣмъ въ немалое огорченіе приводилъ свою матушку, баронессу Марію Петровну фонъ-Кирилову.

Впрочемъ, не только стихами огорчалъ онъ свою почтенную матушку. Многое въ характерѣ

и привычкахъ барона безпокоило Марію Петровну. Быль онъ вполнѣ здоровъ, лицомъ румянь, но любилъ слишкомъ уединеніе и въ тихой меланхоліи цѣлыми часами обрѣтался, несмотря на свои шестнадцать лѣтъ, чуждался всякихъ увеселеній, былъ тихъ и застѣнчивъ. Все это смущало и озабочивало баронессу, мечтавшую для сына о блестящей карьерѣ.

Такъ и въ сей предвечерній жаркій еще часъ, въ то время, какъ баронъ любовался игрой курантовъ и наигрывалъ томную свою пѣсенку, баронесса сидѣла въ диванной, въ глубокомъ креслѣ, пила брусничную воду и, вздыхая, выслушивала, что докладывалъ ей Еремѣичъ, дядька барона, онъ же лейбъ-медикъ и главный совѣтчикъ во всѣхъ сложныхъ дѣлахъ.

— На здоровье свое милость ихъ пожаловаться не могутъ. Кушаютъ исправно, излишествомъ иной разъ причиняя себѣ легкое недомоганіе. Къ занятіямъ склонность имѣютъ, въ шалостяхъ не замѣчены. Но...—Еремѣичъ откашлялся:—къ женскому естеству смущеніе и робость обнаруживаютъ. Какъ не разъ вамъ, государыня милостивѣйшая, докладывалъ, отъ робости сей и меланхолія прискорбная происходитъ, коя столь справедливо безпокоитъ вашу милость изволить.

— Ахъ, и не говори, Еремѣичъ,—скорбно заговорила баронесса.—Ума не приложу, какъ въ сей оказіи поступить? Другихъ удерживать

строгостью нужно, а онъ будто малый ребенокъ, только голубей кормить, да на клавесинахъ брэнчать. Женить бы его, да пары достойной нѣтъ, къ тому же развѣ съ молодой женой обойтись бы сумѣлъ? Ахъ, Еремѣичъ, ночи, повѣришь, не сплю, все о предметѣ семъ раздумываю. Вотъ ужъ поистинѣ съ большимъ дитятей и заботы большія. Ты бы мнѣ капель даль, что ли, для успокоенія мыслей.

— Каплей, государыня, дать можно, но, дабы причины огорченія устранить, тонко обдумать все слѣдуетъ и дѣйствовать съ осторожностью и рѣшимостью.

Многозначительный видъ Еремѣича даже нѣсколько утѣшилъ баронессу и не безъ тревоги она спросила:

— Какъ же дѣйствовать ты предполагаешь?

— Ежели дозволено будетъ высказать мнѣ свой планъ, такъ вотъ онъ каковъ. Съ одной стороны, вы, государыня милостивѣйшая, соизволите побезпокоить себя и его милости высказать, что не токмо не огорчитъ васъ, но даже порадуетъ, коли найдетъ себѣ нѣкую утѣху. Съ другой же, я свои мѣры приму. Есть во дворнѣ дѣвка Лушка. Оную дѣвку можно было бы какъ должно наставить, къ тому же замѣчено мною было, что не противна она его милости и, когда на Троицу изволилъ въ играхъ участіе принять на лугу, ни кого другого, какъ Лушку до трехъ разъ его милость выбирали, что примѣчено всей дворней было.

— Ахъ, зазорно все, что говоришь ты, Еремѣичъ, и слѣдь ли матери въ такія дѣла вникать,—начала головой баронесса, но, пораздумавъ, отпивъ воды брусничной, спросила:—а какая изъ себя Лушка сія будетъ?

— Отмѣнная дѣвка, позволю себѣ аттестовать, и красотой, и крѣпостью вышла изрядно. Не смѣлъ бы о недостойной и слова вымолвить.

Видя нерѣзительность и даже смятеніе баронессы, журчащимъ голосомъ змія-соблазнителя заговорилъ Еремѣичъ, голову низко склоняя:

— Не мудро ли будетъ, государыня милостивѣйшая, вмѣсто того, чтобы случайностямъ пагубнымъ юное сердце предоставлять, самимъ заботу взять и на должное направить. Что же до зазорности, такъ вѣдь не о себѣ печемся, а о счастіи дитяти.

Долго еще говорилъ Еремѣичъ; только вздыхала баронесса, маленькими глотками отпивая брусничной воды изъ своего стакана.

Баронъ же, между тѣмъ, окончивъ свою игру, всталъ и, взявъ шляпу и трость, вышелъ на обычную свою вечернюю прогулку.

Узкой тропинкой шелъ онъ по конопляннику къ рѣчкѣ. Садилось солнце, желтѣли пригорки налившейся ржи, съ пѣснями возвращались поселяне съ работъ и стадо пылило по большой дорогѣ.

Съ тихой меланхоліей наблюдалъ сей прелестный пейзажъ баронъ. Постоявъ, осмотрѣлъ просторъ полей плавно колыхавшихся, далекую бѣлую церковку, синій боръ на горѣ, мельницу и, помахивая тростью, медленно пошелъ дальше. Вздыхалъ и оглядывался все тревожнѣе, чѣмъ ближе подходилъ къ рѣчкѣ.

Густыми кустами ракитника поросли берега рѣчки и узкая тропинка едва пробивалась между цѣпкой зеленью. И вотъ на небольшой полянкѣ у стога душистаго сѣна остановился баронъ. Онъ уже не наблюдалъ красотъ природы, вьющейся между вѣтками видной рѣчки, голубого неба съ алыми отсвѣтами близкаго захода, не вдыхалъ аромата травъ; онъ, несомнѣнно, ожидалъ кого-то, ожидалъ боязливо и смущенно.

Быстрые раздались шаги по тропинкѣ, и, мелькнувъ желтымъ сарафаномъ и голубымъ платкомъ, выбѣжала на полянку съ другой стороны,—нѣтъ не Сильфида, не Нимфа, а босоногая раскраснѣвшаяся Лушка.

Не соврала Еремѣичъ: красотой и крѣпостью взяла дѣвка. Такая плотная, грудастая, съ лицомъ румянымъ, глазами веселыми и плутоватыми, губами, какъ малина, что на гулянкѣ рѣдкій парень могъ удержаться, чтобы не ущипнуть или не хлопнуть по спинѣ, а ежели встрѣтится гдѣ въ переулкѣ, то какъ не прижать къ забору да не расцѣловать. Ну, да Лушка маху не

дасть, коли не по нраву пришелся, такъ ковырнеть, что на ногахъ не удержишься.

Не совралъ Еремѣичъ также, что еще на Троицу приглянулась она его милости, ну, а о томъ, что едва ли не каждый день подь вечеръ не то случайно, не то по уговору встрѣчаются они на уединенной полянкѣ и что сіе-то и есть причина томныхъ вздоховъ барона, объ этомъ или не зналъ, или, точнѣе, говорить старая лиса нужнымъ не нашель.

Вспыхнулъ баронъ, а послѣ бѣлѣе полотно сталь, даже покачнулся, будто не румяную, улыбающуюся дѣвку увидѣлъ, а таинственный, невѣдомый призракъ.

Лушка же, мало смущаясь и оправляя сбившійся платокъ, первая заговорила:

— Вотъ и еще Богъ привель встрѣтиться. По тропкѣ этой ближе домой добѣжать, а вашей милости, знать, по нраву пришлось для гулянки полянку сію выбрать,—улыбалась она, безъ всякаго испуга глядя въ лицо барину, а тотъ глазъ поднять не смѣлъ.

Нѣсколько минутъ въ молчаніи стояли они другъ противъ друга и, наконецъ, собравшись съ духомъ, сказалъ или, вѣрнѣе, простоналъ баронъ:

— О, не знаешь ты, какой сладкой горестью наполняютъ меня эти встрѣчи.

— Чѣмъ же прогнѣвала вашу милость, чѣмъ не угодила, пошто горевать изволите? Прика-

жите рабѣ послушной и все исполнить,—съ приторнымъ смущеніемъ отвѣчала Лушка, опуская глаза и изъ-подъ черныхъ рѣсницъ лукавыя стрѣлы пуская.

— Ахъ, не ты огорчила меня. Ты токмо радость сердцу принесла и впервые заставила его биться невѣдомымъ чувствомъ. Зачѣмъ не бѣдный поселанинъ я, зачѣмъ не въ Аркадіи мы беззаботные пастушки. Что бы тогда помѣшать намъ могло соединить наши руки. А нынѣ, какъ матушку рѣшусь огорчить, какъ скажу ей.

— А къ чему сказывать,—перебила вдругъ Лушка патетическую рѣчь барона, но тотъ, не отвѣтивъ, продолжалъ:

— Въ гробъ бы свель ее, предразсужденія неравенства нарушивъ. Лучше бы не встрѣчаться намъ вовсе. Хотя нѣтъ, забуду ли тотъ счастливый день, когда первый взглядъ мой на тебѣ остановился, счастливый и вмѣстѣ гибельный день. Теперь же пришелъ я тебѣ сказать, что лучше намъ и не видѣться. Встрѣчи тайныя обнаружены могутъ быть, а исхода изъ бѣдственнаго положенія нашего нѣтъ. Прощай же, Луша, прощай, первая чистѣйшая любовь моего сердца, коя неисцѣлимую рану на всю жизнь въ немъ оставить.

Баронъ хотѣлъ что-то сказать, но всхлипулъ, повернулся и, закрывъ глаза руками, быстро сталь удаляться.

Лушка же постояла въ раздумьи, досадли-

во махнула рукой и побѣжала близкой тропой прямо въ усадьбу, такъ какъ должна была о каждомъ свиданіи, не принесшемъ до сихъ поръ никакихъ плодовъ, доносить Еремѣичу.

Къ ужину баронъ опоздалъ, чего ранѣе никогда съ нимъ не случалось, и таковъ видъ его былъ необычаенъ, что почти съ ужасомъ воскликнула баронесса:

— Что съ тобой, другъ мой?

— Ахъ,—вздыхнулъ баронъ и почти упалъ на стулъ. Только испробовавъ поросенка съ кашей, нѣсколько оправился баронъ и промолвилъ:

— Не безпокойтесь, дражайшая маменька. Нѣтъ такой жертвы, которую не перенесъ бы для васъ нѣжно любящій сынъ.

— О чемъ ты толкуешь, понять не могу,— съ тревогой спрашивала баронесса и потомъ, вспомнивъ наставленія Еремѣича, заговорила:— другъ мой, знаю, что любишь меня преданно, но огорчаетъ меня меланхолическій нравъ твой. Тебѣ ли въ молодости, въ достаткѣ предаваться унынію. Отчего не найдешь забавы себѣ? Молодости свойственно веселье, иной разъ шалости, а ты всегда одинъ и печаленъ. Что съ тобой? Почему не откроешься мнѣ?

Баронъ вздохнулъ, отодвинулъ тарелку и опустил голову.

— Ужели ничто не прельщаетъ тебя столь свойственное юному возрасту? Набралъ бы изъ

дворни парней и дѣвокъ. Пѣсни бы пѣть приказалъ, а ежели бы приглянулся кто!..

Тутъ баронесса закашлялась и смолкла, а баронъ, вспыхнувъ и съ слезами на глазахъ, дрожащимъ голосомъ вымолвилъ:

— Неужто до васъ дошли недостойные слухи? Неужто не повѣрите мнѣ, что если бы недозволенное чувство и прокралось въ сердце, такъ не позволилъ бы себѣ огорчить васъ недостойнымъ поведеніемъ?

При этихъ словахъ баронъ всталъ изъ-за стола, поцѣловалъ матушкину руку и удалился на свою половину, оставивъ баронессу въ недоумѣніи.

Продолжая тяжело вздыхать, вошелъ баронъ въ свою комнату, погруженный въ мрачное смятеніе, опустился въ кресло и поставилъ ногу на скамеечку, дабы Филька-казачекъ разстегнулъ туфли и приступилъ къ ночному туалету барина.

Каково же было не только изумленіе, но прямой ужасъ барона, когда вмѣсто стриженаго затылка Фильки у своихъ ногъ увидѣлъ бѣлокурые косы Лушки, которая, ставъ на колѣни передъ кресломъ, разстегивала пряжку баронской туфли.

— Какъ рѣшилась ты!—воскликнулъ баронъ фонъ-Кириловъ не своимъ голосомъ.—Скорѣй, скорѣй бѣги отсюда. Иначе мы погибли.

Онъ вскочилъ и бросился къ двери, но,

увы, въ ту же секунду зазвенѣлъ замокъ: кто-то заперъ снаружи дверь.

Какъ безумный, метался баронъ по комнатамъ, а Лушка сидѣла на полу и безъ малѣйшаго смущенія и страха смотрѣла на барона.

— Бѣги, бѣги,—повторялъ тотъ, а она улыбаясь вымолвила:

— Зачѣмъ же бѣжать? Неужто столь противна вамъ?

— Какъ рѣшилась ты на такую дерзость?—спросилъ баронъ, нѣсколько пораженный ея спокойнымъ видомъ и тономъ.

— Въ полюбовницы къ вамъ поставлена. Самъ Павелъ Еремѣичъ свели меня сюда и приказали,—сказала она съ улыбкой.

— Какъ?—баронъ даже сѣлъ на кровать отъ изумленія.

— Да и отъ барыни на то приказъ вышелъ,—отвѣчала дѣвка.

— Луша, Луша! что ты говоришь, какой позоръ, какъ поруганы чувства наши чистыя,—восклидалъ баронъ, а Луша, подползя по ковру къ кровати, обнимала ноги несчастнаго влюбленнаго и вкрадчиво шептала:

— Какой же позоръ. Счастье-то какое. Такъ угождать вамъ буду, а отъ барыни подарки; вся дворня Лукерей Спиридоновой величать будетъ, а ужъ я-то васъ такъ утѣшу, такъ утѣшу. Довольны останетесь. Нельзя же воли маменькиной противиться, а онъ, видя печаль ва-

шу, сжалились и осчастливить насъ изволили. Пожалуйте ручку.

Она уже цѣловала руку безпомощно повисшую, снимала туфли и ловче Фильки справилась съ прочей одеждой, все время ласково приговаривая. Баронъ молчалъ, не переставая тяжело вздыхать. Потомъ, быстро скинувъ съ себя сарафанъ, Лушка задула свѣчу и, прижимая голыми руками къ пышной груди своей огорченнаго все еще чѣмъ-то любовника, шептала:

— Развѣ не говорилъ, что любишь, такъ что же не поцѣлуешь.

На другое утро, встрѣтивъ по обычаю барона у дверей, Еремѣичъ пожелалъ добраго утра и, приложившись къ рукѣ, промолвилъ:

— Виноватъ я передъ вашей милостью: не спросясь, Фильку отослалъ и новаго слугу поставилъ вамъ.

Баронъ вспыхнулъ, но все же не безъ шутовности отвѣтилъ:

— Ничего, Еремѣичъ, въ вину тебѣ не поставлю. Много усерднѣе новый слуга.

Когда же въ предвечерній часъ сѣлъ баронъ къ клавесинамъ, веселѣе зазвѣли ржавыя струны. Нѣжно прозвенѣли куранты и семь разъ склонялся томный пастушокъ къ фарфоровой возлюбленной своей, и уже безъ всякой меланхолии наблюдалъ ихъ любовную игру баронъ фонъ-Кириловъ.

С.-П.-Б. Сентябрь 1913 г.

СЕРДЦЕ ВОИНА.

ЖЕЛТАЯ КАРЕТА.

I.

Желтая маленькая карета со спущенными занавѣсками, запряженная сѣрымъ жеребчикомъ, съ кучеромъ въ зеленой ливреѣ на высокихъ козлахъ, повернула на набережную Мойки.

Два молодыхъ человѣка остановились на углу Невскаго, давая ей проѣхать.

— Ба! Карета маэстро Корнелиуса. Ну, Сашка, не будетъ намъ удачи,—воскликнулъ одинъ изъ молодыхъ людей,—знаешь, попа ли, чародѣя ли встрѣтить, идя на амурное свиданіе или къ ростовщику—это не къ добру.

— Но, вѣдь, ни то, ни другое не предстоитъ намъ сегодня,—отвѣтилъ другой, невольно слѣдя взоромъ за блестящей на октябрьскомъ солнцѣ желтой каретой, быстро удалявшейся.

— Счастливъ нашъ Богъ, а то у Корнелиуса глазъ тяжелый, особенно для влюбленныхъ и должниковъ.

— Да кто же этотъ столь таинственный господинъ Корнелиусъ?—спросилъ Александръ Федоровичъ Бурановъ, изъ двухъ собесѣдниковъ

младшій, еще по провинціальному неловкій въ своемъ изящномъ отъ моднаго портного рединготѣ.

Другой, Семень Ивановичъ Серебровъ, былъ невысокаго роста, въ длинныхъ рыжеватыхъ кудряхъ, съ слегка одутловатымъ блѣднымъ лицомъ, которому придавалъ онъ то ироническое, то мечтательное выраженіе, въ очкахъ, одѣтый тщательно и даже щегольски, съ намѣреннымъ отступленіемъ отъ моды.

— Никто точно не знаетъ, что за особа маэстро Корнелиусъ. Иные почитаютъ его едва ли не за самого Вельзевула, другіе считаютъ ловкимъ шарлатаномъ и свѣтскимъ челоуѣкомъ, — промолвилъ съ усмѣшкой Семень Ивановичъ. — Мнѣ случалось раза два встрѣчать его. Корнелиусъ не старъ, то есть лѣта его никому неизвѣстны; онъ красивъ, нравится женщинамъ, пренебрегая, впрочемъ, ими, такъ какъ только деньги и политика, кажется, интересуютъ его. Вотъ, что я знаю достовѣрно. Разказовъ же про него не оберешься. Это самая модная тема вотъ ужъ третій сезонъ. Я знаю одно: что эта желтая карета портитъ мнѣ аппетитъ, а повстрѣчаться ночью лицомъ къ лицу съ господиномъ Корнелиусомъ я бы вовсе не желалъ.

Серебровъ замолчалъ.

Больше о господинѣ Корнелиусѣ не заходилъ разговоръ, и, увлеченный новыми для него столчными развлеченіями, скоро забылъ думать

о мимолетной встрѣчѣ Александръ Феодоровичъ Бурановъ, сынъ богатаго самарскаго помѣщика, посланный въ Петербургъ отцомъ для усовершенствованія образованія и возобновленія старинныхъ знакомствъ и родственныхъ связей.

II.

Анета Тихородова, сидя у окна, вышивала по широкой нѣжно-бирюзовой полосѣ розовые цвѣточки и мурлыкала про себя грустную пѣсенку. Противъ своего обыкновенія она не поднимала головы, когда въ окнѣ мелькала тѣнь какого-нибудь прохожаго, не рассказывала городскихъ новостей, не смѣялась, и вовсе не обращала вниманія на Александра Феодоровича, уже болѣе получаса сидѣвшаго неподвижно въ креслѣ и курившаго свою трубку.

Попробовалъ было Александръ Феодоровичъ самъ начать разговоръ, спросивъ:

— Весело ли вчера на балу танцовали, Анна Павловна?

Но Анета только поморщилась, и ничего не отвѣтила.

Александръ Феодоровичъ, осторожно ступая, походилъ по комнатѣ, внимательно разглядывая давно изученныя картинки: — пастушку съ барашкомъ, голубковъ на окнѣ, гусара съ саблей. Онъ обрадовался, когда изъ сосѣдней комнаты

окликнула его полковница Елизавета Михайловна.

— Иди, батюшка, кофейку выкушай.

Тихородова была тучная дама лѣтъ подъ пятьдесятъ, еще бодрая, нрава веселаго и простого.

Привезенный въ этотъ маленькій домикъ Серебровымъ, доведившимся дальнимъ родственникомъ Тихородовымъ, находилъ Александръ Федоровичъ здѣсь ласку и тепло.

Особенно же благоволила къ молодому человѣку сама полковница, но и Анета, лукаво посмѣиваясь надъ провинціальной неловкостью манеръ Буранова, болтала съ нимъ охотно, и позволяла исполнять желанія и прихоти свои, заставляя то держать шерсть, то читать вслухъ трогательные стишки, то мчаться, сломя голову, за билетомъ въ театръ. Поэтому былъ огорченъ и удивленъ сегодня Александръ Федоровичъ страннымъ пріемомъ Анеты; вспоминалъ, чѣмъ могъ досадить ей, и не могъ вспомнить. Становилось ему тоскливо, и, не выдержавъ, спросилъ онъ у Елизаветы Михайловны, не знаетъ ли она причины разстройства Анеты?

— Охъ, ужъ съ этими дѣвками,—заговорила Елизавета Михайловна, понижая голосъ, такъ какъ побаивалась она слегка строптивой дочери—на свою голову избаловала ее только. Вчера на балѣ-то прямо срамъ. Не хочеть и не хочеть таяцковать. Кавалеры приглашаютъ, а она забилась

въ золотую гостиную, да цѣльный вечеръ съ нѣмцемъ и просидѣла.

— Съ какимъ нѣмцемъ?—безпокойно спросилъ Александръ Федоровичъ.

— Да песь его знаетъ, что за нѣмецъ. Высокій, бѣлобрысый такой. Я ужъ у княгини спрашивала: что это, дескать, за человѣкъ, не опасный ли? Она отвѣчаетъ, что его и во дворцѣ принимаютъ. Важный нѣмецъ. Имя вотъ только забыла, мудренное.

— Не Корнелиусъ ли?—самъ не зная почему, вспомнивъ мимолетнюю встрѣчу, спросилъ Бурановъ.

— Вотъ, вотъ, этотъ самый. Да ты, батюшка, развѣ его знаешь?—говорила полковница.

— Нѣтъ, такъ случайно вспомнилъ,—мямлилъ Александръ Федоровичъ, испытывая не то страхъ, не то ревность.

Вошла Анета; нахмурившись, посмотрѣла на говорившихъ.

— Шепчетесь, шептуны,—спросила она насмѣшливо:—все обо мнѣ судите, почему такая, а не этакая?

— Да, вотъ, о твоёмъ нѣмцѣ рассказываю. Похвалить не за что,—набравшись смѣлости, промолвила Елизавета Михайловна.

Румянцемъ вспыхнуло лицо Анеты.

— О чемъ же тутъ говорить? Много интереснаго мнѣ рассказалъ онъ, вотъ и сидѣла съ нимъ. А танцовать не хотѣлось—голова болѣла.

То, что Анета не разсердилась, не прикрикнула на мать, какъ часто бывало, а будто оправдывалась смущенно, страннымъ показалось Александру Ѳедоровичу. Все тоскливѣе становилось ему. Елизавета Михайловна длинный завела разговоръ о новыхъ модахъ. Анета, подперевъ рукой голову, молча сидѣла у стола. Падалъ за окномъ крупными хлопьями снѣгъ. Былъ только третій часъ, а ужъ темнѣло.

Бурановъ не остался, какъ обычно по воскресеньямъ до вечера, а распрощался, не удерживаемый хозяйками, которыя, послѣ вчерашняго вечера, не то не выспались, не то были въ дурномъ настроеніи.

Выйдя на улицу, долго колебался Бурановъ, въ какую сторону направиться. Наконецъ, рѣшилъ онъ пойти къ Сереброву; хотѣлось ему что-то узнать, о чемъ-то посоветоваться съ пріятелемъ, хотя точно не зналъ онъ, о чемъ именно, какъ не зналъ онъ еще, что смутная тоска его причиной своей имѣетъ не что иное, какъ любовь къ лукавой и шаловливой Анетѣ Тихородовой.

Было уже почти темно, когда добрался Бурановъ до дома Сереброва и, стукнувшись лбомъ о забытую по разсѣянности перекладину въ дверяхъ, вошелъ въ двѣ весьма изящно убранныя горницы, снимаемыя Семеномъ Ивановичемъ у Покровской дьячихи.

Серебровъ въ бухарскомъ халатѣ сидѣлъ у

столика, на которомъ стояли двѣ бутылки и тарелка съ черносливомъ, и игралъ въ карты съ хозяйкой-дьячихой. Дьячиха была молодая, тѣломъ пышная, лицомъ румяная, въ аломъ повойникѣ и зеленомъ сарафанѣ.

Игроки громко смѣялись, и, казалось, приходъ неожиданнаго гостя нѣсколько смутилъ ихъ.

— Кто тамъ?—недовольно промолвилъ Семень Ивановичъ, закрывая свѣчу рукой, чтобы разсмотрѣть вошедшаго.

Узнавъ Буранова, онъ сказалъ болѣе любезнымъ, но все же не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ:

— Ахъ, это ты, дружище! Хорошо сдѣлалъ, что зашелъ. Сижу анахоретомъ и скучаю.

Онъ всталъ навстрѣчу и смѣшалъ карты.

Дьячиха же, которая смущена была очень мало, лукаво усмѣхнулась:

— Заскучалъ сударикъ нашъ Семень Ивановичъ, вотъ веселю его, сколь умѣю, глупыми нашими бабьими затѣями.

Уходить же она, казалось, и не думала. Собрала карты, стасовала, и стала раскладывать ихъ на червонную даму.

Пріятели же, взявшись подъ руку, прохаживались по комнатѣ, закуривъ свои трубки и обмѣнивались короткими вопросами.

— Ну, какъ живешь? Что новаго?

И такими же отвѣтами:

— Плохо, братъ. А новости,—какія же наши новости!

Наконецъ, Серебровъ спросилъ:

— Ну, а Тихородовы что? Честная вдовица и проказливая Анета. Давно ихъ не видаль? Здоровы ли?

— Здоровы-то, здоровы, — промолвилъ въ раздумьѣ Александръ Ѳедоровичъ, котораго будто кольнуло что при воспоминаніи о страшномъ знакомствѣ Анетиномъ съ таинственнымъ нѣмцемъ.

— Такъ что же, замужъ Аннушка, что ли, выходитъ? Такъ тебѣ что? Ужели успѣлъ влюбиться? Тогда—дѣло плохо. Кузиночка помучить любить, и отвѣта ея не дожидаться. Бывали примѣры!

— Что ты глупости говоришь. Какъ не стыдно пустяки врать,—бормоталъ покраснѣвшій даже Александръ Ѳедоровичъ.

— А, вотъ, сейчасъ всю правду узнаемъ. Карта не вретъ,—пропѣла дьячиха, и зашлепала засаленою колодою.

Долго раскладывала она, и заинтересованный Александръ Ѳедоровичъ пересталъ уже опровергать и сердиться на шутки Сереброва. Выходило мудреное нѣчто по картамъ. Съ одной стороны будто задуманная особа надежду подаетъ, съ другой—пиковая дама, не родственная, и даже врядъ ли знакомая, все время дорогу преграждала и удачѣ мѣшала.

— Пихнуть бы старуху въ бокъ, чтобы безъ толку не толкалась,—засмѣялась дьячиха, бѣлые показывая зубы, и улыбулась лукаво:

— А то, такой молодой человѣкъ страдать долженъ попусту.

— Съ чего взяли вы, въ самомъ дѣлѣ,—бормоталъ Бурановъ.

— Нечего, нечего отказываться,—смѣялся Семень Ивановичъ, беря за талию пріятеля:—ну, выпьемъ-ка чарку, а хозяйшка принесетъ закусить, чѣмъ Богъ послалъ,—говорилъ Серебровъ, который опять былъ въ хорошемъ настроеніи, видимо, переставъ стѣсняться товарища.

Былъ Семень Ивановичъ, безъ очковъ, и совсѣмъ не имѣлъ того вида насмѣшливаго умника, какимъ всегда нужнымъ считалъ казаться своему провинціальному пріятелю. Весело перемигивался онъ съ дьячихой, которая проворно накрыла столъ бѣлой скатерью и заставила его блюдами и бутылками.

Умѣла веселая хозяйка уговорить выпить, и сама со смѣшкомъ вышивала. Скоро всѣ захмелѣли.

— Ну, эту чару за твою любовь, Сашенька,—поднялъ бокаль Серебровъ:—пей до дна, люби до конца!

— Кто же полюбитъ его удержится,—смѣялась еще болѣе покраснѣвшаяся дьячиха, поглядывая на Александра Ѳедоровича умильно,—желаю сладко любиться вамъ, да поскорѣе честнымъ пиркомъ, да и за свадебку.

Мутилась голова у Буранова отъ вина, отъ словъ этихъ. Будто сейчасъ только понялъ онъ, что и на самомъ дѣлѣ полюбилъ Анету Тихородову и счастье съ ней его ожидаетъ.

Уже не стѣсняясь, цѣловался Семень Ивановичъ съ пригожей хозяйкой.

— Ничего, онъ другъ мнѣ, и человекъ самъ влюбленный. Его беречься нечего,—не совсѣмъ ясно бормоталъ Серебровъ, а Александръ Федоровичъ, отойдя къ окну, смотрѣлъ на прояснившееся небо съ яркими звѣздами, на фонарь, стоявшій у самага окна, и, прижимаясь лбомъ къ холодному стеклу, бормоталъ:

— Аннушка, Анета, родная моя, жизни всей счастье мое! Жить развѣ могу безъ тебя! Вѣдь любишь, любишь, не обманешь!

Отъ сладкаго умиленія слезы уже катились изъ глазъ.

Вдругъ дико онъ вскрикнулъ: подъ самымъ окномъ, блеснувъ у фонаря, проѣхала желтая каретка, сѣрымъ жеребцомъ запряженная.

— Что съ тобой, другъ мой?—спрашивалъ заботливо Серебровъ, но Александръ Федоровичъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и бормоталъ только:

— Погубить онъ ее, голубку мою бѣлую, погубить!

Лицо его искажено было ужасомъ.

III.

Что-то останавливало Александра Федоровича пойти въ ближайшіе дни къ Тихородовымъ, гдѣ каждодневно прежде бывалъ онъ. Да и чувствовалъ онъ себя плохо; съ утра до вечера лежалъ Александръ Федоровичъ у себя въ комнатѣ, не то въ забытьѣ, не то въ тяжеломъ раздумьѣ. Вставалъ только обѣдать сходить въ сосѣдній трактиръ, потомъ опять ложился, не отвлекаясь мыслями объ Анетѣ, о странномъ происшествіи съ желтой каретой (хотя много разъ начиналъ вспоминать, въ чемъ собственно происшествіе состоитъ, и не мало удивленъ всякій разъ бывалъ, убѣдясь, что происшествія собственно никакого и не было). Понялъ въ эти дни Александръ Федоровичъ, что любитъ онъ Анну Павловну, и почему-то недоброй и роковой казалась эта любовь его разстроенному воображенію.

Когда дней черезъ пять посѣтилъ его Серебровъ, то не мало пораженъ былъ видомъ пріятеля.

— Да что ты, запоемъ пьешь, или лихорадка бьетъ тебя, братецъ. Совсѣмъ желтый сталъ, и глаза горять. А я, собственно, звать тебя къ Тихородовымъ приѣхалъ. Да гдѣ ужъ тебѣ!—говорилъ Семень Ивановичъ.

Какъ конь, трубный звукъ услыша, всполошился Александръ Федоровичъ и, несмотря на

всѣ уговоры Сереброва, что время терпѣть, можно и въ другой разъ поѣхать, а теперь лучше полежать, потребовалъ Александръ Ѳедоровичъ одѣваться, немалую живость вдругъ обнаруживъ.

Погода сумрачная стояла, мокрая, и оттепель приближалась. Всю дорогу Александръ Ѳедоровичъ, не умолкая, болталъ, съ одного на другой предметъ перескакивая.

Серебровъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, не безъ тревоги.

— Право, напрасно поѣхалъ. Горячка у тебя не начинается ли?—промолвилъ онъ.

— Вздоръ, вздоръ! Никакой горячки! Такъ просто, меланхолію на себя напустилъ, а теперь вижу, сколь глупо это было. Такъ лежать, можно и впрямь счастье свое пролежать, а этого я не намѣренъ, нѣтъ. Нѣтъ, никому не уступлю,—говорилъ Александръ Ѳедоровичъ, хитро подмигивая глазомъ.

— Помилуй, дружище, я въ толкъ не возьму,—все болѣе и болѣе удивляясь, спросилъ Серебровъ, который и думать забылъ о пьяныхъ рѣчахъ и странномъ припадкѣ пріятеля.

Анета встрѣтила Буранова, казалось, смущенно. Зато Лизавета Михайловна чуть не расцѣловала его отъ радости.

— Наконецъ-то пожаловалъ, а я думала совсѣмъ забылъ насъ!—говорила она, усаживая гостя.

— Помилуйте, развѣ могъ забыть,—бормоталъ Александръ Ѳедоровичъ, сразу потерявшій развязность свою.

— Вотъ привезъ вамъ бѣглеца. Засталъ его въ состояніи ужасномъ. Не знаю, что испѣлить его. Развѣ кузиночка за это возьмется,—посмѣивался Семень Ивановичъ.

Анета безъ улыбки выслушала эти слова и, вставъ, произнесла:

— Очень виновата я передъ Александромъ Ѳедоровичемъ. Если сумѣю, постараюсь загладить вину свою. Ежели нѣтъ,—не обезсудьте, нѣтъ, значить, силъ моихъ.

Она была очень блѣдна, можетъ быть отъ тусклой темноты, можетъ быть отъ волненія.

— Вотъ всегда скажетъ такое непонятное, а у меня сердце падаетъ,—жалобно промолвила Лизавета Михайловна, тогда какъ оба кавалера удивленно молчали.

— Не знаю,—запинаясь, началъ Александръ Ѳедоровичъ,—въ чемъ укоряете вы себя, и въ чемъ смѣю я прощать или не прощать васъ.

— Ахъ, не знаете, ну, такъ смотрите, поздно будетъ, когда узнаете!—со злымъ смѣхомъ сказала Анета, и быстро вышла изъ комнаты.

— Бѣдовая дѣвка!—сокрушалась Елизавета Михайловна:—сладу съ ней никакого.

Посидѣли въ сумеркахъ, изрѣдка незначительныя слова произнося. Наконецъ, дверь открылась и выпорхнула Анета. Словно подмѣ-

нилъ ее кто: смѣялась, шутила, обнимала мать и слѣда не было задумчивости прежней.

Предложила ѣхать вечеромъ въ театръ. Всѣ словно обрадовались этой веселости. Не спрашивали о значеніи странныхъ словъ. Семень Ивановичъ тотчасъ вызвался достать билетъ на ложу, Елизавета Михайловна захопотала съ обѣдомъ, что-то веселое продолжала рассказывать Анета Александру Ѳедоровичу, плохо понимавшему ея слова: стучало у него въ вискахъ, въ глазахъ рябило.

— Да что съ вами, Александръ Ѳедоровичъ,— прервавъ свою рѣчь, вдругъ спросила Анета, и близко, близко нагнулась къ Буранову, заглядывая безпокойно въ глаза его.

— Я ничего. Я счастливъ такъ, что по-прежнему ласковы вы со мной,—слабо улыбаясь, говорилъ Александръ Ѳедоровичъ, который, дѣйствительно, безмѣрную сладость какого-то успокоенія испытывалъ въ ту минуту.

— Вы счастливы, правда ли это?—понижая голосъ, не отодвигая головы своей отъ его лица, спрашивала Анета.—Правда ли это? Значить, вы...—она остановилась, какъ бы колеблясь, а Александръ Ѳедоровичъ вдругъ закончилъ:

— Я люблю васъ.

Анета выпрямилась.

Почти темно было въ комнатѣ, и едва бѣлѣло ея лицо.

— Я знаю это давно,—сказала, наконецъ, Анета тихо:—и, если вправду готовы вы сдѣлать для меня все, какъ того истинная любовь требуетъ, то я повѣрю вамъ, и тоже скажу, что...—она опять замолчала, и опять закончилъ Александръ Ѳедоровичъ:

— Все, все, хотя бы жизни моей потребовали.

— Ну, этого-то, пожалуй, и не потребуетъ, а нужно мнѣ только, чтобы сейчасъ проводили вы меня, обождали немного, и назадъ привели. А то маменька не пуститъ, дѣло же у меня есть одно спѣшное, о которомъ потомъ расскажу.

Александръ Ѳедоровичъ даже удивился; не ждалъ, что такъ проста будетъ просьба, вдругъ повеселѣлъ, и тотъ тяжелый туманъ, который всѣ эти дни наполнялъ голову,—разсѣялся.

По улицѣ шли, просто и весело разговаривая, будто два товарища.

Только слегка дрожала Анетина ручка, которой она опиралась на руку Александра Ѳедоровича.

Зажигались фонари, теплый вѣтеръ дулъ съ моря, и, несмотря на декабрь мѣсяць, весной почему-то вѣяло.

— А въ деревнѣ у васъ хорошо,—спрашивала Анета:—снѣгу навѣрное много, на саняхъ ѣздить. Не бывала въ деревнѣ, а хотѣлось бы. Устала я отъ безтолковой жизни петербургской.

— Да, у насъ хорошо. Вотъ сами увидите, когда...—началь было Александръ Ѳедоровичъ, и, смутившись, замолкъ.

Анета ничего не сказала, только слегка пожала его руку.

Не узнавалъ Бурановъ улицъ, по которымъ они шли, будто во снѣ все совершалось.

— Вотъ, здѣсь подождите меня, милый!—шепнула вдругъ Анета и исчезла въ подъѣздѣ. Александръ Ѳедоровичъ ходилъ по скользкой панели отъ одного фонаря къ другому. Не было мыслей о будущемъ, сладко только ныло сердце въ какой-то непонятной радостной тревогѣ.

Обернувшись отъ одного фонаря, онъ замѣтилъ, что маленькая карета остановилась у подъѣзда, въ который только что вошла Анета. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и вдругъ ужасъ безумный охватилъ его,—онъ узналъ желтую карету маэстро Корнелиуса.

— Самъ ее ему отдалъ, проклятому!—почти вслухъ произнесъ Бурановъ.

Ненависть, сознание, что погибло все, наполнили его.

Быстро подбѣжавъ къ каретѣ, самъ не зная, что дѣлаетъ, рванулъ дверку.

— Убить его, убить! — мелькнуло въ головѣ.

Старуха въ мѣховомъ капорѣ, сидѣвшая въ каретѣ, взвизгнула.

IV.

На другой день въ «Вѣдомостяхъ» было напечатано о томъ, что престарѣлая княгиня Б., подѣхавъ къ своему дому въ своей собственной каретѣ, подверглась неожиданному нападенію. Захваченный преступникъ отказался дать объясненія своему поступку, повторяя одно:

— Погубилъ, проклятый, погубилъ!

Призванный докторъ нашелъ его лишившимся разсудка и одержимымъ, видимо, нѣкоей странной маніей.

С.П.Б. Декабрь 1912.

РУСАЛОЧЬЕ ЗЕЛЪЕ.

I.

«Дорогая моя Lise, ты спрашиваешь, какъ я живу. Что можно сообщить о нашей жизни? Казалось мнѣ, что не переживу я зимы, когда снѣгъ лежалъ до самыхъ почти оконъ нашего дома, когда человѣка чужого не видишь цѣлый мѣсяць.

«Спасибо за книги, тобой присылаемыя. Только въ нихъ находила утѣшенье, хотя тетушка запрещала зажигать огонь въ моей свѣтелкѣ, будто бы боясь пожара, но болѣе отъ природной своей скупости. Глаша, единственная наперсница моя, усердно мнѣ помогала, воровала огарки, при скудномъ свѣтѣ которыхъ уносила я мечтою въ волшебныя страны.

«Спасибо, милая Lise, что не забываешь меня среди шума и блеска, которые тебя, счастливицу, окружаютъ.

«Вотъ и весна наступила. Первые дни, когда только почувствовала я приближеніе весны, ходила я словно во снѣ. Казалось мнѣ, что близко, близко освобожденіе и радость, но вотъ зазеле-

нѣли деревья, зачирикали птички; вмѣсто снѣга зачернѣли поля, а мнѣ скучно и тяжело по-прежнему, если еще не болѣе прежняго. Ничего не измѣнилось. Дядюшка въ томъ же халатѣ цѣлые дни проводитъ на диванѣ, вонючимъ табакомъ своимъ наполняя все комнаты. Тетушка такъ же дрожитъ изъ-за каждаго куска. А гости, которые стали навѣдываться, лучше бы и вовсе не пріѣзжали.

«Единственное событіе, нарушившее здѣшній порядокъ и послужившее поводомъ для многихъ толковъ, это—пріѣздъ въ сосѣднее съ нашимъ имѣніе молодого владѣльца, князя Кокорина.

«Пріѣхавши въ нашу глушь прямо изъ чужихъ краевъ, сей странный чудакъ вотъ уже цѣлый мѣсяцъ провелъ въ полномъ уединеніи, самъ никуда не выѣзжая и къ себѣ никого не принимая.

«Меня, конечно, мало это событіе интересуетъ, но вся округа сосѣдняя взволнована».

Писавшая эти строки остановилась и задумалась. Боялась Анета Кирикова показаться смѣшной провинціалкой своей столичной подругѣ Лизѣ Балдиной и потому далеко не всю правду ей писала. Хотѣлось ей сохранить въ письмахъ тонъ разочарованной несчастливцы, которую ничто не можетъ развлечь въ деревенской глуши.

Поэтому-то, сообщая въ элегическомъ тонѣ о страданіяхъ одинокой непознанной души,

Анета не сообщала о тѣхъ, скромныхъ, правда, развлеченіяхъ, къ которымъ она, при всей столичной гордости, все же снисходила.

Не писала она, какъ на святкахъ бѣгала тайкомъ съ дворовыми дѣвицами въ поле о суженомъ гадать, захаживала и на посѣдки; какъ сосѣдъ Чегоринъ пріѣзжалъ съ гитарой, пѣлъ нѣжные романсы, а потомъ, томно поводя глазами, говорилъ о ничтожествѣ одинокой жизни. Правда, сюртукъ Чегорина былъ изъ грубаго домашняго сукна, сшитый доморощеннымъ портнымъ; правда, что былъ онъ не очень молодъ, достаточно толстъ, отъ волненія потѣлъ, но все же и съ нимъ безъ скуки проводила время Анета.

Не писала она и о многомъ другомъ, а также о пріѣздѣ князя Кокорина, который занималъ ее воображеніе едва ли не больше, чѣмъ кто-нибудь еще.

Вотъ и сейчасъ, упомянувъ въ тонѣ небрежномъ его имя, задумалась Анета. Вспомнила она, какъ въ одно весеннее утро, заслышавъ колокольцы, вышла она на крыльцо, и увидѣла медленно шестерикомъ влекомую по грязи коляску, въ которой сидѣлъ молодой человекъ.

Едва разглядѣла Анета острый профиль и подъ синимъ, особаго какого-то фасона картузомъ длинныя кудри.

Проѣзжающій имѣлъ видъ сосредоточенный; даже не обернулся въ Анетину сторону.

Чего не разглядѣла Анета, то дополнило ей услужливое воображеніе.

Часто, сидя у открытаго окна, смотря на эту бѣлую мглу майской сѣверной ночи, мечтала смутно и сладко Анета. Молодой князь, стройный, блѣдный, съ задумчивымъ нѣжнымъ взглядомъ, черными кудрями до плечъ, красивый,— ахъ, какой красивый!—рисовался мечтательному воображенію.

Быль одѣтъ онъ изысканно. Ароматомъ модныхъ духовъ вѣяло отъ него, тихимъ, будто ручья шопотъ, голосомъ говорилъ онъ слова нѣжности необычайной. И даже дальше шли нескромныя мечты, но не будемъ, любезный читатель, слишкомъ злоупотреблять нашимъ правомъ подслушивать и подсматривать за тѣмъ, что дѣлается въ тайныхъ дѣвичьяхъ свѣтелкахъ.

Долго не могла заснуть въ эти ночи Анета, а на утро по десяти разъ посылала тетка будить сонливицу.

Дядя, Осипъ Ивановичъ, попыхивая трубкой, говорилъ, усмѣхаясь:

— Дѣвкамъ сонъ впрокъ. Вотъ, приѣхала Аннушка игла иглой, а теперь толстѣетъ, что рождественская индюшка.

Анета обижалась неучтивымъ сравненіямъ, брала книжку и уходила въ садъ, первой яркой зеленью зазеленѣвшій. Читала ли про любезнѣйшаго, очаровательнѣйшаго кавалера Адоль-

фа, или про храбраго, таинственнаго, съ ногою до головы въ желѣзо закованнаго рыцаря,— представлялся ей князь Кокоринъ, красная крыша дома котораго чуть-чуть поблескивала на холмѣ за рѣкой и рощей.

Впрочемъ, дѣйствительно, не одна Анета занята была новымъ сосѣдомъ и страннымъ его поведеніемъ.

Лишь приѣдетъ кто въ гости, сначала поговорятъ о посѣвахъ и телятахъ, а потомъ сейчасъ же сведутъ разговоръ на Кокорина. Старики вспоминаютъ крутой нравъ покойнаго князя и подробно перечисляютъ всѣ достатки новаго владѣльца. Молодые люди злословятъ и негодуютъ на неприличную заносчивость уединеннаго сосѣда, никого не почтившаго своимъ знакомствомъ; дѣвицы же краснѣютъ, а потомъ промежъ себя шепчутся:

— Ахъ, та chere, душка какой, говорятъ, князь, просто прелесть. Лукерья наша на дняхъ бѣгала къ кумѣ своей, княжьей ключницѣ, такъ видѣла, какъ онъ по аллеѣ прогуливался. Такой, говорить, красавецъ, что сказать невозможно.

— Ну, душенька, не очень-то вкусу Лукерья вѣрять можно,—презрительно кривила губы Анета, сама, Впрочемъ, съ любопытствомъ выслушивая всѣ сплетни и пересуды, доходившіе черезъ бабъ отъ княжеской дворни.

Однажды приѣхалъ Чегоринъ и еще съ

крыльца, помахивая картузомъ, заговорилъ оживленно:

— Осчастливленъ я, осчастливленъ!

— Да что съ тобой, батюшка, белены объѣлся?—сердито прервала его безсвязныя восклицанія Анетина тетка, Марья Семеновна:—коли случилось что, такъ рассказывай, а не кричи.

Усѣвшись съ важностью въ вышитомъ креслѣ, отирая потъ съ радостно сіяющаго лица, началъ Чегоринъ рассказъ.

— Первымъ изъ всѣхъ сосѣдей осчастливленъ сегодня знакомствомъ съ его сіятельствомъ княземъ Кокоринымъ. По собственному его зову приѣхалъ сегодня къ нему и не безъ пріятности провелъ время. Потчевалъ меня обѣдомъ, и прямо отъ него—къ вамъ.

— Да зачѣмъ ты ему понадобился?—спросилъ Осипъ Ивановичъ, отъ любопытства спустивъ даже ноги съ дивана.

— Видите ли, земля наша съ княжеской лежитъ рядомъ. Тяжба, если изволите знать, еще покойнымъ моимъ родителемъ противъ его покойнаго родителя начата была. Такъ вотъ, пожелалъ кончить миромъ.

— А ты къ нему по первому зову такъ и поскакалъ, къ мальчишкѣ? Еще дворяниномъ себя считаешь,—сердито встала Марья Семеновна.

— Да любопытство, матушка, одолѣло. Только, чтобы все разузнать, и поѣхалъ, только любопытства ради,—оправдывался Чегоринъ.

— Ну, рассказывай тогда, какихъ диковинъ насмотрѣлся?—торопила Марья Семеновна.

— Наипервѣйшая диковинка—это самъ князь Дмитрій Павловичъ, чудака такого врядъ ли другого встрѣтишь,—началъ свой рассказъ Чегоринъ и во всѣхъ подробностяхъ описалъ свою поѣздку, комнаты, трехъ собакъ англійскихъ, костюмъ князя, напоминающій не то рясу, не то халатъ, странныя рѣчи, которыя пришлось ему выслушать.

— Тебя, сударь, послушать, такъ впрямь сущеглуный князь-то твой. Да не врешь ли, Платонъ Ивановичъ?—когда кончилъ Чегоринъ, промолвила Марья Семеновна.

— Какъ вамъ, матушка, угодно: вѣрьте, не вѣрьте,—обидѣлся Платонъ Ивановичъ и умолкъ.

Поговорили еще о чемъ-то и, наконецъ, взявъ картузь, Чегоринъ собрался уѣзжать, отклоняя всѣ просьбы остаться поужинать.

Анета вышла его проводить на крыльцо.

Пережидая, пока прогонитъ пастухъ стадо, высокій столбъ пыли поднявшее, задержался Чегоринъ, съ томной улыбкой поглядывая на Анету. Но та, казалось, не обращала вниманія на кавалера; смотря на розовыя облака, мечтала Анета о чемъ-то далекомъ.

— Не позволите узнать, какой предметъ занимаетъ ваши мысли?—откашлявшись, робко (застѣнчивъ былъ Платонъ Ивановичъ съ дѣвцами) осмѣлился спросить Чегоринъ.

— Нѣтъ, я ни о чемъ. Такъ, вспоминаю ваши рассказы,—будто спохватившись, отвѣтила Анета и, покраснѣвъ вдругъ, прибавила:—можетъ быть, пройдемъ въ садъ? Такъ пріятно погулять въ этотъ часъ предъ закатомъ.

Была въ ея словахъ просьба и смущенье, отъ которыхъ сердце сладко забилось у Платона Ивановича, и, пробормотавъ:

— Я, что же, я всегда готовъ,—неловко подалъ онъ руку и надвинулъ картузь на самый почти носъ.

Прохаживаясь по узкой дорожкѣ между кустами крыжовника и смородины, нѣсколько минутъ молчали они.

Наконецъ, первая заговорила Анета:

— Большая просьба у меня къ вамъ, Платонъ Ивановичъ. Не разъ слышала я увѣренія въ дружбѣ и преданности вашей. Вотъ случай испытать ихъ.

— Приказывайте, все исполню,—ударивъ себя въ грудь кулакомъ, воскликнулъ Чегоринъ.

Анета опустила глаза и смущенно промолвила:

— Вы не подумайте, Бога ради, чего. Но, видите ли, есть у меня въ Петербургѣ подруга (кажется, говорила я вамъ о ней). Она очень заинтересована княземъ Кокоринымъ, такъ вотъ...—голосъ Анеты прервался, и Платонъ Ивановичъ, раскрывъ ротъ, отъ изумленія даже остановился,—такъ вотъ,—быстро вдругъ за-

говорила Анета, не выпуская руки Чегорина, а сжимая ее крѣпко,—такъ вотъ, Платонъ Ивановичъ, ради меня должны вы хитростью, притворствомъ, угожденіемъ, лестью, чѣмъ угодно, добиться дружбы князя, чтобы ѣздить къ нему каждый день, все вывѣдывать, все знать, что дѣлается у него, и потомъ мнѣ сообщать. Слышите, Платонъ Ивановичъ?

Анета слегка даже тряхнула Чегорина, чтобы лучше вразумить его въ своемъ странномъ порученіи.

— И еще, очень прошу въ строжайшей тайнѣ сохранить все это,—изъ повелительнаго въ ласкательный тонъ перешла Анета.—Милый Платонъ Ивановичъ, вѣдь ради меня, ради меня исполните вы это?

— Извольте, попытаюсь. Ради васъ... вѣдь вы знаете, все готовъ ради васъ,—бормоталъ Платонъ Ивановичъ, намѣреваясь въ свою очередь приступить къ признанію, но ловко Анета избѣгла этого.

— А вотъ и Степка вашъ ѣдетъ,—сказала она и указала на кучера чегоринскаго, спокойно сидящаго на облучкѣ.

Пришлось Платону Ивановичу, вздохнувъ, лѣзть въ тарантасъ.

— Такъ завтра же жду васъ,—взбѣжавъ на крыльцо, прокричала Анета и пріветственно замахала бѣлымъ платочкомъ выѣзжающему со двора Чегорину.

II.

Анета сидѣла въ своей свѣтелкѣ у обитаго розовымъ ситцемъ туалетнаго столика. Внимательно разглядывала себя въ зеркало. Сердило ее слишкомъ круглое, слишкомъ румяное, съ слегка вздернутымъ носикомъ лицо. Не такой представляла она героиню ея задуманнаго романа, привести который къ той или иной развязкѣ дала она себѣ клятву.

Глаша вертѣлась около.

— И что это вы, барышня, все грустите?— спросила она.—Чего недостаетъ вамъ, кажись? Красавица вы у насъ, во всей губерніи другой не сыщешь. На приданое дядюшка не покусится. Только бы веселиться вамъ дѣвической волей.

— Ахъ, дура ты, Глашка,—съ досадой прервала ее Анета.—Много мнѣ радости въ глуши вашей медвѣжьей сидѣть.

— Не все же медвѣди, барышня,—не смутившись господскимъ гнѣвомъ, лукаво усмѣхнулась избалованная дѣвка, многое изъ тайныхъ думъ госпожи своей знавшая.

— Вотъ погодите, наскучить князинькѣ одному у себя чудить, вспомнить о сосѣдяхъ и насъ не забудеть.

— Надоѣла ты мнѣ съ твоимъ княземъ,—уже менѣе досадливо отвѣтила Анета и жженой пробкой начернила брови.

— А вотъ и Платонъ Ивановичъ пріѣхали,—взглянувъ въ окно, сказала Глаша.

Анета вздрогнула и уронила заячью лапку, которой пыталась придать лицу своему томную блѣдность.

Почти каждый день пріѣзжалъ Платонъ Ивановичъ, трепетно ждала его Анета; каждый разъ представлялось ей, что несетъ онъ важное извѣстіе о немъ, о князѣ Кокоринѣ, но, обтирая обильный потъ со лба, не могъ ничего интереснаго сообщить Чегоринѣ. То перечислить блюдъ, которыми угощали его, то расскажетъ въ подробностяхъ, сколько навозу вывозятъ со скотнаго княжескаго двора, то опишетъ псарню, запущенную нынѣ; но примѣтитъ чего-нибудь, что рисовало бы владѣльца и странный образъ жизни его, не умѣлъ Платонъ Ивановичъ.

Чувствуя недовольство Анетино, смущался и начиналъ постылый разговоръ о чувствахъ, имъ питаемыхъ.

Быстро сбѣжала Анета по скрипучей лѣстницѣ и одновременно съ Платономъ Ивановичемъ вступила въ гостиную.

Тетушка Марья Семеновна сидѣла въ креслахъ и ругала стоявшаго съ равнодушнымъ лицомъ въ дверяхъ кучера Агаѳона. Осипъ Ивановичъ лежалъ на диванѣ, курилъ трубку, изрѣдка вставляя отъ себя какое-нибудь крѣпкое слово.

Было это ежедневнымъ занятіемъ помѣщи-

ковъ Кириковыхъ, и строго соблюдалась очередь, кого изъ дворни въ какой день ругать.

Недовольная тѣмъ, что прервали ее, сердито промолвила тетюшка Чегорину:

— Пойди, батюшка, погуляй въ саду съ Аннушкой, пока мы дѣло кончимъ. Совсѣмъ людишки наши распустились.

— Да, я, барыня, что,—сказаль вдругъ Агаѳонъ, улыбнувшись и тряхнувъ волосами,—только ошибиться изволили. Сегодня очередь Аграфенъ.

— Молчи, негодяй, не путай!—прикрикнула было Марья Семеновна, но подумала и приказала:—ну, зови Аграфену, а до тебя, голубчикъ, я тоже доберусь. Дай срокъ!

— Пойдемте,—шепнула Анета Платону Ивановичу.

— Новости вамъ привезъ,—сіяя заговориль Чегоринъ, лишь только вышли они за дверь.

— Воображаю,—притворно-небрежнымъ тономъ отвѣтила Анета, презрительно скрививъ губы, хотя сердце такъ и забилося.—Только конюшни да собакъ умѣете вы примѣчать.

— Нѣтъ, длинный и откровенный разговоръ имѣлъ я вчера вечеромъ съ княземъ Дмитріемъ Павловичемъ. Только тайна это огромная.

Платонъ Ивановичъ даже захлебнулся и долженъ былъ нѣсколько минутъ помолчать, чтобы перевести духъ

— Русалокъ разводить будемъ.

— Какихъ русалокъ? Врете вы все, Платонъ Ивановичъ! Вотъ ужъ нашла кому порученіе дать!—гнѣвно воскликнула Анета.

Платонъ Ивановичъ сконфуженно замолкъ, обтеръ клѣтчатымъ платкомъ потъ и сказалъ жалобно:

— Нельзя же сразу въ дружбу войти. А то, что открылъ мнѣ князь одинъ изъ тайныхъ замысловъ своихъ, показываетъ—большое довѣріе ко мнѣ начинаетъ онъ имѣть.

— Ну, какихъ же такихъ русалокъ?—спросила разочарованно Анета, мечтавшая узнать, занята ли сердце князя, склоненъ ли онъ полюбить кого и прочее, а никакъ не эти глупыя выдумки.

— Изволите ли видѣть,—заторопился Платонъ Ивановичъ:—книгу такую тайную князь изъ Нѣметчины вывезъ, гдѣ о предметахъ магическихъ толкуется. И вычиталь тамъ, что можно составъ такой, зелье, составить, чтобы русалокъ, ундины по-ихнему, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не имѣется, разводить. По примѣру какъ бы телятъ или птицу. Но большія трудности въ дѣлѣ семь существуютъ, и надо это производить не иначе, какъ въ ночь на Ивана Купальнаго. Такъ вотъ князь и задумаль опытъ произвести. Но одному ему не справиться, потому выбраль меня помощникомъ.

— Зачѣмъ же русалки ему понадобились?—спросила Анета, выслушавшая этотъ рассказъ не безъ интереса.

Платонъ Ивановичъ потупился и вздохнулъ.

— Повѣдалъ князь мнѣ и объ этомъ, да не знаю, слово я ему далъ...

— Вотъ какъ!—обидѣлась Анета: а мнѣ слова не давали все вывѣдать и рассказать?

— Да и не знаю, какъ выразить это...—мямлилъ Платонъ Ивановичъ.

— Дорогой Платонъ Ивановичъ, голубчикъ, расскажите, ну, расскажите!—уже не гнѣвно, а жалобно просила Анета.

— Къ женщинамъ, видите ли, князь странный страхъ имѣеть,—потупившись, заговорилъ, наконецъ, Платонъ Ивановичъ.—Мечтаетъ съ русалкой утѣшиться и, какъ онъ толкуеть, настоящую любовь познать. Непонятно мнѣ сіе.

— Такъ вотъ каковъ вашъ князь,—засмѣялась Анета, повернулась и быстро, почти бѣгомъ, направилась къ дому, оставивъ Платона Ивановича въ полномъ изумленіи.

III.

Князь Дмитрій Павловичъ въ сопровожденіи двухъ высокихъ, съ узкими мордами, шотландскихъ собакъ прохаживался по боковой, густо заросшей аллеѣ. Держалъ онъ въ рукахъ раскрытую книгу, но не читалъ.

Если бы увидѣли его въ ту минуту сосѣдскія дѣвицы, врядъ ли бы нашли онѣ князя такимъ красивымъ, какимъ рисовался онъ ихъ мечтательному воображенію по рассказамъ Лукерьи.

Слишкомъ тонкое, съ длиннымъ острымъ носомъ лицо было схоже съ мордой шотландской собаки княжеской. Плохо выбритый подбородокъ и блѣдная сѣрость щекъ дѣлали лицо почти страшнымъ.

Одѣтъ былъ князь неопрятно; черная длинная хламида, подпоясанная шнуромъ, волочилась по землѣ, открывая при ходьбѣ стоптанныя ночныя туфли, надѣтыя на босыя, поразительной худобы, ноги; на головѣ была замусленная, вышитая бисеромъ тибетейка.

Этотъ нарядъ и тревожный блескъ воспаленныхъ глазъ придавали князю видъ страшный и пугающій.

Съ каждымъ поворотомъ онъ ходилъ все быстрѣе, и собаки, не отставая ни на шагъ отъ хозяина, уже высунули устало красныя, какъ жало змѣиное, узкіе языки.

Казалось, былъ чѣмъ-то взволнованъ князь Дмитрій Павловичъ. Иногда онъ останавливался, взмахивалъ рукой, и беззвучно что-то шептали блѣдныя губы.

Наконецъ, на дорожкѣ показались двое. Одинъ былъ Платонъ Ивановичъ Чегоринъ, обтиравшій лобъ неизмѣннымъ своимъ клѣтчатымъ платкомъ, другой—князь Андрей Кокоринъ, молодой драгунскій ротмистръ, двоюродный братъ Дмитрія Павловича, вчера ночью проѣздомъ попавшій въ это странное мѣсто.

— Ну, знаешь, Дмитрій, чортъ знаетъ, что у тебя дѣлается,—заговорилъ князь Андрей.— Сейчасъ мы обозрѣвали имѣнье съ Платономъ Ивановичемъ, и онъ поразсказалъ мнѣ о твоихъ причудахъ.

Платонъ Ивановичъ сконфуженно захихикалъ.

— Я съ ничего, я только его сіятельству на вопросы отвѣты давалъ и насчетъ уединенія вашего сіятельства удивленіе выразилъ.

Видимо, онъ проговорился и теперь трусилъ.

— Кому какое дѣло —высокимъ, даже визгливымъ голосомъ выкрикнулъ Дмитрій Павловичъ.— Пошлостямъ вашимъ не потокаю и потакать не желаю. Самъ свою жизнь строю и никому не позволю въ мои дѣла мѣшаться.

— Ты, братецъ, не юродствуй. Блаженнаго не представляй,—перебилъ его, тоже повысивъ голосъ, Андрей.— Жить можешь хоть по-свински, но сказкой всего уѣзда дѣлаться тебѣ, князю Кокорину, не подобаетъ.

Впрочемъ, тотчасъ же князь Андрей переимѣнилъ тонъ и, обнявъ кузена за талію, заговорилъ миролюбиво:

— Ну, посмотри ты на себя. На кого ты похожъ? Столбовой дворянинъ, владѣтель богатѣйшихъ имѣній. Тебѣ бы пиры задавать, всѣмъ уѣздомъ править. Жить въ удовольствіе. Эхъ, попалось бы мнѣ твое богатство, показалъ бы

я! Брось, Митенька, чудить. Пойдемъ сейчасъ. Велимъ камердинеру тебя одѣть, побрить, выпьемъ, закусимъ. Дѣвокъ дворовыхъ кликнемъ. Вѣдь есть хорошенькія, не правда ли, Платонъ Ивановичъ?

Чегоринъ подобострастно хихикнулъ, а Дмитрій Павловичъ, уставивъ глаза въ нѣмецкую книгу, дѣлалъ видъ, что углубился въ чтеніе. Только при послѣднихъ словахъ легкимъ румянцемъ покрылись его щеки.

— Впрочемъ, какъ хочешь. Чортъ съ тобой. Мнѣ что! Сегодня переночую, а завтра въ путь,—обиженно промолвилъ князь Андрей.— Ну, распорядись хоть, чтобы завтракъ подавали. Это ужъ неучтиво даже, голодомъ морить,—добавилъ онъ.

— Очень я извиняюсь, что принимаю тебя какъ бы негостепріимно,—заговорилъ Дмитрій Павловичъ, будто съ трудомъ отрываясь отъ книги.— Но думаю, что не будешь почитать себя церемоннымъ гостемъ. Распорядишься самъ, все имѣя въ своемъ распоряженіи. Вотъ Платонъ Ивановичъ тебѣ компанію составитъ. Меня же прости. Плохо себя чувствую сегодня, завтракать не буду.

— Ну, какъ хочешь. Мы и съ Платономъ Ивановичемъ себя не обидимъ,—засмѣялся князь Андрей и, взявъ подъ руку Чегорина, пошелъ къ дому.

— Неудачный день выбрали для посѣще-

нія. Въ большомъ мы сегодня волненіи,—не удержался болтливый Платонъ Ивановичъ, когда они сѣли за столъ, обильно уставленный блюдами и бутылками.

Нѣкоторое время крѣпился онъ рассказать княжескую тайну, но послѣ трехъ-четырехъ бокаловъ языкъ развязался, и, пощипывая черныи усы, не безъ удивленія выслушалъ князь Андрей о странныхъ замыслахъ своего брата.

— Да онъ съ ума спятилъ,—пробормоталъ онъ.

— Да нѣтъ, отчего же,—болталъ охмелѣвшій Чегоринъ:—такъ и въ книгѣ сказано. Только аккуратность большую надо. И сегодня какъ разъ срокъ.

— Ты, Платоша, не дури. Ишь, старый дуракъ, русалокъ вздумалъ разводять. И къ чему мокроту эту надобно, когда есть столько прекраснѣйшихъ существъ на землѣ. Ну, князь хоть блаженный, а ты, Платоша, сердись, не сердись,—просто старый осель. Нѣтъ, вотъ я тебѣ скажу, у насъ въ полку былъ случай,—и князь Андрей, тоже хмелѣя, рассказывалъ одинъ анекдотъ за другимъ, отъ которыхъ краснѣлъ Платонъ Ивановичъ и лоснился, что твой тазъ мѣдный.

Долго ходилъ по боковой аллеѣ князь Дмитрій Павловичъ, то принимаясь за книгу, то бормоча что-то.

Душно становилось въ глухой аллеѣ, и, наконецъ, направился князь къ дому. Шелъ онъ

осторожно, какъ бы боясь быть замѣченнымъ, и, заслышавъ веселые голоса Чегорина и кузена, словно испугавшись, бѣгомъ побѣжалъ по коридору.

Собаки бѣжали за нимъ.

Въ кабинетѣ своемъ, уставленномъ странными какими-то предметами, банками, ретортами, жаровнями и пузырьками, онъ заперся и только уже подъ вечеръ позвонилъ камердинера и велѣлъ подать ѣсть и кликнуть Платона Ивановича.

Чегоринъ спалъ на сѣновалѣ, и довольно долго пришлось его будить.

Когда онъ появился, князь съ отвращеніемъ взглянулъ на него. Красный, съ заплывшими глазками, всклокоченными волосами съ сѣномъ, въ разстегнутомъ жилетѣ, Платонъ Ивановичъ виновато жался у двери.

— Такъ-то, сударь,—началъ Дмитрій Павловичъ,—блюдете вы нашъ уговоръ. Понимаете ли, что дѣло всей жизни, быть можетъ, ставлю сегодня на карту я. Какъ честному человѣку, довѣрился я вамъ и отъ васъ ждалъ помощи. И что же? Развѣ въ такомъ видѣ можно приступить къ дѣлу, требующему наипаче чистоты духа?

Долго выговаривалъ плачущимъ голосомъ Дмитрій Павловичъ, сухими, будто деревянными, пальцами постукивая по столу.

— Немедля прошу покинуть мой домъ. Если

не смогли помочь мнѣ, то хоть присутствіемъ своимъ не мѣшайте.

— Да помилуйте, батюшка, Дмитрій Павловичъ, я ли не старался,—бормоталъ Чегоринъ, но князь былъ неумолимъ и слушать никакихъ оправданій не хотѣлъ, и волей-неволей пришлось Платону Ивановичу лѣзть въ свой тарантасъ, хотя любопытство его было мучительно.

Впрочемъ, отѣхавъ версты двѣ, велѣлъ онъ кучеру повернуть.

Оставивъ лошадей у знакомаго мужика въ княжескомъ селѣ, самъ Платонъ Ивановичъ, какъ только спустились сумерки, отправился въ поле, долго бродилъ вдоль забора, отдѣляющаго паркъ, и, спустившись къ небольшому озеру, выбралъ себѣ удобную позицію въ кустахъ, гдѣ и засѣлъ.

Долго пришлось ждать Платону Ивановичу; ноги занули и ѣсть захотѣлось. Узкій край луны показался изъ-за тучъ, и блѣдный туманъ поднимался отъ воды.

Зналъ Чегоринъ точно, что мѣстомъ для заклинаній долженъ былъ служить маленькій плотъ, ясно сейчасъ ему изъ-за кустовъ видный.

Наконецъ, замѣтилъ онъ на береговой дорожкѣ темную фигуру. То князь Дмитрій Павловичъ, дожидаясь условнаго часа, быстро ходилъ взадъ и впередъ.

Чегоринъ высунулся, стараясь яснѣе разсмотрѣть все, что происходитъ.

Вотъ всталъ Дмитрій Павловичъ на утлый плотъ, поднялъ руки кверху,—читаетъ давно заученную формулу заклинанія; вотъ взмахнулъ рукой, всыпалъ въ воду чудодѣйственный порошокъ, и, сойдя на берегъ, легъ ничкомъ на землю ждать покорно, пока совершится чудо.

Все дѣлалъ, какъ положено.

Платонъ Ивановичъ, забывъ осторожность, не только во весь ростъ поднялся, но даже на сукъ вскарабкался.

Спокойна была тихая, зеленой травой зацвѣтшая, вода маленькаго озера.

Но вдругъ въ кустахъ, что на противоположной луговой сторонѣ, мелькнуло что-то бѣлое, бросилось съ шумомъ въ воду и поплыло быстро, прямо къ плоту.

Платонъ Ивановичъ даже ахнулъ.

Видимо, и Дмитрій Павловичъ услышалъ бульканье воды, и поднялъ голову; а она, русалка, скорехонько подплыла, ухватилась за плотъ и вылѣзти хочетъ.

Непобѣдимый страхъ напалъ тутъ на Чегорина и, закрывъ глаза, онъ забормоталъ:

— Чуръ меня! чуръ меня! Святъ, святъ, святъ, сгинь!

Открывъ одинъ глазъ, съ ужасомъ убѣдился Платонъ Ивановичъ, что русалка и не думаетъ пропадать, а уже взлѣзла на плотъ и выжимаетъ волосы, а князь Дмитрій Павловичъ стоитъ на

берегу въ позѣ растерянной и врядь ли также не молитву объ избавленіи творить.

Тутъ Платонъ Ивановичъ такъ перепугался, что, издавъ пронзительный крикъ и придерживая рукой картузь, бросился бѣжать по полю къ деревнѣ.

Споткнувшись, онъ упалъ лицомъ прямо въ росистую траву.

Полежавъ, немного успокоился и сообразилъ, что опасность, если таковая и была, грозила во всякомъ случаѣ князю, а не ему, стороннему зрителю. Нѣкоторое время боролись въ немъ любопытство и страхъ, и когда первое побѣдило, то рѣшился онъ вернуться обратно къ озеру и посмотрѣлъ, что случилось.

Соблюдая большую осторожность, пробрался Платонъ Ивановичъ къ своему кусту, но когда выглянулъ, то никого ни на плоту, ни на берегу не увидѣлъ.

Зловѣщей показалась эта тишина Платону Ивановичу.

— «Заманила, проклятая, въ воду и утопила»,—подумалъ онъ, и мучительной тревогой наполнилось при мысли такой его сердце.

Чувствуя, что нужно же предпринять что-нибудь, нерѣшительно отправился, тяжело вздыхая, Чегоринъ въ усадьбу. Думалъ сначала на село пойти къ попу, чтобы въ тяжкомъ грѣхѣ волхованія покаяться и совѣта просить, но

потомъ рѣшился предупредить сначала князя Андрея о всемъ случившемся.

Князь Андрей сидѣлъ въ комнатѣ, ему отведенной, въ одномъ бѣльѣ и игралъ въ шашки со своимъ денщикомъ, который стоялъ передъ доской на-вытяжку и только по командѣ князя: «ходи, болванъ», однимъ пальцемъ передвигалъ шашку.

Увидѣвъ Платона Ивановича, князь очень обрадовался.

— Наконецъ-то! Куда васъ черти обоихъ занесли? Сказывали, ты уѣхалъ. Скучища у васъ, братецъ,—сказалъ онъ и смѣшалъ шашки.— Да что съ тобой, Платонъ Ивановичъ?—спросилъ князь, замѣтивъ растерянный видъ Чегорина.

Денщикъ догадался выйти, и Платонъ Ивановичъ повѣдалъ все, чему свидѣтелемъ былъ.

Кусая усь, нѣсколько минутъ молчалъ князь Андрей, раздумывая.

— Да ты не врьшь ли съ пьяныхъ глазъ? Вѣдь клюкнули-то мы здорово,—спросилъ онъ.

Но когда Платонъ Ивановичъ побожился и крестъ положилъ, то князь промолвилъ:

— Прежде всего, надо сохранить все въ полной тайности, дабы не возбуждать лишнихъ толковъ. Осмотрѣть весь домъ и паркъ, и поискать князя и его русалку.

Накинувъ халатъ, видимо, болѣе заинтересованный, чѣмъ напуганный, князь взялъ свѣ-

чу и почти силой повелъ за собой трепещущаго Платона Ивановича по темнымъ коридорамъ во второй этажъ, гдѣ находились кабинетъ и спальня Дмитрія Павловича.

Соблюдая большую осторожность, поднялись они по лѣстницѣ и, пройдя первую комнату, увидѣли свѣтъ, пробивавшійся въ щели плотно запертой двери княжескаго кабинета.

Князь Андрей попробовалъ было приложить глазъ и ухо къ щели, но ничего этимъ не достигъ. Высунувшись въ окошко, онъ замѣтилъ, что какъ разъ противъ оконъ кабинета поднималась узкая лѣстница на чердакъ. Шторы же спустить Дмитрій Павловичъ, очевидно, забылъ.

Въ ту же минуту князь Андрей рѣшилъ воспользоваться удобной случайностью и вывѣдать тайну страннаго происшествія.

На цыпочкахъ спустились внизъ, вышли въ паркъ, и съ легкостью кошки князь Андрей полѣзъ по лѣстницѣ.

Платонъ Ивановичъ на это не рѣшился и остался ожидать внизу, не переставая ни на минуту дрожать всѣмъ тѣломъ. Казалось ему, что, взобравшись наверхъ, погибнетъ и второй князь, и не избѣжать тогда ему, единственному свидѣтелю всѣхъ странныхъ событій этой ночи, страшнаго обвиненія въ невѣдомомъ преступленіи.

Взобравшись до окна кабинета, князь Андрей прежде всего увидѣлъ тонкій профиль своего

кузена. Тотъ сидѣлъ въ креслѣ у самаго окна и, подперевъ голову рукой, смотрѣлъ въ одну точку. Переведя взглядъ вглубь комнаты, чуть было не свалился князь Андрей: на диванѣ, куда такъ пристально и странно смотрѣлъ Дмитрій Павловичъ, лежало что-то бѣлое.

Однако, не потерявъ присутствія духа, князь Андрей, ухватившись лѣвой рукой покрѣпче за перекладину, правой перекрестился и сталъ наблюдать.

Бѣлое на диванѣ пошевелилось, и, взглянувъ пристальнѣй, опытнымъ окомъ узналъ князь Андрей несомнѣнную женщину, лежащую на диванѣ; изъ-подъ бѣлой рубахи вовсе не хвостъ русалочій виднѣлся, а пара, какъ весьма точно разглядѣлъ наблюдатель, хорошенькихъ босыхъ ножекъ.

«Эге, да тутъ не безъ Амура! Хорошъ нашъ тихоня!»—подумалъ князь Андрей и, вытянувъ шею, старался ничего изъ происходившаго не пропустить.

А произошло вотъ что.

Женщина поднялась на диванѣ, поправила распушенные волосы и, пошевеливъ рукой, видимо, произнесла что-то.

Дмитрій Павловичъ вдругъ, какъ ужаленный, вскочилъ съ кресла и, путаясь въ полахъ своей хламиды, бросился бѣжать изъ комнаты, захлопнувъ за собой дверь.

Женщина съ изумленіемъ посмотрѣла вслѣдъ

бѣглецу и, закрывъ лицо руками, не то заплакала, не то заснула.

Въ эту минуту заплывшій огарокъ, единственный освѣщавшій кабинетъ, зачалъ и погасъ къ великой досадѣ князя Андрея, который уже съ достаточной точностью успѣлъ разглядѣть невѣдомую красавицу и сдѣлать оцѣнку ей весьма лестную.

Постоявъ еще у темнаго окна, потерявъ надежду увидѣть что-нибудь и слыша снизу тревожный шопотъ Платона Ивановича, князь Андрей спустился, наконецъ.

— Эхъ, ты, дуракъ, дуракъ,—только и отвѣтилъ разсѣяннo на всѣ разспросы Чегорина князь Андрей, весь поглощенный мыслями о видѣнномъ.

Потомъ, видимо, принявъ какое-то рѣшеніе, настойчиво приказалъ Платону Ивановичу убраться во-свояси, чему тотъ былъ уже радъ.

До глубокой ночи, посасывая свой черешневый чубукъ, проходилъ князь Андрей по своей комнатѣ въ густѣйшихъ облакахъ дыма, пока такъ, съ чубукомъ въ рукѣ, и не заснулъ, не раздѣваясь.

IV.

На утро князь Андрей не уѣхалъ, какъ предполагалъ это ранѣе. Сильно разбирало его любопытство развѣдать всѣ подробности вчерашняго происшествія.

Узнавъ отъ слугъ, что съ ранняго утра, какъ это и прежде часто бывало, Дмитрій Павловичъ со своими собаками ушелъ въ лѣсъ, князь Андрей тщательно побрился и одѣлся.

Твердо рѣшилъ онъ проникнуть въ кабинетъ и поближе разсмотрѣть вчерашнюю таинственную гостью.

Поднявшись наверхъ и осмотрѣвъ осторожно обѣ двери, ведущія въ кабинетъ, замѣтилъ онъ, что одна изъ нихъ заперта изнутри. Тогда онъ рѣшительно постучалъ, и промолвилъ такимъ тономъ, будто дѣлалъ что-то нужное:

— Откройте, пожалуйста, это я.

Сначала на стукъ его никто не отвѣтилъ, но послѣ вторичнаго болѣе настойчиваго, чуткое ухо различило нѣкоторый шорохъ, а послѣ третьяго звякнулъ, наконецъ, ключъ, повернутый въ замкѣ чьей-то робкой рукой.

Чтобы не испугать, князь помедлилъ секунду, и, наконецъ, раскрылъ дверь.

Посреди комнаты стояла незнакомка, на бѣлую рубашку накинущая какой-то пледъ.

Увидѣвъ не того, кого она, видимо, ожидала, она ахнула и сдѣлала быстрое движеніе, какъ бы желая куда-нибудь скрыться, хотя это было бы бесполезно.

Притворивъ дверь, князь Андрей сказалъ ласково:

— Простите, сударыня, если я своимъ непрошеннымъ вторженіемъ напугалъ васъ. Но я

все знаю, и, повѣрьте, сердце мое разрывалось отъ желанія помочь вамъ, такъ какъ, конечно, вы нуждаетесь въ помощи. Вѣдь я все знаю.

— Вы все знаете,—стыдливо опустивъ голову, готовая заплакать, промолвила незнакомка.—Это была шутка, только шутка съ моей стороны, и теперь я не знаю, что и дѣлать.

— Прежде всего успокойтесь и вполне доверьтесь мнѣ,—удваивая ласковость голоса и взглядовъ, отвѣтилъ князь Андрей, который ужъ разсмотрѣлъ, что незнакомка отлично сложена, имѣетъ миленькое личико и прелестныя ножки, которыя такъ соблазнительно выглядывали изъ-подъ рубашки.

— Мой братъ, вѣдь Дмитрій Павловичъ—братъ мой, поступаетъ съ вами жестоко. Не такъ ли?—дѣлая нѣсколько шаговъ къ ней, сказалъ князь Андрей.

Часа два продолжался тайный разговоръ въ кабинетѣ, и когда князь Андрей, наконецъ, вышелъ, напѣвая что-то веселое, то приказалъ немедленно запрягать лошадей въ карету.

Странная торопливость, то что приказано было подать не къ главному подъѣзду, а къ садовой калиткѣ, что провожать себя настрого князь запретилъ,—все это въ ту минуту не обратило особеннаго вниманія дворни, такъ какъ и безъ того всѣ были взволнованы необычными обстоятельствами, о которыхъ уже шелъ слухъ, хотя подлинно никто ничего не

зналъ. Поэтому только дочь скотницы, дѣвчонка Клепка, видѣла, да и то издали, какъ быстро захлопнулась дверца кареты, и помчались лошади съ горы, подымая широкій столбъ пыли.

— Поди, поди!—крикнулъ фореиторъ, когда на поворотѣ чуть не свалили они въ канаву бричку, въ которой сидѣли Осипъ Ивановичъ и Чегоринъ, потерявшій за это утро всякое подобіе человѣческое.

Дѣло было въ томъ, что еще рано-рано, когда Платонъ Ивановичъ почивалъ, получилъ онъ записку съ просьбой немедля пріѣхать къ Кириковымъ.

Пріѣхавъ, засталъ онъ картину необычайную. Марья Семеновна безъ чепца лежала на диванѣ въ гостиной и въ голосъ выла. Осипъ Ивановичъ ходилъ взадъ и впередъ, заложивъ руки за спину. Прерывающимся голосомъ рассказывалъ онъ страшную новость: Анета пропала, и сегодня пастухъ нашелъ барышнину платье на лугу около озера, подходящаго къ княжескому парку. Озерко было мелкое, и утонуть въ немъ было почти невозможно, къ тому же все его прошли бродомъ съ сѣтями и баграми и ничего не нашли.

Какъ только услышалъ Платонъ Ивановичъ этотъ рассказъ, такъ едва не сломалъ кресла, повалился и сдѣлался столь багровымъ, что безъ ужаса смотрѣть на него было невозможно.

Даже Марья Семеновна прекратила свой вой, сѣла на диванъ и приказала басомъ:

— Трите же, дураки, ему виски, а то сейчасъ окачурится.

Осипъ Ивановичъ, къ которому тоже, вѣроятно, относилось приказаніе, вмѣстѣ съ лакеемъ Ѳедоромъ принялись тереть Чегорину не только виски, но и всѣ другія части тѣла, пока тотъ не открылъ глаза и не завопилъ:

— У него она, у него! Самъ я, старый дуракъ, виновать!

— Спятиль,—спокойно сказала Марья Семеновна, не безъ любопытства посматривая на странныя ужимки, которыми сопровождалъ Платонъ Ивановичъ свои восклицанія.

Наконецъ, овладѣвъ своимъ волненіемъ, сумѣлъ Платонъ Ивановичъ вкратцѣ рассказать все, чему былъ вчера свидѣтелемъ и значеніе чего только сейчасъ раскрылось ему.

— Негодяйка!—воскликнула Марья Семеновна, соскакивая съ дивана.—Да и князь вашъ хорошъ. Дворянскихъ дѣвицъ укрываетъ! Я къ губернатору поѣду.

Долго изливалась неукротимая Марья Семеновна и подь конецъ порѣшила: ѣхать сейчасъ же Осипу Ивановичу и Чегорину и немедленно, пока скандалъ не распространился, потребовать выдачи племянницы.

Какъ разъ въ ту минуту, какъ подъѣхала бричка къ подъѣзду, князь Дмитрій Павловичъ

входилъ въ домъ. Онъ не обратилъ никакого вниманія на гостей, и тѣмъ пришлось догонять неучтиваго хозяина. Только ужъ на верхней площадкѣ, передъ дверью въ кабинетъ настигли они князя.

— Государь мой,—заговорилъ Осипъ Ивановичъ, едва переводя духъ и для строгости ворочая глазами,—какъ отъ дворянина, требую отъ васъ отвѣта. Гдѣ моя племянница, неопытностью которой вы вздумали воспользоваться?

— Оставьте меня! Какое мнѣ дѣло до вашей племянницы. Оставьте меня!—бормоталъ князь, дико озираясь.

— Да что на него смотрѣть, и сами найдемъ,—заоралъ Платонъ Ивановичъ съ неожиданной яростью и, оттолкнувъ князя, нажалъ на дверь, думая ее выломать. Но такъ какъ дверь была не заперта, то Чегоринъ со всего размаха ввалился въ кабинетъ и хлопнулся, не удержавшись въ равновѣсіи, на полъ.

— Не смѣете врываться! Уходите!—въ смертельномъ ужасѣ кричалъ князь. Казалось ему невозможнымъ, чтобы открылась тайна его.

Но Платонъ Ивановичъ, поднявшись, уже осмотрѣлъ всю комнату и нѣсколько растерянно промолвилъ:

— Никого нѣтъ...

И Дмитрій Павловичъ быстро вошелъ и, какъ безумный, оглядѣлъ кабинетъ. Никакихъ слѣдовъ вчерашняя посѣтельница не оставила.

Князь опустился на диванъ и закрылъ руками глаза.

— Это вы, это вы прогнали ее,—промолвилъ онъ тихо и вдругъ зарыдалъ, какъ малый ребенокъ.

С.П.Б. Ноябрь 1911.

ГРОЗНАЯ ВѢСТЬ.

Первымъ вѣстникомъ грядущихъ міровыхъ катастрофъ былъ для нихъ болтливый миланскій перчаточникъ. Онъ сидѣлъ за прилавкомъ на высокомъ вертящемся стулѣ, съ ловкостью фокусника вынималъ то одну, то другую коробку, раскладывалъ цѣлую грудку перчатокъ, мягкихъ замшевыхъ, тончайшихъ лайковыхъ, разнообразныхъ цвѣтовъ и фасоновъ. Онъ расхваливалъ свой товаръ, успѣвая въ то же время и спрашивать покупателей, и прикрикнуть на сподручнаго мальчишку, и сообщить мѣстные новости о погодѣ и выборахъ.

Какъ истый итальянецъ, онъ не могъ не заговорить и о политикѣ, и вотъ тутъ они въ первый разъ услышали о злыхъ планахъ Австріи, о томъ, что Сербію не оставитъ Россія, обо всемъ, что казалось такимъ невозможнымъ въ пылкомъ изображеніи миланскаго перчаточника, и что было уже такимъ близкимъ, хотя и столь же невѣроятнымъ.

Купивъ нѣсколько паръ перчатокъ, они вышли на площадь Дуома. Послѣ полутемной прохладной лавки, такимъ яркимъ призракомъ

казались ослѣпительныя мраморныя кружева собора, такой шумной безпечная толпа, такимъ безоблачнымъ прекрасное небо.

— Я не поняла хорошенько, что онъ тамъ болталъ,—щуря глаза, сказала Наталья Николаевна.

— И какъ странно, что Андрей ничего не писалъ объ этомъ...

— Навѣрное, глупости,—отвѣтилъ Георгій Петровичъ.

— Вотъ третій номеръ, это нашъ.

И онъ помогъ своей спутницѣ подняться на площадку трамвая.

Въ вагонѣ было тѣсно, и пришлось сѣсть не рядомъ. Изрѣдка они улыбались другъ другу.

Уже сойдя съ трамвая, Наталья Николаевна опять произнесла:

— Почему же Андрей ничего не писалъ?

— Не знаю, о чемъ писалъ тебѣ Андрей...— нетерпѣливо прервалъ ее Георгій Петровичъ.

И до отеля они дошли молча.

Андрей, мужъ Натальи Николаевны, петербургскій чиновникъ. Пунктуально разъ въ недѣлю приходятъ отъ него письма. Наталья Николаевна бѣгло пробѣгаетъ ихъ и рветъ. Вотъ уже три мѣсяца они не произносили этого тягостнаго имени, съ которымъ связано въ будущемъ столько непріятныхъ разговоровъ, обсужденій, рѣшеній. Уже три мѣсяца путеше-

ствовали они по Италіи, а послѣднія семь недѣль прожили въ прелестномъ, совершенно уединенномъ приморскомъ городкѣ Santa Margherita Ligure.

Нѣжно баюкала ихъ любовь эта очаровательная страна вѣчныхъ любовниковъ. Казалось, навсегда были отдѣлены отъ всего міра этимъ лазоревымъ моремъ, этими бархатными горами. Жизнь шла тамъ будто въ ласковомъ томномъ полуснѣ. Итальянскихъ газетъ они не читали, русскихъ не получали. Рѣдкія письма двухъ-трехъ друзей приходили тоже изъ разныхъ русскихъ или заграничныхъ курортовъ, и были наполнены незначительными сообщеніями о погодѣ и другихъ лѣтнихъ событіяхъ. Мысли были легкія, сонъ крѣпкимъ, и, казалось, ничего не осталось въ мрѣѣ, кромѣ солнца, моря, поцѣлуевъ, нѣжныхъ словъ, которыя они могли произносить, не таясь, непонимаемые окружающими, да еще ласковыхъ звуковъ итальянской безпечной рѣчи.

Вечеромъ они были въ театрѣ. Опера давалась подъ открытымъ небомъ, среди развалинъ древняго цирка; стулья стояли прямо на травѣ, деревья декораций сливались съ стройными кипарисами парка, тянувшася за стѣной. На розовѣющее закатное небо зловѣщія синія тучи налѣзали, грозя дождемъ, и публика, и артисты часто съ тревогой поднимали головы къ небу. Но гроза прошла стороной, только раскаты

грома мѣшались съ трубами оркестра, да далекія зарницы, какъ затѣйливый свѣтовой эффектъ, заставляли вздрагивать толстыхъ голосистыхъ любовниковъ во время ихъ безконечнаго дуэта.

Въ антрактахъ мальчишки разносили мороженое, лимонадъ, сифоны и вечерніе листки газетъ.

Георгій Петровичъ купилъ газету, но знакомья, будто испорченныя французскія слова только дразнили любопытство.

— Все это глупости, — досадливо сказалъ онъ.

— Неужели же кончится нашъ прекрасный нѣжный сонъ? — задумчиво произнесла Наталья Николаевна.

Будто не разслышавъ, Георгій Петровичъ промолчалъ.

На слѣдующій день они уѣхали въ Лугано, такъ какъ приходилъ срокъ неизбежнаго возвращенія, такого тягостнаго и непріятнаго.

Уже было шестнадцатое (двадцать девятое) іюля.

У «счастливыхъ швейцарцевъ» все было тихо, дремотно-спокойно, невозмутимо-скучно, и три дня, которые они прожили въ Лугано, совершенно не давали возможности даже предположить того, что случилось съ ними, да и со всѣмъ міромъ менѣе, чѣмъ черезъ недѣлю.

Маленькая швейцарская газета давала свѣдѣнія скудныя и будто нарочито успокоитель-

ныя. По чистенькой набережной также чинно гуляла какая-то нѣсколько сѣрватая публика. Туристы взбирались по феникулярамъ на неприступныя вершины Брея и Санъ-Сальватора. Въ курзалѣ по вечерамъ играла музыка и въ скромныхъ размѣрахъ дѣйствовала рулетка.

Все это мучительно не нравилось Натальѣ Николаевнѣ.

Совсѣмъ неожиданно отъ Андрея пришли двѣ тысячи франковъ, переведенныя телеграфомъ.

Писемъ же не было.

Эта неожиданная молчаливая щедрость наполнила Наталью Николаевну волненіемъ, хотя не только Георгій Петровичъ, но и жившій въ томъ же пансіонѣ русскій профессоръ смѣялись надъ ея опасеніями. Только хозяйка, госпожа Шульць, ходила съ заплаканными глазами, — ея мужъ былъ прусскій подданный и запасной.

— Тебѣ какъ будто хочется скорѣе вернуться къ мужу? — сказалъ Георгій Петровичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый, не сердись, но лучше поживемъ въ Берлинѣ, если все будетъ спокойно, — умоляюще говорила Наталья Николаевна.

Семнадцатаго (тридцатаго) іюля они выѣхали ночью изъ Лугано, и утромъ въ Цюрихѣ узнали, что путь на Базель закрытъ изъ-за мобилизаціи въ Германіи. Имъ посоветовали новый маршрутъ на Линдау, и въ шесть часовъ вечера они ждали на вокзалѣ въ Ландквартѣ поѣзда на Мюнхенъ.

Ждать пришлось болѣе часа. И среди этой суетливой, безтолковой толпы, среди безпорядка, который себѣ даже представить трудно въ Швейцаріи, Наталья Николаевна испытывала шемящее волненіе.

Въ вагонѣ было очень тѣсно, но какъ-то успокоительно-обычно.

— Все-таки мы ѣдемъ,—думала облегченно Наталья Николаевна.

Нѣмцы на станціяхъ приносили для своихъ дамъ кружки пива. Какой-то господинъ доказывалъ, что войны не будетъ и всѣ народы только попугаютъ другъ друга.

Рядомъ съ ними сидѣли чехи, которые обращались къ нимъ по-чешски, Наталья Николаевна отвѣчала имъ по-русски. Они ѣхали въ Вѣну, и смѣялись, что австріяки ихъ не пустятъ, хотя сами они подъ австріяками.

Уже совсѣмъ стемнѣло, поѣздъ шель, оставивался, а на самыхъ вершинахъ горъ вспыхивали, какъ звѣзды, круглые синіе огни. Это были мобилизаціонные знаки, призывавшіе къ оружію пастуховъ изъ самыхъ неприступныхъ горъ.

Такъ объясняли сосѣди значеніе этихъ таинственныхъ огней, хотя, можетъ быть, это просто была иллюминація по случаю національнаго праздника.

Въ вагонѣ становилось свободнѣе, вылѣзли чехи. Наталья Николаевна раскланивалась съ

ними въ окно вагона. Она смотритъ имъ въ слѣдъ, пока они идутъ по аллеѣ къ уютно-освѣщенному домику. Это—послѣдняя швейцарская станція. Здѣсь еще тихо и мирно.

Но вотъ поѣздъ тронулся, сдѣлалъ всего нѣсколько метровъ, и навстрѣчу ему несется неясный ревъ голосовъ. Вдоль полотна цѣлыя толпы народа: это запасные и провожающіе ихъ. Нѣмцы бросаются къ окнамъ, машутъ платками, кричатъ, а Наталья Николаевна съ какимъ-то недоумѣніемъ и страхомъ смотритъ на нихъ, не то что зная, а чувствуя себя среди враговъ. Георгій Петровичъ угрюмо молчитъ.

Проѣхали пограничную станцію, гдѣ таможенный чиновникъ наскоро осмотрѣлъ багажъ, и снова двинулись въ путь. Въ концѣ концовъ все довольно спокойно, если бы только не этотъ угрожающій и какой-то тоскливый стонъ: «Noch Oesterreich!», который несется откуда-то съ запаснаго пути изъ темноты.

Черезъ нѣсколько минутъ новая пересадка. Здѣсь придется ждать около трехъ часовъ. Уже половина десятаго вечера.

Георгій Петровичъ подъ руку съ Натальей Николаевной прошли по примѣру другихъ въ помещеніе перваго класса, съ трудомъ добыли себѣ столикъ и заказали толстому, суетливому официанту съ смѣшнымъ пискливымъ голосомъ, вѣнскій шницель и мюнхенское пиво. Вокругъ стоялъ гулъ нѣмецкой рѣчи, по платформѣ съ

кружками пива толкались запасные, съ какимъ-то тупымъ отчаяніемъ выкрикивающіе свое «Hoch Oesterreich!» Ни одного враждебнаго слова, ни одного угрожающаго взгляда не было брошено въ сторону русскихъ. Ихъ, вѣроятно, просто не замѣчали. Но полное ощущение безнадежности охватило Наталью Николаевну; казалось ей, что кругъ ужъ замкнулся, и никуда не уйти имъ изъ этой толпы, настороженной, возбужденно-веселой. И всѣ они были соединены, эти мирные бюргеры, возвращающіеся къ своимъ фабрикамъ, и эти хвастливые офицеры въ полуопереточной формѣ, пожилыя нѣмки съ массой чемодановъ, всѣ они были соединены какой-то одной мыслью, однимъ чувствомъ, а она съ Георгіемъ среди нихъ—враги, которыхъ, съ какимъ бы торжествомъ, съ какимъ ликова-ніемъ они бы уничтожили. И была такъ непри-вычна эта мысль о міровой враждѣ, враждѣ беспощадной, такъ полно было одиночество Натальи Николаевны въ этой шумной толпѣ, что не было силъ совладать съ охватившимъ душу волненіемъ.

— Мнѣ страшно,—еле слышно, жалобно произнесла она и положила руку на рукавъ Георгія Петровича, будто ища у него защиты.

Георгій Петровичъ нетерпѣливо передернулъ плечами. Можетъ быть, онъ испытывалъ то же смятеніе и сердила его беспомощность и слабость Натальи Николаевны. Но отъ этого жеста,

будто отдалявшаго отъ него Наталью Николаевну, какое-то тупое отчаяніе овладѣло ея душой; склонивъ голову на руки, она старалась не видѣть и не слышать окружающаго. Одна мысль, что нѣтъ выхода, что никогда не выберутся они отсюда, не доѣдутъ до Берлина, не доѣдутъ вообще никуда, вставала въ мозгу все яснѣе и неизбѣжнѣе, и въ первый разъ острая тоска по Россіи, по оставленнымъ друзьямъ пронзила сердце.

А между тѣмъ становилось все шумнѣе и все чаще въ помѣщеніи перваго класса врывались уже почти совсѣмъ опьянѣвшіе съ блѣдными лицами и остеклянѣвшими глазами безусые парни и мрачные бородачи. Они будто подбадривали сами себя этими грозными выкриками, обѣщавшими смерть врагамъ и торжество Австріи, но, казалось, какой-то темный ужасъ и смятеніе владѣли ими. Тщетно старались вытѣснить ихъ ловкіе офиціанты, они появлялись, какъ мрачныя тѣни то изъ одной двери, то изъ другой, и, казалось, даже самоувѣренно-веселые бюргеры и надменные офицеры были смущены видомъ своихъ будущихъ защитниковъ.

Наконецъ, ихъ увезли. Кондукторъ прошелъ со звонкомъ, крича, что поѣздъ на Мюнхенъ готовъ.

Георгій Петровичъ съ Натальей Николаевной прошли въ вагонъ. Кругомъ сидятъ тѣ, съ

которыми они уже ѣхали раньше, съ которыми Наталья Николаевна переговаривалась. Теперь они разговариваютъ между собой, громко, весело, хвастливо, и не смотрятъ въ сторону русскихъ. Они будто уже что-то знаютъ. И Наталья Николаевна чувствуетъ, что не должна ихъ ни о чемъ спрашивать.

Почему-то они много смѣются и такъ тупо отдаются въ головѣ ихъ хвастливыя угрозы:

— Эти микроскопы—французы, ихъ можно раздавить въ одну недѣлю. На русскихъ сзади набросятся японцы. Англичане не вмѣшаются. А въ Парижѣ, въ Парижѣ, вы слышали, революція, и сегодня убить Жоресъ.

Натальѣ Николаевнѣ хочется закрыть глаза, не слышать, не видѣть, такъ тяжело, такъ душно... Выпрыгнуть бы изъ вагона, бѣжать бы по ночному полю, но,—куда? Россія, Россія такъ далеко, а здѣсь, все, и земля, и небо, и деревья, и люди, самый воздухъ, все—враждебно... Надъ самымъ ухомъ выкрикиваетъ господинъ:

— Жоресъ убить, революція, ихъ можно всѣхъ переловить, какъ цыплятъ.

Громко смѣется дама, которая еще недавно рассказывала Натальѣ Николаевнѣ, какъ хорошо провела она лѣто во Франціи.

А поѣздъ несетъ ихъ все дальше, вглубь страны чужой и враждебной.

Остановка. Легкое замѣшательство. Сна-

чала говорятъ «пересадка», потомъ просятъ никого не выходить изъ вагона. Черезъ минуту въ вагонъ входятъ чиновники. Подходятъ прямо къ Георгію Петровичу. Очевидно; за русскими уже слѣдили.

— Ваши паспорта!

Дама-нѣмка, которая сидитъ рядомъ съ Георгіемъ Петровичемъ, говоритъ:

— У меня только моя визитная карточка.

Улыбаясь, чиновникъ дѣлаетъ ей знакъ рукой. Онъ пришелъ специально за русскими. Мелькомъ взглянувъ въ ихъ паспорта, дѣлаетъ имъ знакъ итти за нимъ.

Итакъ, они арестованы.

Ихъ выводятъ на платформу. Какому-то очень толстому господину, посасывающему сигару, передаютъ ихъ паспорта. Онъ перелистываетъ страницы паспортной книжки и недоумѣнно пожимаетъ плечами.

— Русскіе, русскіе,—повторяетъ онъ.

Видимо, онъ совершенно не знаетъ, что ему слѣдуетъ начать дѣлать. Подзываетъ шуцмана, молодого красиваго парня, у котораго тоже испуганно-удивленное лицо, суетъ ему паспорта, и какъ бы передаетъ русскихъ въ его власть.

— Вамъ придется провести ночь здѣсь на станціи,—говоритъ высокій чиновникъ.

У Натальи Николаевны является, какъ оказалось потомъ, очень счастливая мысль, просить, чтобы ихъ перевезли въ Линдау, куда отправленъ

ихъ багажъ. Вообще, какъ это ни странно, но то, что ихъ арестовали, приносить Натальѣ Николаевнѣ нѣкое успокоеніе. Отодвигается куда-то тотъ страшный, внезапный кошмаръ, который несла имъ эта неопредѣленная ярость, охватившая міръ. Было уже что-то точное и въ томъ, что съ нихъ требовали паспорта, и въ томъ, что съ нихъ снимали что-то въ родѣ допроса, и въ томъ, что молодой шуцманъ смотрѣлъ на нихъ не враждебными, а какими-то робкими глазами. Все-таки возстановлялись какія-то нормы, они могли говорить, о чемъ-то спрашивать, чего-то добиваться. И Наталья Николаевна говорила, что они—путешественники, возвращаются на родину, что паспорта ихъ въ порядкѣ, и билеты имъ продали до Линдау.

Къ нимъ подошелъ еще какой-то «чинъ» въ фуражкѣ и съ большими рыжими усами.

— Я охотно вамъ вѣрю, но это нашъ долгъ,— повторялъ онъ.

Наконецъ, ему самому, кажется, показалась пріятной мысль сплавить ихъ въ Линдау къ высшему начальству.

Въ сопровожденіи того же шуцмана, Георгій Петровичъ и Наталья Николаевна скоро оказались въ товарномъ вагонѣ. И сидя на какомъ-то тукѣ рядомъ съ ихъ краснощекимъ спутникомъ, къ добродушному деревенскому лицу котораго такъ не шла суровая каска, Наталья Николаевна поразительную испытывала легкость. Въ концѣ

концовъ, было рѣшительно неизвѣстно, что съ ними сдѣлаютъ, но какая-то дремотная безвольность, охватившая тѣло, дѣлала ее къ вопросу о будущемъ совсѣмъ равнодушной.

Поѣздъ остановился и ихъ высадили на платформу. Шуцманъ посоветовался съ кѣмъ-то и повелъ ихъ по полутемнымъ улицамъ города. Гулко раздаются шаги по широкимъ плитамъ мостовой. На одномъ углу нѣчто вродѣ скандала. Спорятъ нѣсколько голосовъ. При видѣ шуцмана смолкаютъ, съ насмѣшливымъ недоброжелательствомъ осматриваютъ русскихъ. Слышится Наталья Николаевнѣ, бросаютъ имъ въ спину:

— Русскіе шпіоны!

Почему-то не обидно, не оскорбительно. Пусть ихъ считаютъ за шпіоновъ, пусть отведутъ въ участокъ, пусть дѣлаютъ, что хотятъ...

Поворачиваютъ въ какой-то дворъ, совершенно темный. Вспыхиваетъ электрической фонарикъ въ рукахъ шуцмана. Онъ звонитъ и они долго стоятъ у запертой двери. Ну, конечно, это участокъ, и Наталья Николаевнѣ рисуется мрачная картина неуютнаго помѣщенія, наполненнаго ворами и убійцами.

Наконецъ, открываетъ дверь какой-то заспанный человѣкъ.

— Двое русскихъ, ихъ объясненія весьма правдоподобны...

Тотъ же разговоръ, то же недоумѣніе. На-

коонецъ, ихъ впускаютъ въ сырыя сѣни. Шуцманъ зажигаетъ свой фонарь, вытаскиваетъ для Натальи Николаевны какую-то колченогую скамейку. Отворившій дверь человѣкъ убѣгаетъ вверхъ по лѣстницѣ.

Довольно долго сидятъ они въ этихъ большихъ темныхъ сѣняхъ. Шуцманъ держитъ фонарь и, мигая, смотритъ на огонь. Потомъ, не переводя взгляда, говоритъ:

— Сегодня вечеромъ объявлена война... Какъ вы могли ѣхать...

Наталью Николаевну какъ-то не удивила эта страшная новость. Война! Это то, что изменяетъ все, все чувства, понятія, мысли. Но вѣдь еще раньше, чѣмъ кто-нибудь произнесъ это короткое слово, она уже знала, уже ощущала эту переменѣну. Такъ странно, тамъ въ вагонѣ, среди людей, ѣдущихъ въ Берлинъ, съ которыми нѣсколько ранѣе она говорила вполне дружески, это чувствовалось гораздо яснѣе, чѣмъ сейчасъ, когда они находятся уже подъ стражей.

Наконецъ, съ лѣстницы спускается высшее начальство. Это весьма тучный старикъ, лысый съ пышными усами. Онъ въ ночныхъ туфляхъ и какой-то смѣшной курткѣ. Сверху ему свѣтитъ женщина въ бѣлой ночной кофтѣ. Оказывается, ихъ привели просто-на-просто въ квартиру къ комиссару.

Опять осмотръ паспортовъ и растерянное недоумѣніе. Женщина сверху кричитъ мужу,

чтобы тотъ провелъ ихъ въ кабинетъ. И вотъ они, плѣнные, сидятъ въ крошечной комнаткѣ. У стола, на которомъ, кромѣ бумагъ, лежатъ какіе-то дѣтскіе учебники, комиссаръ, осѣдлавъ красный носъ огромными очками, изучаетъ ихъ паспорта. Георгій Петровичъ въ доказательство правдивости, передаетъ ему круговые билеты: свой и Натальи Николаевны. Шуцманъ почтительно стоитъ у дверей. Жена комиссара занимаетъ Наталью Николаевну соболѣзнующимъ разговоромъ. Она причитаетъ о страшномъ бѣдствіи, которое грозитъ всѣмъ. И ея старшій сынъ, который живетъ въ Мюнхенѣ, вѣрно, призванъ.

— Если я даже отпущу васъ,—говоритъ комиссаръ,—то ѣхать дальше вамъ невысказано. Въ Берлинѣ вамъ будетъ нехорошо. Единственное, что я могу вамъ посоветовать, это—возвратиться въ Швейцарію.

— Но какъ же мы вернемся домой, если война продолжится долго?—спрашиваетъ Наталья Николаевна, и мучительная тоска по Россіи снова сжимаетъ ей сердце.

— О, нѣтъ, не больше четырехъ недѣль. Черезъ четыре недѣли все будетъ кончено. Если эта рѣзня продолжится четыре недѣли, то некого будетъ больше убивать ни у васъ, ни у насъ.

Онъ произнесъ это гордо, вѣроятно вспоминая берлинскія газеты, но Наталья Николаевна замѣтила, какъ дрожали руки старика; вѣроятно, онъ вспомнилъ о сынѣ...

Комиссаръ посмотрѣлъ по росписанію, что первый пароходъ черезъ Боденское озеро въ Швейцарію отходить въ шесть часовъ утра. Такимъ образомъ, всю ночь имъ пришлось провести въ этой маленькой комнатѣ, въ обществѣ этихъ людей, которые обязаны были послѣ сегодняшняго вечера обращаться съ ними, какъ съ врагами, и еще не умѣли этого. Говорили о какихъ-то пустякахъ, далекихъ тому, что уже совершалось.

Еще не вспыхнулъ этотъ огонь вражды, который съ такой тщательностью раздувало въ народѣ правительство Вильгельма. Еще не докатилось сюда въ этотъ мирный Баварскій городокъ мутная волна темныхъ злыхъ страстей. Русскіе были для нихъ еще просто людьми.

Въ сопровожденіи все того же шуцмана прошли Георгій Петровичъ и Наталья Николаевна раннимъ утромъ по улицамъ очень чистенькаго и довольно живописнаго городка.

Убѣдившись, что они помѣстились на пароходѣ, шуцманъ облегченно откзырялъ, и удалился.

Яркое вставало солнце. Было много публики, светливой, нарядной. Въ большой столовой уже можно было пить кофе; плавно покачивался пароходъ, удаляясь отъ розовѣющихъ на солнцѣ домовъ, такого уютнаго, типично-нѣмецкаго городка.

Наталья Николаевна то спускалась въ каюту, гдѣ расторопный официантъ совсѣмъ потерялъ

голову отъ безчисленныхъ заказовъ на всѣхъ языкахъ Европы; то шла на носъ, гдѣ продувало бодримъ, свѣжимъ утреннимъ вѣтромъ и такъ непривычно звучала русская рѣчь — ѣхала цѣлая компанія студентовъ изъ Мюнхена, они весело обсуждали необычайныя событія, строили планы пѣшкомъ пройти всю Швейцарію и поступить волонтерами во французскую армію.

Наталья Николаевна блуждала по всему пароходу, будто не вѣря чему-то. Георгій Петровичъ сидѣлъ около чемодановъ и бесѣдовалъ съ старичкомъ.

— Мы еще счастливо отдѣлались,—сказалъ онъ, когда Наталья Николаевна подошла къ нему.—Вотъ рассказываютъ ужасы про то, что творилось въ Мюнхенѣ. Съ нами они просто не знали еще какъ поступать.

— Да, да,—заговорилъ старичокъ, слегка приподнимая шляпу:—ужасно, ужасно... Вонъ ту барышню, я самъ видѣлъ, на вокзалѣ жандармъ ударилъ по лицу... Да и со всѣми, что было.

Онъ смотрѣлъ удивленными, добрыми, вильковыми глазами, какъ бы тоже не понимая, или не вѣря, сонъ ли тяжелый, все, что было этой ночью, сонъ ли, что сейчасъ они уже свободны и могутъ на что-то надѣяться, чего-то ждать.

Наталья Николаевна съ ужасомъ и какимъ-то недоумѣніемъ глядѣла на дѣвушку, закутавшуюся въ клѣтчатый пледъ, всю какъ-то сжавшуюся на скамейкѣ.

— Да, да, что-то непонятное, повѣрить нельзя. Только бы доѣхать до Россіи, какъ-нибудь только бы доѣхать.

И вздохнувъ, какъ-то совсѣмъ по-дѣтски жалобно, старичокъ еще разъ приподнялъ шляпу и пошелъ, пошатываясь отъ легкой качки парохода.

Наталья Николаевна будто поняла, что томило такъ мучительно ее.

— Только бы доѣхать до Россіи скорѣй,— проговорила она.

Георгій Петровичъ не то съ удивленіемъ, не то съ досадой посмотрѣлъ на нее.

— Я думаю, будетъ благоразумнѣе переждать нѣкоторое время въ Швейцаріи. Пока все нѣсколько выяснится. Да и не судьба ли удерживаетъ насъ вмѣстѣ? Развѣ намъ такъ плохо?—говорилъ онъ и хотѣлъ взять руку Натальи Николаевны.

— Нѣтъ, нѣтъ, невозможно... Я должна ѣхать... Я не могу безъ Россіи, здѣсь, нѣтъ, нѣтъ...—горячо перебила Наталья Николаевна, отнимая руку.—Господи, что-то тамъ дѣлается, а мы такъ далеко!

Дѣвушка, та, которую ударилъ прусскій жандармъ, откинула съ головы пледъ.

— Говорятъ, можно сейчасъ проѣхать черезъ Константинополь. У меня братъ въ Николаевѣ служить...

Наталья Николаевна подсѣла къ ней и жадно слушала ея слова, какъ самыя нужныя и важныя.

Женева. Августъ 1914 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Сердце воина	1
Наташа (повѣсть въ 2-хъ частяхъ)	19
Поцѣлуй Венеціи	151
Весенніе дни	169
Дача на Островахъ	189
Въ монастырѣ	233
Троицынъ день	267
Розы принца	291
Первая любовь барона фонъ-Кирилова	309
Желтая карета	323
Русалочье зелье	343
Грозная вѣсть	377

Разказы напечатанные въ этой книгѣ печатались впервые въ журналахъ: «Русская Мысль», «Нива», «Сѣверныя записки». Въ газетахъ: «Рѣчь», «Русскія Вѣдомости», «Биржевыя Вѣдомости», «День», «Русская Молва» и въ юбилейномъ альманахѣ книгоиздательства «Грифъ».

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛУКОМОРЬЕ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

- Сборникъ «Лукоморье». Ц. 2 р.
Сергѣй Городецкій—«Четырнадцатый годъ». Ц. 1 р. Обл. Е. Нарбута.
М. Кузьминъ—Военныя рассказы. Ц. 1 р. 50 к. Обл. С. Судейкина.
Борисъ Лазаревскій—Новыя дѣвушки. Рассказъ. Обложка Д. Митрохина.
Борисъ Лазаревскій—Во время войны. Ц. 1 р. 50 к. Обл. Д. Митрохина.
В. Опочининъ—Грезы и жизнь. Стихи. Ц. 1 р. 50 к. Обл. Е. Нарбута.
Георгій Ивановъ—Памятникъ славы. Стихи. Ц. 1 р. Обл. Е. Нарбута.
Михаилъ Долиновъ—Радуга. Стихи. Ц. 1 р. Обл. И. Мозалевского.
М. Влагинъ—Рассказы. Ц. 1 р. 25 к. Обложка Е. Нарбута.
Юрій Слезкинъ—Святая радость. Т. III. Ц. 1 р. 75 к. Обл. О. Шарлемань.
Юрій Слезкинъ—Среди березъ. Т. II.
А. Ремизовъ—Укрѣпа. Обложка Е. Нарбута. Ц. 1 р. 50 к.
А. Рославлевъ—Черезъ цвѣтныя стекла. Обложка Д. Митрохина.
Цѣна 1 р. 50 к.
Юр. Юркунъ—Рассказы. Обложка А. Боженякова. Ц. 1 р. 50 коп.
Н. Кисилевъ—Скращенные мечи. Обл. И. Мозалевского. Ц. 1 р. 25 к.
А. Липецкій—Воля къ жизни. Обложка И. Мозалевского. Ц. 1 р. 50 к.
В. Вѣловъ—Разумѣйте языцы. Обложка И. Мозалевского. Ц. 1 р. 50 к.
В. Козловъ—Подъ грозою. Ц. 1 р. 50 к. Обложка Д. Митрохина.
Бор. Садовскій—Полдень. Стихи.
В. Верхоустинскій—Утренняя звѣзда. Ц. 1 р. 50 к. Обл. Д. Митрохина

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Сборникъ «Лукоморье» (второй).

- Ө. Сологубъ—Родина. Стихи. Обложка Е. Нарбута.
Ө. Сологубъ—Барышня Лиза. Обложка и иллюстраціи С. Судейкина.
Юрій Слезкинъ. Т. Т. I, IV, V, VI. Обложка О. Шарлемань.
С. Ауслендеръ—Рассказы. Сердце воина. Ц. 1 р. 25 к. Обложка Д. Митрохина.
А. Рославлевъ—Кольцо. Стихи. Обложка Д. Митрохина.
Д. Цензоръ—Обиженная любовь.
Яковъ Годинъ—Праздникъ.
А. Ремизовъ—Чаемый Царьградъ. Обложка Н. Гончаровой.
В. Муйжель—Приключенія двухъ юныхъ добровольцевъ на войнѣ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Золотыя яблоки—первая книга рассказовъ. (Содержаніе: Бастилія взята. Вечеръ у г-на де Севиражъ. Литанія Маріи Дѣвственницѣ изъ Касенны. Нѣкоторые достойные вниманія случаи изъ жизни Луки Бедо. Валентинъ миссъ Белинды. Прекрасный Маркъ. Местъ Джироламо Маркезе. Корабельщики или трогательная повѣсть о Феличе и Анжеликѣ. Флейты Вафила). Изд. «Грифъ». Москва I изданіе 1908 г. II изданіе 1914 г. (оба изданія распроданы).

Вторая книга рассказовъ. (Содержаніе: I. Отъ автора. Ночной принцъ. Ставка князя Матвѣя. Роза подо льдомъ. Филимоновъ день. Филимонъ-флейтчикъ. Туфельки Нелидовой. Гансъ Вреденъ. II. Пастораль. Веселыя святки. У фабрики). Изд. „Аполлонъ“. СПб. 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Послѣдній Спутникъ, романъ въ 3-хъ частяхъ изд. К. О. Некрасова. Москва 1913 г. Ц. 1 р.

Сердце воина—третья книга рассказовъ.

Рассказы къ случаю—четвертая книга рассказовъ. (Содержаніе: Послѣднія слова. О чемъ думаетъ г-нъ министръ. Война. Святки въ старомъ Петербургѣ. Страшный день. Занятые люди. То, чего не было. Первая влюбленность. Простой случай. Дорожная встрѣча. (Въ печати).

Пятая книга рассказовъ. (Содержаніе: Осень. Рассказъ въ пути. Что знали вещи. Тавочкино горе, и др.) (Готовится къ печати).

Три повѣсти (Жестокая нѣжность. У ручья. Далекій призывъ). (Готовятся къ печати).

Ставка князя Матвѣя пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд. „Театръ и Искусство“. 1913 г. Ц. 2 р.

Изумрудный паучекъ, пьеса въ 5-ти дѣйствіяхъ. Изданіе „Театръ и искусство“. 1914 г. Ц. 2 р.

Театръ—книга пьесъ. (Содержаніе: Ставка князя Матвѣя. Изумрудный паучекъ. Веселый день княжны Елисаветы. Пѣсенька г-жи Монклеръ. Причуды новобрачной). (Печатается).

Весеннія облака—книга статей. (Готовится къ печати).

